

Ян Флеминг

Из России с любовью

1. Страна цветущих роз

Возле плавательного бассейна лежал, уткнувшись лицом в траву, обнаженный мужчина. Он лежал неподвижно, словно труп. На первый взгляд казалось, что он утонул, был вытащен из бассейна и оставлен здесь, на траве, до приезда полиции или родственников. Те несколько дорогих вещей, которые были возле него, принадлежали, несомненно, богатому человеку: толстая пачка ассигнаций в зажиме из золотой мексиканской монеты, золотая зажигалка «Данхилл», овальный золотой портсигар с бирюзовой кнопкой, изготовленный самим Фаберже, и, наконец, книга, которую берут из шкафа, чтобы почитать, нежась на солнце, — «Маленький самородок», одна из ранних повестей Вудхауса. Рядом лежали и массивные золотые часы — модель Жирар-Перрио, которую любители часов обожают из-за множества разных приспособлений: здесь и секундомер, и в маленьких окошечках на циферблате — цифры, показывающие месяц, день и фазу луны. Сейчас на часах было десятое июня, половина третьего пополудни, и луна входила в третью четверть.

Эти вещи были сложены возле лежавшего горкой на траве, словно бы для того, чтобы никто не подумал, что достававшие утопленника из бассейна что-то украли.

Сине-зеленая стрекоза вылетела из-за кустов цветущих роз и застыла над неподвижно распростертым телом, быстро перебирая прозрачными крылышками. Яркий отсвет золотого июньского солнца на тонких светлых волосах у копчика мужчины неодолимо тянул ее к себе. С моря донесся слабый порыв ветра. Крошечная полоска волос шевельнулась. Стрекоза нервно рванулась в сторону и повисла над левым плечом неподвижного тела.

Тоненькие стебельки молодой травы возле открытого рта мужчины заколебались. Капля пота скатилась по мясистому носу в траву. Стрекоза метнулась за кусты роз, за острые грани бутылочного стекла, вцементированного в верх высокого кирпичного забора, окружающего усадьбу, и скрылась. Человек, лежавший неподвижно в центре отлично ухоженного сада, возле бассейна, был жив.

Возможно, он просто дремал. С трех сторон высокой ограды тянулись кусты разноцветных — желтых, белых, красных — роз, от которых исходил дурманящий аромат. В глубине кустов сонно жужжали пчелы. С четвертой стороны доносился грохот морских волн, разбивающихся далеко внизу о подножье прибрежных утесов.

Самого моря из сада видно не было. Впрочем, из сада не было видно ничего, кроме неба и облаков над четырехметровой каменной оградой. Заглянуть за ее пределы можно было только поднявшись на верхний этаж виллы, откуда открывался необъятный морской простор прямо перед виллой, а слева и справа — верхние этажи соседних особняков и вершины деревьев, растущих в ближних садах, — средиземноморских вечнозеленых дубов, ниний, казуарин и, иногда, даже пальм.

Сама вилла была современной и невыразительной — приземистое удлинненное строение без украшений, она ничем не радовала глаз архитектора. Четыре окна в металлических рамах и застекленная дверь выходили в сад. Перед дверью — небольшой квадрат, выложенный светло-зелеными глазурованными плитками, сливающимися с аккуратным газоном. Та сторона виллы, которая выходила на пыльную дорогу, выглядела куда более строгой, чем та, что была обращена в сад: окна, закрытые железными решетками и настороженно глядящие на дорогу, массивная дубовая дверь.

На верхнем этаже виллы находились две одинаковые небольшие спальни, на

нижнем — гостиная и кухня, рядом с которой был туалет. Ванной в особняке не было.

Сонная предвечерняя тишина была нарушена звуком приближающегося автомобиля, который остановился у калитки в стене. Хлопнула дверь, автомобиль уехал. В саду прозвенел звонок, и от этого звука внезапно широко открылись глаза обнаженного человека, лежавшего на газоне рядом с бассейном. Затем — так же мгновенно — сузились, как у животного, постоянно находящегося настороже. Мужчина сразу же вспомнил, где он находится, какой сегодня день недели, примерно определил время. Тут же веки его с короткими рыжеватыми ресницами опустились, закрыв сонные светло-голубые, даже матовые, словно невидящие глаза. Узкие жесткие губы раздвинулись, он широко зевнул, сплюнул на траву и стал ждать.

Хлопнула дверь виллы, ведущая в сад, и на лужайку вышла девушка в белой хлопчатобумажной блузке, короткой синего цвета рабочей юбке, с сеткой в руке. Широкими мужскими шагами она направилась по подстриженной траве газона к лежащему мужчине. Остановившись в нескольких шагах от него, она поставила сетку на траву, села и сняла дешевые пыльные туфли. Затем встала, расстегнула блузку, аккуратно стащила ее через голову и положила рядом с сеткой.

Никакой другой одежды под блузкой не было. Загорелая нежная кожа, обнаженные плечи и красивые, немного полные груди — все светилось здоровьем и молодостью. Она наклонилась и принялась расстегивать юбку. Под мышками были видны пучки светлых волос. Широкие бедра, обтянутые тесными, выцветшими от солнца и соленой воды купальными трусиками, мускулистые икры ног только усиливали впечатление молодости, исходившее от этой здоровой крестьянской девушки.

Сложив одежду на траву, девушка достала из сетки бутылку, наполненную густой бесцветной жидкостью, подошла к обнаженному человеку и опустилась на колени. Несколько капель оливкового масла, имеющего, как и все благовония в этой стране, запах роз, она вылила на спину лежащего, между лопатками, затем пошевелила пальцами, подобно пианистке перед трудным пассажем, и принялась массировать трапециевидные мускулы мужского тела — в том месте, где шея переходила в широкие плечи.

Это была нелегкая работа. Выпуклые мышцы у основания шеи были невероятно упруги и едва поддавались давлению больших пальцев массажистки, даже когда она нажимала на них со всей силой. После такой работы девушка станет мокрой от пота и настолько обессиленной, что окунувшись в бассейн, будет отдыхать в тени, пока за ней не приедет автомобиль. Но сейчас она продолжала работать, разминая мощные мускулы на спине лежащего мужчины.

Девушка привыкла к своему нелегкому труду, но почему-то была не в силах преодолеть инстинктивный ужас перед этим самым совершенным мужским телом, которое ей только приходилось видеть. Она всячески подавляла признаки непонятного чувства: по бесстрастному лицу массажистки, по ее слегка раскосым глазам нельзя было понять, что ей страшно и сердце ее сжимается, как у маленького затравленного зверька, и кровь пульсирует с необыкновенной частотой.

В который раз за последние два года она вновь подумала, как яростно ненавидит это великолепное мужское тело, распростертое сейчас перед ней, и снова попыталась отыскать причину этого отвращения. Может быть, подумала она, хоть на этот раз удастся избавиться от этого чувства, которое не должно возникать у человека ее профессии, обязанного обслуживать других.

К примеру, его волосы... Девушка посмотрела на небольшую круглую голову на литой жилистой шее. Голова была покрыта тугими завитками кудрявых красно-золотистых волос, похожих на те, что украшают мраморные античные статуи. Но у мужчины эти завитки казались слишком уж тугими, слишком плотно приплюснутыми к голове и друг к другу. Сзади они покрывали шею, спускаясь

слишком низко, почти — она не могла не прибегнуть к профессиональному термину — до самого последнего, пятого, шейного позвонка.

Девушка, решив передохнуть, присела на корточки. Ее великолепный торс лоснился от пота. Но только на минуту! Она провела по лбу тыльной стороной кисти, вновь взяла бутылку с оливковым маслом, отвернула крышку и налила немного его — примерно с чайную ложку — в небольшую впадину у основания спины, заросшую волосами. Потом она снова размяла уставшие пальцы и принялась за работу.

...Этот крошечный, напоминающий кончик хвоста завиток из тончайших золотистых волос в том месте, где раздваивались ягодицы, — разве не способен он вызвать волнение, прилив страсти? Почему же он кажется ей каким-то скотским, звериным? Нет, скорее змеиным. Но у змей нет волос. Она не могла объяснить себе, почему эти волосы казались ей змеиными... Девушка положила ладони рук на выпуклые холмы ягодичных мышц. В этот момент некоторые из ее постоянных пациентов, в особенности молодые футболисты из сборной команды, начинали заигрывать с ней. Особенно настойчивых она утихомиривала резким нажатием на седалищный нерв. Но нередко, когда мужчина казался ей привлекательным, недвусмысленные намеки и короткая борьба завершались страстным объятием и наслаждением капитуляции.

Но с этим все и всегда было по-другому. Совершенно по-другому. С самого первого раза он вел себя подобно куску неодушевленной плоти. За все два года он не сказал ей ни единого слова. Когда девушка кончала массировать спину и ей нужно было, чтобы он перевернулся, она просто хлопала его по плечу. Он переворачивался, смотрел в небо полужакрытыми глазами и время от времени широко зевал. Это было единственным знаком, что у него оставались какие-то человеческие чувства. Ни его глаза, ни его мышцы никак не отзывались на прикосновения женских рук, на полунаготу прекрасного тела.

Девушка передвинулась в сторону и приступила к массажу его правой ноги. Спустившись к ахиллесову сухожилию, она повернула голову и окинула взглядом великолепное мужское тело. Может быть, ее отвращение было чисто физическим и объяснялось красноватым загаром, сделавшим его молочно-белую кожу похожей на кусок недожаренного мяса? Или строением самой кожи — глубокие редкие поры покрывали ее лоснящуюся поверхность. Может, отвращение вызывают мелкие коричневые веснушки, густо осыпавшие плечи и верхнюю часть спины? Или все-таки оно вызвано его полным равнодушием, отсутствием полового влечения, несмотря на эти поразительные, будто высеченные резцом скульптора мышцы? Нет, отвращение было скорее интуитивным: животный инстинкт подсказывал девушке, что это великолепное тело таит в себе что-то чудовищное. Болезнь? Скрытый порок?

Массажистка встала, выпрямилась и потянулась. Небольшая гимнастика: повернуть голову из стороны в сторону, расслабить плечи, вытянуть руки прямо перед собой, затем вскинуть их вверх и на мгновение застыть в этой позе, пока кровь не отойдет от набрякших мышц... Закончив, она подошла к сетке, лежащей на траве рядом с одеждой, достала оттуда грубое полотенце и вытерла пот с лица и тела.

Когда девушка снова повернулась к мужчине, тот уже лежал, перевернувшись на спину, и смотрел в небо, положив голову на открытую ладонь руки. Другая рука была откинута в сторону. Массажистка подошла к мужчине и села на корточки рядом с ним. Она растерла масло между ладонями, подняла полуоткрытую массивную кисть мужчины и начала разминать короткие толстые пальцы.

Не прерывая работы, она вскользь, с опаской, взглянула на красновато-коричневое лицо под шапкой густых золотистых волос. На первый взгляд оно было привлекательным — лицо молодого здорового мясника с пухлыми красными губами, вздернутым носом и круглым подбородком. Лишь присмотревшись повнимательнее, она начинала замечать что-то жестокое в уголках плотно сжатого

рта, что-то свиное — в широких ноздрях вздернутого носа, непроницаемую матовость светло-голубых глаз, которые мертвенно, без малейшего интереса смотрели на окружающий мир и были похожи, скорее, на глаза мертвеца. Вообще, можно подумать, размышляла девушка, что кто-то взял лицо фарфоровой куклы и раскрасил его пугающими красками.

Сильные пальцы массажистки принялись за могучий бицепс. Откуда у него такие фантастические мышцы? Зачем ему эта физическая сила? Ходят слухи, что вилла принадлежит секретной службе. Слуги готовят пищу и следят за чистотой, но они же являются одновременно и охранниками. А этот мужчина исчезает куда-то каждый месяц, и тогда несколько дней за ней не приезжают. Бывает, что ее не беспокоят в течение недели или даже месяца. Однажды, после того как он отсутствовал особенно долго, ей было трудно работать: его шея и торс оказались покрыты массой царапин и кровоподтеков. В другой раз целый фут хирургического пластыря закрывал еще не совсем зажившую рану на левой стороне груди, рядом с сердцем. Девушка никогда не осмеливалась ни о чем спрашивать — как его самого, так и в больнице, где работала, и в городе. Когда ее привезли на виллу первый раз, один из охранников предупредил, что если она посмеет рассказать об увиденном, то будет отправлена в тюрьму. Главный врач больницы, никогда раньше не замечавший массажистку, вызвал ее к себе в кабинет и еще раз строго наказал сохранять в тайне все, что она знает о вилле и ее жильцах.

Пальцы девушки разминали дельтовидную мышцу плеча. Разумеется, она и сама догадывалась, что дело связано с государственной безопасностью. А может, именно это и было причиной ее отвращения к великолепному телу — страх перед организацией, к которой принадлежал ее пациент. Она невольно закрыла глаза при мысли о том, кем он может быть или что он может приказать сделать с ней. И тут же в панике снова открыла их. Вдруг он заметит? Но мужчина продолжал смотреть отсутствующим взглядом.

Теперь наступила очередь массировать лицо, и девушка вновь потянулась к бутылке с маслом. Едва ее пальцы коснулись лица мужчины, в доме зазвонил телефон. Резкий звук нарушил сонную тишину сада. Мужчина мгновенно вскочил и замер на одном колене — как спринтер, ждущий сигнал стартера. Звонок стих. Раздался приглушенный голос охранника. Слова невозможно было разобрать, но голос звучал почтительно, будто говоривший отвечал на вопросы вышестоящего. Затем голос стих, и на пороге появился тот, кто говорил по телефону. Он сделал жест рукой, подзывая мужчину, и скрылся внутри. Это было лишнее: едва фигура охранника появилась на пороге, мужчина уже сорвался с места. Массажистка успела только заметить, как мелькнула загорелая спина, — и он скрылся за дверью. Пусть они не думают, решила она, будто их разговоры представляют для нее интерес. Девушка встала, подошла к бетонному краю бассейна и нырнула в воду.

Содержание телефонного разговора, возможно, могло бы объяснить ей причину инстинктивного отвращения, испытываемого к мужчине, тело которого она только что массировала. Но для ее душевного спокойствия было куда лучше, чтобы она не слышала ничего.

Имя мужчины было Донован Грант или «Красный Грант», однако на протяжении последних десяти лет он был известен под кодовой кличкой «Красногранитский» или «Гранит».

Он был главным палачом СМЕРШа, аппарата убийств, пыток и насилия МГБ. И в этот момент он стоял у телефонного аппарата, прислушиваясь к инструкциям, которые шли по прямой линии из Москвы.

2. Мясник

Все еще глядя на телефон, Грант медленно положил трубку.

— Собирайтесь побыстрее, — сказал коренастый охранник, стоящий рядом.

— Вы не знаете, какое задание мне предстоит на этот раз? — Грант говорил по-русски отлично, хотя и с заметным акцентом, по которому его можно было принять за жителя Прибалтики. Голос его был высоким и невыразительным, как будто он не говорил, а читал по невидимой книге что-то скучное.

— Нет. Передали только одно — вам нужно срочно прибыть в Москву. Самолет уже вылетел. Через час он будет здесь. Полчаса на заправку — и затем еще три или четыре часа полета. К полуночи будете в Москве. Собирайтесь. Я вызову машину.

Грант встал.

— Да-да, вы правы. Но разве они не сказали, что предстоит операция? Я хотел бы знать об этом заранее. Это прямая линия, гарантированная от прослушивания. Обычно меня предупреждают...

— На этот раз не предупредили.

Грант повернулся и медленно вышел в сад. Если он и заметил девушку, сидящую на дальнем краю бассейна, то не подал вида. Он наклонился, поднял книгу, золотые трофеи своей профессии, вернулся в особняк и по узкой лестнице поднялся к себе в спальню.

Унылая комната была обставлена по-спартански: железная кровать, с которой свисали мятые простыни, плетеное кресло, некрашенный платяной шкаф, металлический умывальник. Американские и английские журналы были разбросаны по полу. На подоконнике лежали стопки дешевых детективных романов в ярких кричащих обложках.

Грант наклонился и вытащил из-под кровати потрепанный фибровый чемодан, сделанный в Италии. Раскрыл его, уложил стопку хорошо выстиранного дешевого белья, пару потрепанных, но все еще респектабельных костюмов, которые он достал из шкафа и уложил в чемодан вместе с вешалками, и защелкнул крышку. Затем он поспешно умылся холодной водой из-под крана и тщательно вытер тело одной из простыней, которую сдернул с кровати.

Снаружи донесся шум автомобиля. Грант натянул трусы и майку, надел такой же неприметный костюм, как и те, которые лежали в чемодане, застегнул ремешок часов, разложил по карманам остальные вещи, взял чемодан и спустился вниз.

Массивная дубовая дверь и калитка в стене были открыты. Охранники стояли у черного «ЗИСа» и разговаривали с шофером.

«Идиоты, — подумал Грант (он еще не отвык думать на английском языке). — Не иначе предупреждают шофера, чтобы не спускал с меня глаз, пока я не поднимусь по трапу самолета. Наверно, никак не могут поверить, что иностранец может и готов жить в их проклятой стране».

Грант поставил чемодан на пол, ощущая пристальное наблюдение, выбрал себе плащ из тех, что висели у входа. Перебросив его через руку, он поднял чемодан, подошел к открытой дверце машины, грубо потеснил плечом ближайшего охранника и опустился на сиденье рядом с водителем.

Охранники молча сделали шаг назад, не спуская с него холодных цепких глаз. Шофер отпустил педаль сцепления, и длинная машина рванулась по пыльной дороге.

Вилла была расположена на юго-восточном берегу Крыма, между Ялтой и Феодосией. Это была одна из многих государственных дач, разбросанных по фешенебельному, изрезанному горами побережью, называемому русской Ривьерой. «Красный» Грант знал, что ему оказали огромную честь, поселив его именно здесь, а не в какой-нибудь мрачной даче в пригороде Москвы. Пока автомобиль поднимался по извилистой дороге все выше и выше в горы, он думал о том, что его, несомненно, неплохо опекают, хотя, конечно, эта забота о его благополучии не имеет ничего

общего с благотворительностью.

Расстояние в сорок миль — от виллы до аэродрома в Симферополе — они проехали за час. По дороге им не встретилось ни одного автомобиля. Редкие повозки, выезжавшие на шоссе с виноградников, поспешно сворачивали на обочину, едва заслышав сигнал машины. Как и повсюду в России, автомобиль означал власть, и встреча с ее представителями могла окончиться неприятностями.

Вдоль всего шоссе тянулись кусты роз, перемежающиеся с виноградниками. Недалеко от аэродрома они проехали мимо огромной клумбы. Цветы на ней были посажены так, что из соединения их получалось изображение красной звезды на белом фоне из роз. Гранту до смерти надоели розы. Он устал от их сладкого, всюду проникающего запаха и мечтал поскорее оказаться в Москве и забыть об этой красоте хотя бы на время.

Автомобиль миновал гражданский аэропорт. Далее шла высокая стена, и они ехали еще больше миль — к военной части аэродрома. У ворот из металлической сетки шофер остановился, показал документы двум часовым с автоматами и выехал на бетон аэродрома. У входов в ангары стояли огромные военные транспортные самолеты, окрашенные в маскировочный цвет, небольшие двухмоторные тренировочные самолеты и пара военных вертолетов. Шофер было затормозил, чтобы спросить, к какому из самолетов подвезти Гранта, но тут из громкоговорителя донесся металлический голос: «Поверните налево. В дальнем углу Бортовой номер — 5—Б—0».

Шофер послушно повернул машину и пересек посадочную полосу. Через несколько мгновений металлический голос скомандовал снова: «Немедленно остановитесь!»

Водитель изо всех сил нажал на тормоза, машина остановилась, и над их головами раздался рев реактивных двигателей. Грант и шофер инстинктивно наклонили головы: рядом с ними со стороны заходящего солнца на посадочную полосу один за другим опустились четыре МИГ—17 с выпущенными воздушными тормозами-закрылками. Истребители коснулись широкой и кажущейся бесконечной посадочной полосы, из-под колос вылетели синеватые дымки. Затем развернулись в конце полосы и направились к ангарам.

— Продолжать движение! — донесся до них металлический голос.

Еще через сто ярдов они увидели двухмоторный ИЛ—12 с бортовым номером 5—Б—0. Из дверцы кабины уже была спущена небольшая алюминиевая лестница, и машина затормозила возле нее. В просвете люка появился один из членов экипажа, сошел вниз, проверил пропуск водителя и удостоверение личности Гранта, затем отпустил машину и жестом пригласил Гранта подняться в самолет. Когда оба оказались в самолете, летчик поднял лестницу внутрь, захлопнул широкий люк и прошел в кокпит.

Внутри кабины было двадцать пустых кресел. Грант опустился в ближайшее и пристегнул ремень. Из кокпита донесся голос пилота, запрашивающего разрешение на взлет. Один за другим кашлянули и заревели моторы, самолет развернулся, не останавливаясь промчался по взлетной полосе и поднялся в воздух.

Грант расстегнул пристяжной ремень, закурил, откинул спинку кресла и задумался: времени в полете ему хватит и на то, чтобы вспомнить прошлое, и попытаться разгадать, что предстоит впереди.

...Донован Грант появился на свет в результате полночного союза профессионального немецкого тяжелоатлета и официантки из Южной Ирландии. Союз длился четверть часа, начавшись и закончившись на сырой траве, за шатром странствующего цирка, на окраине Белфаста. Потом отец дал матери полкроны, и она, довольная, вернулась к себе на кухню станционного буфета. Когда наступило время появиться на свет ребенку, она поехала к тетке в маленькую деревушку

Аумаклой на границе между Ирландией и Ольстером, где и родила мальчика весом в двенадцать фунтов. Вскоре после этого мать умерла от родильной горячки, наказав перед смертью, чтобы мальчика назвали Донован — в честь отца (тяжелоатлет называл себя «Могучий О'Доннован»). Фамилия Грант была ее собственной.

Тетка с неохотой взялась за воспитание племянника, который рос здоровым и исключительно сильным, но молчаливым и необщительным. У него не было друзей, потому что сверстники побаивались его: если Доновану что-нибудь нравилось, он отбирал это силой. Но если в школе его боялись и не любили, то на местных ярмарках мальчик стал завоевывать известность победами в борьбе. Неистовая ярость его атак в сочетании с расчетливой хитростью помогали ему одерживать верх над более крупными и взрослыми соперниками.

Вскоре на него обратили внимание шинфейнеры, пользовавшиеся деревней Аумаклой для перехода границы в Северную Ирландию и обратно, а также местные контрабандисты, обосновавшиеся в деревне с той же самой целью. После окончания школы Донована стали привлекать в качестве телохранителя руководители обеих групп. Ему хорошо платили, но общаться с ним старались как можно меньше.

Начиная примерно с этого возраста, Донован стал испытывать на себе воздействие каких-то странных и неистовых сил. Однажды в октябре, когда Гранту Доновану шел шестнадцатый год, его охватили «чувства» — как юноша называл эти странные переживания. Мучимый этими странными переживаниями, он тайком вышел из дома и, поймав в темноте кошку, задушил ее. Грант сразу почувствовал, что его «отпустило», и хорошее настроение не покидало его целый месяц — до ноября, когда он убил большую овчарку. Под Рождество, в полночь, он перерезал горло соседской корове, стоявшей в сарае. В этой странности Гранта была одна закономерность: «чувства» появлялись у него в полнолуние, и никогда — в другие дни.

У Гранта хватило ума сообразить, что долго это продолжаться не может и жители деревни скоро начнут искать виновника таинственных смертей. Он купил велосипед и раз в месяц, ночью, уезжал подальше от Аумаклоя в поисках жертвы. Иногда очень далеко. Вскоре Грант перестал довольствоваться только гусями и курами. Первой человеческой жертвой его стал спящий бродяга. Грант перерезал ему глотку.

По вечерам из своих домов выходило так мало людей, что он начал выезжать пораньше, попадая в отдаленные деревни в сумерки, когда крестьяне возвращались с полей, а девушки шли на свидания.

Когда Грант убивал девушек, он «не прикасался» к ним, и хотя при нем часто говорили о сексе, чувство влечения к женщине было ему чуждо. Он получал удовольствие только от самого процесса убийства. И ни от чего другого.

Ужасные слухи охватили графства Тирон, Фермана и Арма. Когда была найдена женщина, убитая днем и спрятанная в стоге сена, слухи стали паническими. В деревнях спешно создавались группы бдительности, сюда прибывали полицейские с собаками-ищейками. Сенсационные новости о «лунном убийце» привлекли в эти места множество репортеров. Несколько раз Гранта, ехавшего на велосипеде, останавливали и допрашивали, но он пользовался хорошей репутацией в Аумаклое, и его рассказ о том, что он совершает дальние поездки с тренировочными целями, вырабатывая выносливость для будущих спортивных состязаний, всегда подтверждался жителями его родной деревни — ведь теперь Грант был знаменитостью, гордостью Аумаклоя и претендентом на звание чемпиона Северной Ирландии в полутяжелом весе.

Возможно, полицейские со временем и докопались бы до сути, но его спасла природная интуиция. Грант отправился в Белфаст и подписал контракт с разорившимся импресарио, занимающимся молодыми боксерами. Дисциплина в

грязном спортивном зале была спартанской. Гранту это напоминало тюрьму, и, когда при наступлении полнолуния кровь снова закипела у него в жилах, он чуть не убил одного из своих спарринг-партнеров. Несколько человек два раза оттаскивали Гранта от его противника на ринге, и импресарио не выгнал тогда Гранта только потому, что он все-таки завоевал звание чемпиона.

Грант стал чемпионом Северной Ирландии в 1945 году, в день своего восемнадцатилетия. Вскоре его призвали в армию, и он стал шофером в королевском корпусе связи. Несколько месяцев подготовки в Англии утихомирили его или, по крайней мере, сделали более осторожным. Когда при наступлении полнолуния Гранта охватывали «чувства», он начинал пить. Скрывался из лагеря с бутылкой виски и в лесу, недалеко от Олдершота, опустошал ее до дна, доводя себя до бесчувствия. На следующее утро, с трудом держась на ногах, он возвращался в казарму. Алкоголь не полностью подавлял жажду крови, но все же Грант был уже не так опасен для окружающих. Если его самовольная отлучка не проходила незамеченной, то ему угрожала только гауптвахта: командир части не хотел нарушать тренировки Гранта, готовящегося к армейскому чемпионату.

Неожиданно русские закрыли границу, и транспортный батальон Гранта перебросили в Берлин. Постоянное чувство опасности понравилось Гранту и сделало его еще более хитрым и осторожным. Он все еще напивался до потери сознания во время каждого полнолуния, но с интересом следил за происходящим и строил планы. Ему нравилась жестокость русских, их пренебрежение к человеческой жизни, и вскоре Грант решил перебежать к ним. Но какие доказательства он принесет с собой и поверят ли ему?

Все решил чемпионат британских оккупационных войск в Германии. По чистой случайности финалы проходили в день полнолуния. Donovan Grant, выступавший под флагом корпуса связи, получил несколько предупреждений за захваты и удары ниже пояса и в третьем раунде был дисквалифицирован. Когда он уходил с ринга, весь стадион свистел, и громче всех — солдаты его части. На следующий день командир соединения холодно сообщил Гранту, что его поведение на ринге покрыло позором всю британскую армию и скоро его отошлют обратно в Англию. Ни один из его бывших товарищей-шоферов не желает больше ездить с ним...

Гранта перевели в подразделение курьеров.

Это как нельзя лучше отвечало планам Гранта. Через несколько дней вечером, получив документы из управления военной разведки на Рейхсканцлерплац, Грант направился на своем мотоцикле к русскому сектору, подождал, не выключая мотора, когда откроется шлагбаум британского сектора, чтобы пропустить такси, и на скорости сорок миль в час промчался через закрывающиеся ворота. В русском секторе он затормозил у бетонного дома пограничной охраны.

Его стащили с мотоцикла и привели в караульную. Равнодушный офицер спросил, что ему нужно.

— Доставьте меня к начальнику советской Секретной службы, — спокойно заявил Грант.

Офицер холодно посмотрел на него и что-то сказал по-русски. Солдаты, которые привели его в караульное помещение, попытались было вытащить его наружу. Одним движением Грант отбросил их в стороны. Солдат, стоящий у дверей, щелкнул затвором автомата.

— У меня в сумке мотоцикла много секретных документов, — сказал Грант, стараясь говорить медленно и отчетливо. Внезапно ему пришла в голову блестящая мысль. — Если вы не отправите меня вместе с этими документами в секретную службу, у вас будут большие неприятности.

Офицер что-то скомандовал солдатам, и они отошли в сторону.

— У нас нет секретной службы, — произнес он по-английски с заметным

акцентом. — Садитесь и заполните этот бланк.

Грант сел за стол и заполнил пространную анкету, которую давали всем изъявившим желание посетить восточную зону: имя, фамилия, адрес, цель приезда и так далее. Офицер тем временем снял телефонную трубку и произнес несколько коротких фраз.

Когда Грант закончил заполнять анкету, в караульное помещение вошли два сержанта, одетые в зеленую форму со знаками отличия на рукаве. Офицер пограничной охраны передал им заполненную Грантом анкету. Сержанты вывели Гранта из здания, с помощью солдат погрузили мотоцикл и его самого в кузов автофургона, закрыли дверцу, и машина тронулась с места. Через четверть часа она остановилась и, когда Грант сошел на землю, то увидел, что находится во внутреннем дворе большого мрачного здания. Его подняли на лифте и заперли в камере без окон. Здесь не было ничего, кроме металлической скамейки, прикрепленной к стене.

По истечении часа, который потребовался (так решил Грант), чтобы прочитать секретные документы, его привели в просторный, хорошо обставленный кабинет. За письменным столом сидел полковник с тремя рядами орденских колодок на груди. В середине пустого стола стояла ваза с розами.

Десять лет спустя Грант, глядя вниз на огни Харькова, проплывающие в двадцати тысячах футов под их самолетом, безрадостно улыбнулся своему отражению в плексигласе иллюминатора.

Да, розы... С самого первого момента они словно сопровождали Гранта. Розы, розы — на всем его пути.

3. Обучение

— Итак, вам хочется жить и работать в Советском Союзе, мистер Грант?

Через полчаса полковнику МГБ изрядно надоела беседа с полуграмотным английским солдатом. По его мнению, он сумел получить от этого не слишком приятного англичанина всю информацию, какую тот знал. Теперь несколько вежливых фраз, чтобы отблагодарить его за весьма интересные документы, найденные в фельдъегерской сумке, и можно отправить этого солдата обратно в камеру, откуда его доставят в Воркуту или другой трудовой лагерь.

— Да, мне хотелось бы работать на вас.

— А что вы умеете делать, мистер Грант? У нас достаточно неквалифицированной рабочей силы. Нам не нужны шоферы, а если речь идет о боксе, — полковник улыбнулся, — в Советском Союзе много отличных боксеров, включая олимпийских чемпионов.

— Я хочу убивать.

Полковник заметил, как в бледно-голубых глазах под белесыми ресницами на мгновение мелькнул какой-то красный огонек. «Да, — подумал он, — этот парень, пожалуй, не обманывает. Он не только неприятный, но и сумасшедший». Полковник взглянул на Гранта холодным оценивающим взглядом. Стоит ли переводить на него пищу в трудовом лагере? Может быть, приказать расстрелять его? Или вернуть обратно в британский сектор, и пусть англичане сами разбираются.

— Я вижу, что вы не верите мне, — торопливо заговорил Грант. «Наверно, — подумал он, — это не тот офицер, не тот департамент, который мне требуется». — Кто занимается у вас мокрыми делами? Дайте мне поговорить с ними. Я убью, кого они прикажут. Немедленно.

Полковник посмотрел на загадочного гостя. Может быть, лучше все-таки

сообщить об этом безумце?

— Ждите меня здесь, — сказал он и вышел из кабинета, не закрывая дверь. Тут же появился охранник и замер у порога, держа руку на рукоятке пистолета.

Полковник зашел в соседний кабинет. Там было пусто. На письменном столе — три телефона. Он поднял трубку аппарата прямой телефонной связи с Москвой.

— Соедините меня со СМЕРШем, — сказал он офицеру связи. Когда ответил дежурный СМЕРШа, полковник вызвал начальника оперативного отдела.

Через десять минут он положил трубку. Какое простое, конструктивное решение проблемы! Независимо от исхода дела результат будет успешным. Если англичанин выполнит задание — отлично. Если будет пойман, то доставит массу неприятностей властям западного сектора: англичанам — потому что это их человек; немцам — так как покушение напугает их; американцам — потому что они финансируют разведывательную деятельность группы Баумгартнера и решат, что эта группа раскрыта. Довольный, полковник вернулся к себе в кабинет и сел за стол, глядя на Гранта.

— Вы действительно готовы сделать все, что вам прикажут?

— Разумеется.

— У вас хорошая память?

— Да.

— В британском секторе проживает немец Баумгартнер, доктор Баумгартнер. Его адрес — Курфюрстендам, 22, квартира 5. Вы знаете, где это находится?

— Знаю.

— Сегодня вас переправят вместе с мотоциклом в британский сектор. Номерные знаки будут другими. У вас будет конверт с пометкой «доставить лично». Поскольку вы одеты в форму британской армии, вас пропустят в дом, где живет доктор Баумгартнер. Вы заявите, что обязаны передать конверт лично в руки Баумгартнера, причем без свидетелей. Вы убьете его, как только останетесь наедине. — Полковник испытующе посмотрел на Гранта. — Вам все ясно?

— Если я справлюсь с заданием, мне можно будет рассчитывать на продолжение сотрудничества такого рода? — спросил Грант.

— Не исключено, — равнодушно кивнул полковник. — Но сначала покажите, на что вы способны. После выполнения задания возвращайтесь в советский сектор и спросите полковника Бориса.

Он нажал на кнопку звонка. Дверь открылась, и вошел человек в штатском.

Полковник повернулся к Гранту:

— Сейчас вас покормят. Ближе к вечеру вам передадут пакет и острый нож, сделанный в Америке. Это отличное оружие. Желаю успеха.

Грант встал.

— Спасибо, сэр, — сказал он с благодарностью.

Полковник протянул руку и взял из вазы одну из роз. Он даже не посмотрел на Гранта, когда тот вышел из кабинета.

Самолет мчался над русской равниной. Уже остались позади пылающие доменные печи Донбасса, на западе промелькнула серебряная нитка Днепра. Проплыли огни Курска. Теперь под самолетом была полная темнота. Грант знал, что они пролетают над бескрайними полями созревающей пшеницы. Оазисы света не встретятся им до тех пор, пока они не пролетят последние триста миль, отделяющих их от Москвы. Это примерно час...

...Убийство крупного немецкого шпиона вызвало на Западе сенсацию. Как только Грант вновь перебрался в русский сектор и с трудом разыскал полковника Бориса, его тут же переодели в штатское, посадили в пустой самолет МГБ и отправили прямо

в Москву.

Далее был год почти тюремного заключения, на протяжении которого Грант учил русский язык и тренировался. Его допрашивали, осматривали доктора и психиатры, к нему подсаживали осведомителей. Советские шпионы в Англии и Северной Ирландии тщательно копались в его прошлом.

Потом Гранта выпустили на свободу — насколько это возможно для иностранца в Советском Союзе. Шпионы подтвердили все факты его биографии. Сидевшие с ним английские и американские сокамерники-осведомители сообщили, что Грант не проявляет никакого интереса к политическому строю или социальной структуре какой-либо страны мира. Врачи и психиатры единодушно признали, что он страдает маниакально-депрессивным психозом, активные периоды которого совпадают с полнолунием. Они добавили, что Грант ни в какой форме не интересуется сексом и что его болевой порог необычайно высок. Если исключить психические отклонения, заявили они, то его здоровье великолепно, физическая сила исключительна, и, хотя умственное развитие находится на очень низком уровне, Грант обладает поразительной природной хитростью. Они пришли к выводу, что Грант представляет крайнюю опасность для общества и подлежит немедленному направлению в психбольницу.

Когда досье Гранта легло на стол начальника управления кадров МГБ и он был готов уже написать в углу «В расход», как вдруг ему пришла в голову неожиданная мысль.

В стране было много убийств — не из-за жестокости русских, а из-за требований политики. Те, кто не хотят подчиняться требованиям государства, становятся его врагами, а в стране нет места врагам, потому что еще слишком много предстоит сделать на пути достижения светлого будущего. В стране с населением в двести миллионов можно убивать много тысяч в год — и никто не заметит этого. Если понадобится избавиться от миллионов, что случалось во время самых крупных чисток, — это тоже не будет такой уж большой потерей. Проблема заключалась в том, что постоянно не хватало исполнителей приговоров. У них слишком короткая жизнь. Убив десять, двадцать, сто человек, палачи, какими бы жестокими они ни были, теряют интерес к своей профессии. Микроб смерти, подобно раку, проникает к ним в души и уничтожает их. Ими овладевает меланхолия, они начинают пьянствовать, становятся вялыми и апатичными. Начальству, заметившему симптомы болезни, не остается ничего другого, как устранять их и искать других исполнителей.

Начальнику управления кадров МГБ была известна эта проблема. Он знал, что существует постоянная нужда не только в утонченных убийцах, но и в самых обычных палачах. Человек, досье которого лежало перед ним, был создан природой для такой работы. Если верить врачам...

Начальник взял ручку, написал несколько слов на первой странице досье Гранта, пометил его: «СМЕРШ. Второй отдел» и отправил секретарю.

Второй отдел СМЕРШа, оперативный, принял в свои объятия душу и тело Донована Гранта, дал ему новое имя — Гранитский, — и взялся за его подготовку.

Следующие два года оказались непростыми для Гранта. Ему пришлось опять начать учиться, причем так, что школа его детства с рядами парт и жужжанием сонных мух казалась ему раем. На окраине Ленинграда, в тесных комнатах разведывательной школы для иностранцев, среди немцев, чехов, поляков, прибалтов, китайцев и негров, внимательно слушавших преподавателей и постоянно записывающих что-то у себя в тетрадях, он пытался понять предметы, совершенно для него непостижимые.

Он слушал лекции по общей политической подготовке, включая историю мирового рабочего движения, по истории коммунистической партии и промышленных рабочих мира, учению Маркса, Ленина и Сталина. Он безуспешно пытался запомнить

массу странно звучащих имен, которые ему никак не удавалось правильно написать. Постоянно меняющиеся преподаватели читали лекции о классовой борьбе, капитализме и фашизме, об агитации и пропаганде, проблемах малых народов, колониальных и зависимых стран, негров и евреев. В конце каждого месяца слушатели сдавали экзамены, во время которых Грант писал и нес неграмотную чепуху, перемежая ее полузабытыми отрывками из английской истории и безнадежно запутанными коммунистическими лозунгами. Его сочинения неизменно возвращались обратно перечеркнутыми крест-накрест, а однажды преподаватель, прочитав его сочинение, тут же порвал его перед всеми слушателями.

Но Грант был терпелив, и, когда началось обучение техническим предметам, он оказался более способным учеником. Основы кодов и шифровального дела давались Гранту легко, потому что ему хотелось это понять. Он хорошо проявил себя во время курса связи и без труда разобрался в сути запутанного лабиринта изолированных ячеек, тайных почтовых ящиков, курьеров, знаков и паролей. Наконец на занятиях по проверке бдительности, осторожности, бесстрашия и хладнокровия он оказался единственным слушателем, получившим высшие оценки.

По окончании учебного года в СМЕРШ поступила характеристика на Гранта: «Политическая ценность равна нулю. Великолепный оперативник». Именно это и требовалось Второму отделу.

Следующий год прошел в школе диверсантов и террористов, расположенной недалеко от Москвы, в Кучино. Среди нескольких сотен русских, обучавшихся в школе, было всего три иностранца, один из них — Донован Грант. Здесь ему не было равных в дзюдо, боксе, атлетических дисциплинах, фотографии и радио. Более всего знаний Грант перенял у полковника Аркадия Фотиева, крестного отца современных советских шпионов. В стрельбе его наставником оказался подполковник Николай Годловский, чемпион страны по стрельбе из винтовки.

Дважды в течение года, безо всякого предупреждения, в ночь полнолуния за Грантом приезжал автомобиль, отвозивший его в одну из московских тюрем. Там ему надевали на голову черный капюшон с прорезями для глаз, и он приводил в исполнение смертные приговоры, пользуясь при этом топором, веревкой, огнестрельным оружием. Перед, во время и после казней у него снимали электрокардиограммы, измеряли кровяное давление и делали другие медицинские тесты, о цели которых ему не было известно.

Для Гранта это был хороший год, и он справедливо считал, что и им тоже остались довольны.

В 1949 году Гранту начали доверять несложные операции с подвижными группами в странах-сателлитах: избиение или убийство советских шпионов — сотрудников разведки, на которых пало подозрение в измене. Грант выполнял свои обязанности точно и хладнокровно, ни в чем не отклоняясь от полученных указаний. И хотя с него по-прежнему не спускали глаз, он ни разу не проявил нерешительности и не сделал технических ошибок. А это могло произойти, если бы ему доверили самостоятельную работу в период полнолуния, но руководители понимали, что в это время они не смогут контролировать его поступки, и потому выбирали безопасные дни. А в период полнолуния Гранту хватало работы в тюрьмах, и ему предоставляли ее, поощряя за образцовое поведение.

В 1951 и 1952 годах способности Гранта получили официальное признание. За отличную работу в восточном секторе Берлина он получил советское гражданство и высокое жалованье, которое к 1953 году составляло уже пять тысяч рублей в месяц. В том же году ему присвоили звание майора: стаж его работы исчислялся со дня встречи с «полковником Борисом». Кроме того, ему выделили виллу в Крыму. Вместе с Грантом здесь постоянно проживали два телохранителя — отчасти для охраны, отчасти для того, чтобы он «не выбрал свободу» (жаргон МГБ). Раз в месяц его

отвозили в ближайшую тюрьму и позволяли убивать столько приговоренных, сколько в этот момент там находилось.

Естественно, что у Гранта не было друзей. Ему завидовали, его ненавидели и боялись все, с кем ему приходилось сталкиваться. У него не было даже знакомых по службе — тех, кто заменяет друзей в узком и замкнутом мире советских чиновников. Он знал это, но не обращал внимания: его интересовали только жертвы.

И, разумеется, — у Гранта был СМЕРШ. У любого жителя Советского Союза, которому покровительствовал СМЕРШ, не было оснований для беспокойства.

...Самолет начал снижаться в направлении московского аэродрома Тушино. Грант продолжал размышлять. В своей профессии он достиг вершины: он был главным палачом СМЕРШа, следовательно, и главным палачом всего Советского Союза. Он достиг вершины, и ему больше не к чему стремиться. Да и что ему требовалось? Новые золотые безделушки? Более высокий чин? Больше жертв? Высокое техническое мастерство? Может, это выяснится сейчас, в Москве...

4. Властелины смерти

СМЕРШ является официальной террористической организацией Советского Союза. Его представители действуют как внутри страны, так и за границей. В 1955 году сорок тысяч мужчин и женщин были сотрудниками этой организации. СМЕРШ — это сокращенная фраза «Смерть шпионам». Название это употребляется лишь внутри самой организации и высокопоставленными советскими чиновниками. Ни один здравомыслящий советский гражданин не позволит себе произнести это слово вслух.

Штаб-квартира СМЕРШа расположена в огромном мрачном доме на улице Сретенка. Прохожие опускают глаза и спешат быстрее пройти мимо двух часовых с автоматами, стоящих у широких ступенек возле большой железной двери.

Управление всей деятельностью СМЕРШа производится со второго этажа. Самый главный кабинет — здесь: очень большая комната, стены которой окрашены в светло-зеленый цвет. Два широких окна за звуконепроницаемой дверью выходят на внутренний двор. Пол в кабинете застлан роскошным восточным ковром. В дальнем левом углу кабинета — массивный дубовый письменный стол, покрытый красным бархатом, с лежащим на нем толстым огромным стеклом. На правой стороне письменного стола — четыре телефонных аппарата.

От середины стола, образуя заглавную букву Т, протянулся наискось длинный стол для совещаний. Рядом с ним стоят восемь мягких стульев, обтянутых красной кожей. На столе по всей его длине — пепельницы, хрустальные графины с водой, стаканы.

Четыре большие картины в позолоченных рамах украшают стены. В 1955 году это были портреты Сталина — над дверью, Ленина — между двумя окнами и на стенах, портреты Булганина, а там, где до середины 1953 года висел портрет Берии, — портрет генерала армии Ивана Александровича Серова, возглавляющего Комитет государственной безопасности.

Слева у стены, под портретом Булганина — большой телевизор в красивом корпусе из полированного дуба. В нем скрыт магнитофон, который включается с письменного стола, другие спрятаны вдоль всего стола для совещаний. Провода скрыты в ножках. Рядом с телевизором — дверь, ведущая в туалет и ванную комнату, а также в небольшой кинозал.

Под портретом генерала Серова — книжный шкаф с многотомными сочинениями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. На свободных полках — книги по шпионажу, контрразведке, методам полицейской работы и криминалистике на многих языках. К шкафу придвинут длинный узкий стол с разложенными на нем альбомами в

кожаных переплетах, которые заполнены множеством фотографий людей — советских граждан и иностранцев, — ликвидированных СМЕРШем.

Примерно в то время, когда в аэропорту Тушино заходил на посадку самолет с Грантом на борту, в этом кабинете коренастый мужчина с жестким лицом просматривал фотографии в альбоме, на корешке переплета которого золотыми цифрами стояла дата — 1954.

Начальник СМЕРШа, генерал-полковник Грубозабойщиков, чаще называемый сотрудниками этого огромного здания по первой букве фамилии — Г., был одет в аккуратный китель цвета хаки с высоким воротником, темно-синие брюки-галифе с двумя красными полосами по бокам. На ногах у него были высокие кавалерийские сапоги из мягкой, до блеска начищенной кожи. Над рядами орденских колодок на кителе сияла Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Лицо генерала было узким и суровым, будто тесанным из камня. Голова начисто выбрита, и на туго натянутой желтой коже отражался свет большой хрустальной люстры. Широкий рот с плотно сжатыми губами, глубокая ямка на подбородке — все говорило о том, что этот человек привык к беспрекословному повиновению.

Негромко зазвонил один из телефонов, стоящих на столе. Генерал не спеша, четким, уверенным шагом обошел стол, сел в кресло и поднял трубку телефона, на диске которого виднелись две крупные буквы «ВЧ» (высокочастотный). Это был телефонный аппарат правительственной связи, и лишь отдельные министры и руководители отделов имели право пользоваться такими телефонами, проходившими через небольшой коммутатор в Кремле, который обслуживали офицеры государственной безопасности. Эта линия не прослушивалась, но все другие телефонные разговоры автоматически записывались на магнитофонные ленты.

— Слушаю.

— Говорит Серов. Какие меры приняты по решению Президиума, утвержденному сегодня утром?

— Через несколько минут у меня состоится совещание, товарищ генерал, — РУМИД, ГРУ и, разумеется, МГБ. Если на совещании будет одобрен план действий, я тут же встречусь для обсуждения основных деталей с начальником оперативного отдела и начальником отдела планирования операций. Я уже дал команду, чтобы наш лучший оперативник прибыл в Москву. На этот раз я лично буду руководить операцией. Нам не нужно повторение дела Хохлова.

— Ни в коем случае, черт побери. Сообщите мне о результатах сразу после первого совещания. Завтра утром я Докладываю Президиуму о принятых мерах.

— Слушаюсь, товарищ генерал.

Генерал Г. положил трубку и нажал кнопку звонка. Одновременно он включил магнитофон. Адьютант генерала, капитан МГБ, вошел в кабинет.

— Все собрались?

— Так точно, товарищ генерал.

— Пусть войдут.

Через несколько минут шесть человек один за другим вошли в кабинет и сели за длинный стол. Пять из них были в военной форме, трое руководили отделами. В Советском Союзе никто не ходит на совещания поодиночке, и потому каждого из вошедших сопровождал адъютант. Ради своей собственной безопасности, а также для защиты интересов управлений, которыми они руководят, главы отделов неизменно приходят в сопровождении свидетелей, которые внимательно прислушиваются к ходу обсуждения и готовы, в случае необходимости, предоставить свою версию происшедшего. Это может оказаться решающим в случае последующего расследования. На подобных совещаниях не ведется никаких записей, и принятые решения передаются устно.

На дальней стороне стола сидел генерал-лейтенант Славин, возглавляющий ГРУ — Главное разведывательное управление, военную разведку Генерального штаба Вооруженных Сил. Рядом с ним — полковник из его отдела. Напротив расположился генерал-лейтенант Воздвиженский из РУМИД, Разведывательного управления Министерства иностранных дел, и мужчина, одетый в штатское. Спинной к двери сидел в сопровождении майора полковник государственной безопасности Никитин, глава разведывательного отдела МГБ, советской секретной службы.

— Добрый вечер товарищи.

Все три руководителя отделов кивнули головами и вежливо ответили на приветствие. Каждый из них знал, что все сказанное в кабинете записывается на магнитофон, и решил говорить как можно меньше-лишь то, что потребуется при обсуждении проблем, касающихся безопасности государства.

— Можете курить. — Генерал Г. достал из кармана пачку папирос и, чиркнув дешевой американской зажигалкой, закурил. После глубокой затяжки он заговорил:

— Товарищи, я собрал вас здесь по поручению генерала Серова, получившего указание Президиума. На своем утреннем заседании Президиум принял решение государственной важности. Нам дано указание разработать план действий по осуществлению этого решения. Необходимо принять меры как можно быстрее. Разработанный нами план исключительно важен для политики государства, поэтому мы должны продумать его до мелочей.

Генерал Г. сделал паузу и внимательно оглядел присутствующих. Каждый из этих людей обладал почти неограниченной властью и каждый был внутренне обеспокоен: предстояло узнать государственный секрет — все равно, что заглянуть внутрь печи, где плавился металл. Когда-нибудь это обстоятельство может иметь самые опасные последствия. Сидя в этом тихом кабинете, они чувствовали, что на них падает мрачный отсвет сияния исходящего из центра власти страны — самого Президиума.

Пепел догоревшей папиросы упал на китель генерала Г., он стряхнул его на ковер и осторожно положил картонную трубочку папиросы в пепельницу.

— Мы должны дать рекомендации по поводу демонстративного террористического акта на вражеской территории в течение следующих трех месяцев.

На главу СМЕРШа смотрело шесть пар бесстрастных глаз. Все молчали.

— Товарищи, — произнес генерал Г., откинувшись на спинку своего кресла и обращаясь к присутствующим тоном лектора, — политика СССР претерпела изменения. Раньше это была жесткая политика — политика, — он улыбнулся и позволил себе шутку, связанную с именем Сталина, — «стали». Несмотря на всю свою эффективность, такая политика вела к возникновению напряженности в отношениях с Западом, особенно в отношениях с Америкой, и эта напряженность достигла опасного высокого уровня. Американцы истеричны, и их поведение непредсказуемо. Из сообщений наших агентов видно, что мы подталкиваем их к грани, когда они могут решиться нанести атомный удар по Советскому Союзу. Вы читали эти материалы и знаете, о чем я говорю. Сейчас нам не нужна такая война. Влиятельные американцы и, в особенности, Пентагон во главе с адмиралом Редфордом используют для разжигания подобных настроений успехи нашей внешней политики. Настало время других методов. Мы не отказываемся от наших целей, всего лишь меняем тактику. На свет появилась новая внешняя политика СССР, где сочетаются «жесткие» и «умеренные» методы. Началом такой политики стала Женева. Там мы пошли на уступки. Китай угрожает Куэмой и Матсу. Мы занимаем жесткую позицию. Мы открываем наши границы, впускаем в СССР множество журналистов, актеров и ученых, хотя и знаем, что многие из них — шпионы. Наши руководители улыбаются и шутят на приемах в Кремле. В разгар веселья мы

проводим испытание самой большой атомной бомбы. Товарищи Булганин, Хрущев и генерал Серов (генерал Г. намеренно включил в этот перечень имя Серова, зная, что каждое слово записывается на пленку) совершают дружеские поездки в Индию и на Восток, где клеймят англичан. После возвращения они приглашают посла Великобритании и в теплой беседе обсуждают с ним предстоящий визит советских руководителей в Англию. И так продолжается дальше — кнут и пряник, улыбка и пощечина. Запад в замешательстве. Напряженность спадает. Противник дезориентирован и не знает, как реагировать на нашу политику. Тем временем простые люди радуются ослаблению напряженности, аплодируют советским футбольным командам, а также приветствуют добрые намерения Советского Союза, когда мы освобождаем нескольких военнопленных, которых нам не хочется больше кормить.

На лицах присутствующих появились довольные улыбки. Действительно, какая дальновидная политика, позволяющая успешно дурачить этих капиталистов!

— И в то же самое время, — продолжает генерал Г., наслаждаясь произведенным впечатлением, — мы незаметно двигаемся вперед — революция в Марокко, поставки оружия в Египет, дружба с Югославией, напряженность на Кипре, беспорядки в Турции, забастовки в Англии, укрепление политических позиций во Франции. Наше наступление идет по всем фронтам.

Генерал Г. увидел, как оживились сидящие за столом. Итак, предварительная обработка закончена, можно переходить к основному. Теперь он объяснит им, что такое новая политика на самом деле. Генерал Г. чуть наклонился вперед и поднял над столом правую руку, сжатую в кулак.

— Но, товарищи, — начал он мягким голосом, — кто допускал ошибки в проведении нашей генеральной линии? Кто проявил недостаточную твердость? Кто терпел поражения, тогда как другие министерства одерживали победы? Кто совершал идиотские ошибки, из-за которых Советский Союз глупо выглядел в глазах всего мира? Кто, я спрашиваю? КТО?

Голос сорвался в крик. Генерал Г. решил, что обвинение, порученное ему Президиумом, звучит убедительно. Несомненно, когда магнитофонная запись будет прослушана генералом Серовым, тот останется доволен.

Его глаза пробежали по лицам всех сидевших за столом. Кулак с грохотом обрушился вниз.

— Разведка Советского Союза, товарищи! — Крик перешел в свирепый рев. — Да-да, это мы оказались лентяями, предателями и саботажниками! Мы тормозили движение Советского Союза к светлому будущему и стали препятствием в его славной и великой борьбе! Мы! — Он обвел рукой присутствующих. — Все мы! — Голос генерала Г. стал нормальным.

— Сукины сыны, посмотрите на события последних лет. Сначала мы теряем Гузенко, весь наш канадский аппарат и ученого Фукса, далее разваливается американская агентура, мы теряем таких людей, как Токаев. Следует скандал с Хохловым. Наконец нас предают Петров и его жена в Австралии — этот список можно продолжать до бесконечности! Поражение следует за поражением, неудача за неудачей — а ведь я не упомянул даже половины!

Генерал Г. перевел дыхание, затем заговорил так же мягко, как в начале речи:

— Должен предупредить вас, товарищи, что если сегодня мы не разработаем общий план действий и не осуществим его должным образом, нас ждут неприятности. Сейчас нам необходим успех.

Он постарался отыскать заключительную фразу, которая звучала бы достаточно угрожающе. Наконец такая фраза пришла ему в голову.

— Иначе это может вызвать неудовольствие.

5. Конспирация

«Мужики почувствовали вкус кнута», — подумал генерал Г. Он дал им несколько минут, чтобы опомниться от потрясения, вызванного перспективой официального недовольства.

Никто даже и не пытался оправдываться. Никто не пробовал опровергнуть обвинения, возразить, что успехи советской разведки намного превышают неудачи. Ни один из присутствующих в кабинете не поставил под сомнение слова главы СМЕРШа, разделяющего, кстати, вместе с ними вину за провалы, и не пожелал опровергнуть ужасные обвинения. Указание поступило с самого Верха, и генералу Г. было поручено сообщить им об этом. Доверие Верха указывало на то, что он пользуется покровительством, его влияние в высших эшелонах власти растет. Каждый участник совещания понял это и принял к сведению. Теперь генералу Г. и СМЕРШу предстоит сделать еще один шаг...

Глава РУМИД, генерал-лейтенант Воздвиженский, представитель Министерства иностранных дел, задумчиво следил, как расходится дымок его папиросы (он курил только «Казбек»), и думал о том, как прав был Молотов, сказавший ему в личной беседе, что теперь, когда Берия мертв, генерал Г. пойдет далеко. Пожалуй, для такого заявления не требуется большого ума, решил Воздвиженский. Берия ненавидел генерала Г. и постоянно мешал его продвижению, назначая на второстепенные должности второстепенных отделов Министерства государственной безопасности. Когда началась очередная чистка аппарата, генерал Г., работая под руководством Серова, направил свою энергию на устранение Берии.

Серов, Герой Советского Союза и талантливый ученик создателей Чека, ОГПУ, НКВД и МВД, во всех отношениях был более крупной фигурой, чем Берия. Это он руководил устранением неугодных советскому руководству миллионов людей в 30-х годах, он был режиссером большинства московских показательных процессов, он организовал кровавый геноцид народов Центрального Кавказа. Именно он, генерал Серов, был вдохновителем депортации населения Прибалтийских государств и похищения немецких ученых-атомщиков, позволивших России достичь такого стремительного технического прогресса в послевоенные годы.

Берия и его окружение были казнены. Генерал Г. получил СМЕРШ. Что касается генерала армии Серова, он вместе с Булганиным и Хрущевым правил сейчас страной. Возможно, наступит день, когда Серов будет стоять выше всех на сверкающей вершине власти. «Но, — подумал генерал Воздвиженский, глядя на блестящую, как бильярдный шар, голову генерала Г., — глава СМЕРШа будет всегда рядом с ним».

Желтый череп повернулся, и холодные выпуклые глаза в упор глянули на генерала Воздвиженского, сидевшего с непроницаемым лицом.

«Достойный противник, — подумал генерал Г. — Неплохо было бы прощупать его поглубже».

— Товарищи, — улыбнулся он присутствующим, — не стоит предаваться отчаянию. Даже самое высокое дерево подвластно топору дровосека. Конечно, наши службы не настолько идеальны, чтобы быть неподвластными критике. То, что мне поручили передать, не будет для вас неожиданностью. К делу!

Как я уже говорил, нам поручено разработать общий план проведения террористического акта против одной из разведывательных служб Запада, и одному из наших отделов — я не сомневаюсь, что для этой цели будет выбран мой, — выпадет честь осуществить его.

Еле слышный вздох облегчения прозвучал за длинным столом. По крайней мере, ответственность за исход операции несет СМЕРШ. Это уже неплохо.

— Однако выбор цели будет непростым делом, и ответственность за это ложится на всех нас. Речь идет не о том, чтобы взорвать какое-нибудь здание или

убрать премьер-министра. Подобные буржуазные развлечения не для нас. Операция должна быть деликатной, тонкой, но сокрушительной для разведывательного аппарата Запада. Она должна вызвать скандал, показать всему миру глупость наших врагов, покрыть их позором. Естественно, правительства Запада сразу поймут, что это работа наших разведчиков, но в том и заключается цель: показать, на что мы способны, проводя «жесткую» политику. Вражеские агенты и шпионы капитализма поймут это. Предатели и перебежчики задрожат от страха. Наши сотрудники станут еще решительнее. Разумеется, мы заявим, что не имеем никакого отношения к этому делу. А народу Советского Союза совсем необязательно знать правду.

Генерал Г. перевел взгляд на представителя Министерства иностранных дел.

— А теперь давайте перейдем к выбору вражеской организации и конкретного представителя, по которым нам предстоит нанести удар. Генерал Воздвиженский, поскольку вы наблюдаете за разведывательной деятельностью западных спецслужб с нейтральной точки зрения, — (всем было известно о непримиримой вражде и соперничестве между ГРУ и МГБ), — может быть, вы проинформируете нас, кто представляет сейчас наибольшую опасность.

Генерал Г. откинулся на спинку кресла, положил руки на подлокотники и устремил взгляд вдаль — подобно учителю, готовому выслушать обстоятельное объяснение своего лучшего ученика.

Вопрос не застал генерала Воздвиженского врасплох. Он занимался разведкой тридцать лет, главным образом за границей: при Литвинове был «швейцаром» в советском посольстве в Лондоне, работал в ТАСС в Нью-Йорке, затем в Амторге, советской торговой организации; в течение пяти лет он был военным атташе в Стокгольме под началом блестящего дипломата, мадам Коллонтай. Это он участвовал в подготовке знаменитого советского разведчика Зорге перед тем, как тот отправился в Токио. Во время войны Воздвиженский был резидентом в Швейцарии, где заложил основы поразительно умно организованной, но трагически бездарно использованной шпионской организации, известной под названием «Группа Люси». Ему пришлось несколько раз побывать в фашистской Германии в качестве курьера «Красного оркестра». В послевоенные годы генерал едва избежал ареста, когда руководители «Красного оркестра» были репрессированы. Воздвиженский был профессиональным разведчиком, и вопрос Г. не был для него сложным.

— При анализе этой ситуации, — начал генерал Воздвиженский, тщательно выбирая слова, — не следует отождествлять человека с организацией, которой он служит. Хорошие разведчики есть во всех странах, но далеко не всегда самые крупные государства имеют лучшие разведывательные службы и лучших агентов. На секретную службу идут солидные средства. Малые страны не могут позволить себе роскошь тратить их на получение высококачественной информации: для этого требуются специалисты по изготовлению фальшивых документов, развернутая радиосеть, надежные архивы, опытные специалисты, перерабатывающие и дающие оценку сообщениям агентов. В таких странах, как Норвегия, Голландия, Бельгия и даже Португалия, есть отдельные разведчики, которые могли бы доставить нам немало неприятностей, если бы руководство этих стран больше ценило их сообщения. Но эти страны не представляют для нас интереса, — он помолчал. — Кроме Швеции. Она вела разведку против нас на протяжении столетий и всегда имела достоверные и полные сведения обо всем, что происходит на Балтике и побережье, — куда более точные, чем Финляндия и Германия. Швеция представляет для нас опасность. Было бы неплохо положить конец их деятельности.

— Мелко, — прервал его генерал Г. — Шпионский скандал в Швеции не вызовет интереса в мире.

— Италия не представляет для нас особой важности, — продолжал Воздвиженский, будто не заметив реакции генерала Г. — Ее агенты активны и

находчивы, но они проявляют интерес с Средиземному морю. То же самое относится к Испании, правда, испанская контрразведка очень мешает деятельности компартии. Мы потеряли там немало хороших сотрудников. Операция в Испании приведет к дальнейшим потерям и мало что даст. Испания еще не созрела для революции. Во Франции наши агенты есть в большинстве секретных служб, но Второе бюро по-прежнему очень опасно. Его возглавляет человек по имени Матис, назначенный Мендес-Франсом. Это заманчивая цель, да и во Франции действовать нетрудно.

— Франция сама о себе позаботится, — заметил генерал Г.

— Особое место принадлежит Англии. Мы все испытываем уважение к ее разведке. — Генерал Воздвиженский обвел глазами присутствующих. Осторожные кивки всех участников совещания, включая генерала Г., свидетельствовали, что оратор на правильном пути. — Английская служба безопасности великолепна. Англия — островное государство, что само по себе — большое преимущество. В ее контрразведке работают отлично подготовленные и знающие специалисты. Секретная служба Англии за последние годы добилась немалых успехов. При проведении некоторых операций мы часто сталкиваемся с тем, что они нас опередили. Английские агенты оплачиваются не очень высоко — две тысячи в месяц — но они преданно служат своей родине. Это тем более странно, потому что у сотрудников английской разведки нет особых привилегий. Они платят такие же налоги, как и все, не имеют доступа в закрытые магазины, где можно приобрести качественные товары по дешевой цене. Им крайне редко дают награды и не спешат с повышением по службе. Несмотря на все это, разведчики прекрасно делают свою опасную работу. Возможно, это дань традиции, перешедшей из частных школ и университетов. Или любовь к приключениям. — Генерал Воздвиженский спохватился: его слова могут быть истолкованы как восхищение противником. — Разумеется, успехи английских спецслужб несколько преувеличиваются ими самими и основываются на мифах: Скотленд-Ярд, Шерлок Холмс, секретная служба. В общем, эти джентльмены не представляют для нас большой опасности. Но все-таки мифы устойчивы, и было бы неплохо развеять их.

— А каково ваше мнение об американцах? — Генерал Г. поторопился прервать Воздвиженского, чтобы не дать ему возможности обосновать свой задний ход в отношении английской разведки. Придет время, и эти высказывания могут прозвучать — и неплохо — на судебном процессе. А если генерал Воздвиженский сейчас заявит, что Пентагон могущественнее Кремля, то...

— У американцев самая крупная и лучше всех финансируемая разведка и контрразведка. Говоря о технических аспектах — радиопрослушивание, радиоперехваты, оружие и специальное снаряжение — они не имеют себе равных. Но им недоступна сущность разведки. Они переполняются энтузиазмом, выслушав заявления какого-нибудь балканского шпиона, утверждающего, что в его распоряжении тайная армия на Украине. Американцы тут же снабжают его деньгами, чтобы этот тип мог купить сапоги для своей армии. С их благословения этот шпион тут же уезжает в Париж и тратит деньги на карты и женщин. Американцы считают, что деньги — это самое главное в разведке. Хорошие разведчики редко работают только за деньги — к обогащению в разведке стремятся случайные люди. Потому плохих разведчиков у американцев — несколько дивизий.

— Они добились определенных успехов, товарищ генерал, — произнес генерал Г. вкрадчивым голосом. — Вы их недооцениваете.

Воздвиженский пожал плечами.

— Успехи должны были придти к ним, товарищ генерал. Нельзя посеять миллион семян и не собрать несколько ростков. Лично мне кажется, что американцы не заслуживают внимания участников нашего совещания, — глава РУМИД откинулся на спинку стула и открыл портсигар.

— Очень интересное сообщение, — заметил генерал Г. холодно. — Вы не хотите что-нибудь добавить, генерал Славин?

Начальник ГРУ не хотел обременять себя какими-нибудь высказываниями, а также ставить под удар Генеральный штаб.

— Я внимательно выслушал генерала Воздвиженского. Мне нечего прибавить.

Полковник государственной безопасности Никитин, поразмыслив, пришел к выводу, что будет весьма кстати подчеркнуть, что у ГРУ вообще нет никаких свежих идей и предложений, а затем согласиться с мнением всех присутствующих на совещании — в особенности, если оно совпадает с мнением генерала Г. К тому же полковник Никитин знал, что Секретная служба поддержит его рекомендацию.

— Предлагаю выбрать объектом террористического акта английскую спецслужбу, — заявил он решительным голосом. — Видит бог, мое управление не испытывает с этой стороны особых трудностей, но с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Но генералу Г. не понравилась решительность, прозвучавшая в тоне полковника Никитина, а также то, что полковник опередил его: генерал тоже хотел высказать предложение провести операцию против английской секретной службы. Он постучал зажигалкой по столу, как бы напоминая о своей роли председателя.

— Итак, ни у кого нет возражений, товарищи? Террористический акт против английской разведки?

Сидящие за столом кивнули.

— Единодушно. Теперь нам предстоит выбрать конкретную кандидатуру в этой организации. Генерал Воздвиженский сказал что-то относительно мифа, на котором основывается так называемая сила английской секретной службы. Как, по-вашему, можно разрушить этот миф и одновременно подорвать деятельность самой организации? Кто олицетворяет это миф? Глава секретной службы? Кто возглавляет английскую секретную службу?

Адъютант полковника Никитина что-то прошептал ему на ухо. Полковник предложил собравшимся ответ на этот вопрос.

— Это адмирал, известный по инициалу М. У нас есть на него досье, но довольно скудное. Он почти не пьет и слишком стар для женщин. Широкой общественности о нем ничего не известно. Устранить его будет нелегко: он почти не выезжает за границу, а застрелить его на улице в Лондоне хотя и можно, но чего мы добьемся этим?

— Вы рассуждаете весьма логично, товарищ полковник, — согласился генерал Г. — Но разве так уж трудно найти цель, которая отвечала бы всем нашим требованиям? Разве среди агентов английской секретной службы нет легендарного героя, которым восхищаются остальные и чья смерть вызовет смятение? Мифы тоже не создаются на пустом месте, они — следствие героических поступков. Неужели там нет такого разведчика?

Воцарилась тишина. Присутствующие задумались, пытаясь вспомнить имя подходящего человека.

Тишину снова нарушил полковник Никитин.

— В общем-то, есть. Это разведчик по имени Бонд.

6. Смертный приговор

— Е... мать! — выпалил свое любимое ругательство генерал Г. Его ладонь опустилась на поверхность стола с шумом пистолетного выстрела. — Товарищ полковник, разумеется, у них есть разведчик по имени Бонд. Джеймс Бонд. И ни один из нас, включая меня, не вспомнил сразу это имя. Действительно, у нас что-то случилось с памятью. Немудрено, что наша разведывательная служба подвергается

критике.

Генерал Воздвиженский решил, что он сам и его управление нуждаются в защите.

— В мире множество врагов Советского Союза, товарищ генерал, — запротестовал он. — Когда мне требуются их имена, я обращаюсь в отдел документации. Разумеется, я помню имя английского шпиона Бонда. Он неоднократно срывал наши операции. Но сейчас я думаю о других именах — именах тех, кто стоит у нас на пути сейчас, сегодня, на этой неделе. Я люблю футбол, но не собираюсь запоминать имя каждого иностранца, забивающего гол в ворота «Динамо».

— Вам угодно шутить, товарищ генерал, — холодно ответил генерал Г., всем своим видом подчеркивая неуместность такой шутки. — Мы занимаемся здесь серьезными делами. Я признаю свою ошибку, состоящую в том, что не вспомнил тут же про этого печально известного нам шпиона. Полковник Никитин, я уверен, сообщит нам подробности, связанные с деятельностью Бонда, но я припоминаю, что этот шпион по крайней мере дважды помешал успешному проведению операций СМЕРШа — правда, еще до того, как я был назначен руководителем этой организации. К сожалению, мой предшественник не принял меры к его устранению.

— У нас тоже были неприятности с этим Бондом. Готовился запуск ракеты с атомной боеголовкой из Южной Англии в Лондон. Бонд помешал осуществлению этой крайне важной операции, которая могла бы принести отличные результаты. Последствия оказались настолько серьезными, что их удалось уладить с большим трудом.

Генерал Славин из ГРУ понял, что должен вмешаться. Запуск ракеты готовился армейской разведкой, и в неудаче обвинили ГРУ. Никитину это было отлично известно. МГБ стремилось как всегда во всем обвинить соперника.

— Товарищ полковник, — начал генерал Славин ледяным голосом, — запрос был, но по нему не было принято каких-нибудь действий. Иначе Бонд не смог бы нам помешать.

Полковник Никитин задрожал от ярости и с трудом сдержался.

— Прошу извинить меня, товарищ генерал, — ответил он, — но предложение ГРУ не было поддержано наверху. Отношения с Англией были тогда слишком напряженными, и, по-видимому, вы забыли об этом. В случае одобрения нашего запроса исполнение было бы поручено СМЕРШу.

— Мы не получали никаких указаний, — отрезал генерал Г., — иначе этот шпион был бы немедленно устранен. Но сейчас не время заниматься историей. Может быть, МГБ проинформирует нас более подробно о недавней деятельности Бонда?

Полковник Никитин опять посоветовался с адъютантом и повернулся к столу.

— У нас очень мало свежей информации, товарищ генерал, — произнес он извиняющимся тоном. — Мы знаем только, что его последнее задание было связано с контрабандой алмазов, их доставкой из Африки в Америку. Но это дело не имело к нам никакого отношения. Может быть, есть какие-либо новые сведения в его досье.

Генерал Г. кивнул и поднял трубку местного телефона.

— Отдел документации? Говорит генерал Грубозабойщиков. Досье Джеймса Бонда — английского шпиона. Немедленно. — Он услышал ответ: «Будет исполнено, товарищ генерал» — и положил трубку.

— Мне представляется, товарищи, — сказал он, — что этот шпион является подходящей целью. Это — опасный враг государства. Его ликвидация отвечает интересам всех управлений разведывательного аппарата. Вы согласны?

Утвердительные кивки.

— Смерть Бонда будет чувствительным ударом для английской секретной службы. Но изменит ли его исчезновение ее деятельность? Поможет уничтожить миф,

о котором мы только что говорили? Является ли этот человек героем своей организации и всей страны?

Генерал Воздвиженский решил, что вопрос предназначен для него.

— Англичане не проявляют длительного интереса к героям, если только это не футболисты, жокеи или игроки в крикет. Если человек поднимется на ранее недостижимую вершину или быстрее всех бежит, он становится героем для отдельных личностей, но не для широких масс. Королева Англии тоже героическая личность, равно как и Черчилль. Но военные герои не слишком интересуют английский народ, и Бонд ему неизвестен. Даже если был известен, все равно не считался бы героем: в Англии ни открытая война, ни секретная не вызывают энтузиазма. О таких вещах стараются не думать или забыть как можно быстрее. Что же касается секретной службы, то этот человек может быть предметом восхищения для ее сотрудников, но может и не быть. Это зависит от его внешности и личных качеств. Не исключено, что он жирный, неопрятный и отталкивающего вида человек. Такая личность не может быть героем, какой бы успешной ни была ее деятельность.

— Захваченные нами английские шпионы хорошо о нем отзываются, — заметил Никитин. — В разведке его любят. Говорят, что он всегда действует в одиночку, но хорошо относится к окружающим и внешне выглядит привлекательно.

Зазвонил внутренний телефон. Генерал Г. снял трубку, послушал и ответил: «Принесите сейчас же». Раздался стук в дверь. Вошел адъютант с толстой папкой в руках, положил ее перед генералом Г. и тут же вышел, осторожно притворив за собой дверь.

Папка была черного цвета с белой полосой, пересекающей ее по диагонали. В правом верхнем углу было напечатано белыми буквами: «Совершенно секретно». В центре было написано: «Джеймс Бонд» и ниже — «Английский шпион».

Генерал Г. развязал тесемки, открыл папку и достал большой конверт с фотографиями. Он наклонил его и высыпал фотографии на стол. Затем стал брать их одну за другой и внимательно рассматривать — иногда с помощью увеличительного стекла, которое он достал из ящика стола. Каждая фотография попадала потом к Никитину, который, посмотрев, передавал ее дальше.

На первой фотографии было написано: «1946 год». Темноволосый молодой человек сидит в уличном кафе. На столе — стакан и сифон с газированной водой. Правая рука покоится на краю стола, пальцы небрежно сжимают сигарету. Конечно, не предполагает, что его фотографируют.

Следующая была сделана в 1950 году. На снимке виднеются лишь лицо и плечи. Изображение нечеткое. «Скрытая миниатюрная камера», — подумал генерал Г.

На третьей стояла дата: «1951». Тот же темноволосый мужчина, без шляпы, торопливо идет по пустой улице. Резкий профиль, напряженный взгляд, тело устремлено вперед и так собрано, словно готовится к прыжку, рука — в правом кармане. Генерал Г. решил, что снимок сделан из автомобиля с левой стороны, вплотную к Бонду.

На последней, четвертой, фотографии была пометка: «Паспорт, 1953». Виден угол печати и надпись «Форин Офис». Фотография, по-видимому, была переснята при пересечении границы или консьержем отеля, которому Бонд сдал паспорт для регистрации. Генерал Г. взял увеличительное стекло и стал тщательно вглядываться в изображение на фотографии.

Смуглое, будто высеченное из камня лицо с длинным, в три дюйма, шрамом на правой щеке. Глаза большие и холодные, брови густые. Волосы темные, с пробором на левой стороне. Прямой нос. Широкий, резко очерченный рот.

Генерал Г. снова посмотрел на фотографию. Решительность, уверенность в себе, безжалостность — эти качества были очевидны. Он передал фотографию Никитину и наклонился к доске, читая каждую страницу.

Фотографии вскоре вернулись к нему. Генерал Г. поднял взгляд.

— Действительно, опасный противник, — мрачно заметил он. — Досье подтверждает это. Сейчас я прочитаю вам несколько отрывков, и затем мы примем решение. Уже поздно. — Он вернулся к первой странице и начал читать наиболее интересные места.

«Фамилия — Бонд, имя — Джеймс. Рост 183 см, вес 76 кг. Стройный. Глаза — синие, волосы — черные. Шрамы на правой щеке и левом плече. Следы пластической операции на правой руке. Отлично подготовлен физически. Великолепный стрелок, мастер рукопашной схватки, блестяще владеет ножом. Не меняет своей внешности. Свободно говорит на немецком и французском языках. Много курит (сделанные по заказу сигареты с тремя золотыми полосами). Слабости: пьет, но умеренно, увлекается женщинами. По слухам, взятки не берет».

Генерал Г. пропустил страницу и продолжал.

"Всегда вооружен автоматическим пистолетом марки «Беретта» 25-го калибра (6,35 мм) в кобуре под левой рукой. В обойме восемь патронов. Носит нож, прикрепленный к левому предплечью; пользуется ботинками со стальными набойками. В рукопашной схватке борется до конца. Хорошо переносит боль.

Заключение. Этот человек исключительно опасный профессиональный террорист и шпион. Является сотрудником секретной службы с 1938 года. В настоящее время ему присвоен секретный номер «007». Два нуля означают, что агенту позволено убивать при проведении операций. Считают, что такие номера присвоены всего лишь трем английским агентам. То обстоятельство, что агент награжден орденами Святого Михаила и Святого Георга, что обычно делается лишь при уходе в отставку, показывает, насколько высоко его ценят. В случае получения о нем дополнительных сведений немедленно сообщить в Центр (СМЕРШ, МГБ и ГРУ)".

Генерал Г. закрыл папку и решительно хлопнул по ней ладонью.

— Ну как, товарищи, все согласны?

— Да, — громко ответил полковник Никитин.

— Согласен, — сказал генерал Славин, которому эта процедура уже надоела.

Генерал Воздвиженский разглядывал ногти. Он устал от убийств. Да и о пребывании в Англии у него остались приятные воспоминания. «Да, пожалуй», — пробормотал он наконец.

Рука генерала Г. сняла трубку внутреннего телефона. Ему ответил адъютант.

— Ордер на осуществление смертного приговора, — произнес генерал резким голосом. — Имя приговоренного — Джеймс Бонд. Совершенное преступление — английский шпион, действующий во вред государственным интересам, — он положил трубку и откинулся на спинку кресла. — Теперь я со своими подчиненными займусь разработкой оперативного плана. Причем такого, чтобы неудача была исключена. Нам не нужно еще одного дела Хохлова.

Открылась дверь, и вошел адъютант с желтым листом бумаги в руке. Он положил его перед генералом Г. и вышел из кабинета. Генерал пробежал глазами текст смертного приговора и написал внизу: «Смерть. Грубозабойщиков», потом передал ордер полковнику Никитину, который прочитал печатный текст и расписался: «Ликвидировать. Никитин». Далее ордер лег перед главой ГРУ, который подписал его не читая: «Смерть. Славин». Мужчина, одетый в штатское, встал, взял ордер и положил его перед генерал-лейтенантом Воздвиженским.

Воздвиженский внимательно прочел каждую фразу, затем посмотрел на генерала Г., не сводившего с него глаз, и написал: «Согласен. Воздвиженский».

После этого он оперся руками о стол и встал.

— Это все, товарищ генерал? — спросил он, отодвигая стул.

Непроницаемое выражение на лице генерала Г. скрыло его чувства, но сердце забилося от радости. Да, он не ошибся в оценке этого человека. Надо организовать за ним слежку и сообщить о подозрениях генералу Серову.

— Одну минуту, товарищ генерал, — сказал он. — Я решил кое-что добавить к приговору.

Генерал Г. взял ордер и ручкой, которую он достал из внутреннего кармана, перечеркнул свою резолюцию. Затем стал писать, произнося вслух каждое слово: «Бесчестная и позорная смерть. Грубозабойщиков».

Он оглядел участников совещания и приветливо улыбнулся.

— Спасибо, товарищи. Можете быть свободными. Я сообщу о вашем решении на заседании Президиума. До свидания.

Когда кабинет опустел, генерал Г. потянулся, широко зевнул, выключил магнитофон и вызвал адъютанта. Капитан вошел в кабинет и вытянулся по стойке «смирно».

Генерал Г. передал ему желтый лист бумаги.

— Немедленно отошлите генералу Серову. Найдите Кронштейна, пошлите за ним машину. Если он спит, разбудите его. Через десять минут пригласите ко мне полковника Клебб.

— Слушаюсь, товарищ генерал, — ответил адъютант, повернулся и вышел из кабинета.

Генерал Г. снял трубку аппарата правительственной связи и вызвал генерала Серова. В течение нескольких минут он четко и сжато проинформировал своего начальника о результатах совещания.

— Сейчас я поручу разработать план операции полковнику Клебб и начальнику отдела планирования Кронштейну. Они представят свои соображения завтра. Вы не возражаете, товарищ генерал?

— Не возражаю, — последовал спокойный голос генерала Серова, члена Верховного Президиума. — Ликвидируйте его. Но чтобы все прошло идеально. Завтра утром Президиум утвердит ордер.

Линия замолчала. Генерал Г. тоже положил трубку телефона «ВЧ».

Зазвонил местный телефон. Генерал Г. поднял трубку, выслушал адъютанта, сказал: «Да, пусть войдет», — и положил трубку.

Дверь отворилась, в кабинете появилась жабья фигура, одетая в светло-зеленую форму, и быстрыми короткими шагами подошла к столу.

Генерал Г. указал на стул.

— Добрый вечер, товарищ полковник. Садитесь.

Сладкая улыбка появилась на круглом лице.

— Добрый вечер, товарищ генерал.

Глава Второго отдела СМЕРШа, ответственного за оперативную работу и осуществление смертных приговоров, чуть приподняла юбку и опустилась на стул.

7. Ледяной маг

Циферблаты шахматных часов «смотрели» на шахматную доску подобно глазам какого-то морского чудовища, выглянувшего из-за края стола, чтобы понаблюдать за игрой.

На двух циферблатах было различное время. Часы Кронштейна показывали без двадцати минут час. Длинный красный маятник, отсчитывающий секунды, раскачивался под циферблатом его часов, тогда как часы его противника стояли и маятник был неподвижен. Но на часах Макарова было без пяти минут час. Он

потратил слишком много времени в середине игры, и теперь у него оставалось всего пять минут. Макаров знал, что его дело плохо, и если Кронштейн не совершит какую-нибудь безумно глупую ошибку (что было крайне маловероятно), то партия проиграна.

Кронштейн сидел, прямой и неподвижный, с непроницаемым лицом, напоминая зловещего попугая. Большая голова его покоилась на сжатых кулаках рук, поставленных локтями на стол. Черные, слегка раскосые глаза под широким лбом и нависающими бровями глядели на шахматную доску с равнодушным спокойствием. Но за этой непроницаемой маской кровь отчаянно билась у него в висках и частота сердечных сокращений достигала ста ударов в минуту. В последние два часа и десять минут ему привилось немало попотеть, и опасность неверного хода все еще висела над ним невидимой угрозой. Но для Макарова и зрителей он оставался «ледяным магом», игру которого сравнивали с манерой есть рыбу: сначала он очищает кожу, затем вынимает кости и, наконец, съедает. На протяжении двух последних лет Кронштейн был чемпионом Москвы, играл сейчас в третьем финале и в случае победы становился гроссмейстером.

Тишину нарушало лишь тиканье часов Кронштейна. Двое судей замерли в своих высоких креслах. Как и Макаров, они понимали, что предстоит решающий момент. Кронштейн сделал блестящий ход, отойдя от классического истолкования варианта Мерана в королевском гамбите. Макаров играл на равных до двадцать восьмого хода, когда потратил на обдумывание слишком много времени. Возможно, именно тогда он и допустил ошибку. А может быть, это произошло на тридцать первом или тридцать третьем ходу. Кто знает? Эта игра будет обсуждаться во всей стране в течение нескольких недель.

Кронштейн медленно протянул руку к шахматной доске. Раздался дружный вздох тысяч зрителей. Его большой и указательный пальцы раздвинулись подобно клешне розового краба, опустились, подняли фигуру и переставили ее на другую клетку шахматного поля.

Зрители ожили и зашушукались, наблюдая, как на огромной настенной доске был продублирован сорок первый ход. Неужели это конец игры?

Кронштейн медленно протянул руку и нажал на кнопку своих часов. Маятник остановился. Стрелки на циферблате показывали без пятнадцати минут час. В тот же самый момент ожил и забился красный маятник на часах Макарова.

Мужчина в штатском проскользнул под белый канат, подошел к судье, что-то прошептал ему и передал конверт. Судья отрицательно покачал головой, кивнув на часы Макарова, показывающие сейчас без трех минут час. Штатский прошептал короткое слово, которое заставило судью покорно склонить голову. Он включил микрофон.

— Срочное сообщение лично для товарища Кронштейна, — прозвучал в динамиках голос судьи. — Объявляется перерыв на три минуты.

В зале раздался шум множества голосов. Хотя Макаров, соблюдая правила игры, тут же отвел глаза от доски и уставился в потолок, зрители понимали, что положение фигур отпечаталось у него в уме. Перерыв на три минуты просто означал, что Макарову потом добавят эти три минуты.

Кронштейн почувствовал раздражение, но его лицо оставалось непроницаемым. Судья спустился со своего высокого кресла и передал ему чистый, безо всяких пометок, конверт. Кронштейн вскрыл его, извлек лист бумаги, на котором было напечатано большими, такими знакомыми буквами: «ТРЕБУЕТСЯ ВАШ НЕМЕДЛЕННЫЙ ПРИЕЗД».

Кронштейн сложил записку и спрятал ее во внутренний карман пиджака. Потом записка будет изъята у него и уничтожена. Человек в штатском, стоявший рядом с судьей, смотрел на него властно, словно требуя беспрекословного повиновения. «К

черту их всех», — подумал Кронштейн. Он не признает себя побежденным в уже выигранной игре, когда до победы оставалось всего три минуты. Это унижительно для профессионального игрока. Он сделал знак, что готов продолжать, и наклонился к шахматной доске, хотя внутри у него все дрожало от страха, и он старался избегать взгляда человека, который остался стоять рядом с судьей.

— Игра продолжается, — объявил судья.

Макаров перевел взгляд на доску. Стрелки его часов уже перешли за пределы времени, отведенного на игру, а он все еще продолжал борьбу.

Кронштейн не мог справиться с дрожью, охватившей его. Он совершил поступок, неслыханный не только для сотрудника СМЕРШа, но и для сотрудника любого государственного учреждения. Несомненно, об этом станет известно. Неповиновение, отказ от выполнения своих обязанностей — какими будут последствия? В лучшем случае — суровое предупреждение со стороны самого генерала Г. и выговор с занесением в личное дело. А в худшем? Кронштейн не мог себе этого даже вообразить. Каким бы ни был исход, наслаждение от победы исчезло, осталась одна горечь.

Но, к счастью, игра подошла к концу. Когда на его часах оставалось всего пять секунд, Макаров поднял глаза от доски и наклонил голову, официально признавая свое поражение. Раздался звонок арбитра, и зал разразился громом аплодисментов.

Кронштейн встал, поклонился сопернику, судьям, самый низкий поклон — зрителям. Затем в сопровождении человека в штатском нырнул под канаты и начал проталкиваться, грубо и бесцеремонно, к выходу.

У шахматного зала на Пушкинской улице стоял с включенным двигателем черный автомобиль «ЗИС» без номеров. Кронштейн опустился на заднее сиденье, мужчина в штатском поспешно вскочил в машину рядом с водителем, дверцы захлопнулись, и машина сорвалась с места.

Кронштейн знал, что бессмысленно извиняться перед офицером в штатском. К тому же это было бы нарушением дисциплины. В конце-концов, он, Кронштейн, занимает пост начальника отдела планирования операций в СМЕРШе, имеет звание полковника. Он важен для организации, его мозг для СМЕРШа ценнее алмазов. Может быть, ему удастся объяснить правильность сделанного им шага. Взгляд Кронштейна рассеянно скользил по улицам с мостовыми, уже мокрыми после того, как здесь прошли ночные поливальные машины. Кронштейн сконцентрировал все свои незаурядные умственные способности в поисках выхода из положения. Машина сделала круг по огромной площади, проехала по Сретенке и остановилась у входа.

Сопровождающий подвел Кронштейна к адъютанту генерала Г., которому вручил также и небольшую записку. Адъютант бегло прочитал ее, затем вопросительно и удивленно посмотрел на Кронштейна и, пожав плечами, снял трубку телефона.

Затем уже адъютант проводил Кронштейна к генералу Г., где вручил хозяину кабинета эту же записку. Тот прочитал ее, поднял холодный взгляд на Кронштейна и смотрел на него до тех пор, пока адъютант не вышел и не закрыл за собой дверь.

— Ну так что, товарищ? — произнес генерал Г. мягким голосом, обращаясь к Кронштейну, сидящему напротив полковника Клебб.

Самообладание уже вернулось к Кронштейну. Он нашел тактику защиты и знал, что генерал Г. будет вынужден признать его правоту.

— Для московской общественности, товарищ генерал, — начал он спокойно и уверенно, — я — профессиональный шахматист. Сегодня вечером я завоевал звание чемпиона Москвы третий год подряд. Если бы до конца игры оставалось три минуты и мне сообщили, что у входа в зал убивают мою жену, я даже пальцем не шевельнул бы ради ее спасения. Мои болельщики знают это. Признай я после того, как мне передали конверт, поражение в явно выигранной партии сегодня вечером, на глазах у пяти тысяч зрителей, все сидящие в зале сразу поняли бы, что я сделал это,

повинуясь какому-то приказу вашего департамента. По всей столице пошли бы слухи, которые положили бы конец моей карьере в СМЕРШе. В интересах безопасности государства я подождал три минуты, прежде чем исполнить приказ. Но даже сейчас мой поспешный отъезд вызовет недоумение. Мне придется положить одного из своих детей в больницу хотя бы на неделю, чтобы объяснить такую внезапную спешку. Я извиняюсь за задержку при выполнении полученного мной приказа. Мне было нелегко принять такое решение. Но я сделал это в интересах службы.

Генерал Г. задумчиво глянул в раскосые глаза Кронштейна. Он виновен, в этом нет сомнения, но и объяснение весьма разумное. Генерал еще раз прочитал записку, будто взвешивая важность обвинения, потом взял зажигалку и сжег записку. Он не произнес ни единого слова, но уничтожение вещественного доказательства было самым важным для Кронштейна. Теперь его личное дело останется чистым. Он испытывал чувство огромного облегчения и благодарности. Генерал Г. проявил поразительное великодушие. Кронштейн не пожалеет усилий, чтобы отблагодарить его.

— Передайте ему фотографии, товарищ полковник, — произнес генерал Г., как будто этого короткого трибунала и не было. — Итак, перед нами — следующая задача...

...Речь идет о приведении в исполнение очередного смертного приговора, понял Кронштейн, слушая генерала, разглядывая смуглое безжалостное лицо мужчины на фотографиях (английский шпион) и одновременно запоминая основное: необходим международный скандал, но без явного участия Советского Союза. Слабость к женщинам (следовательно, не гомосексуалист). Пьет (хотя никакого упоминания о наркотиках). Не берет взятки (кто знает? Любого можно купить, вопрос лишь в цене). Все спецслужбы готовы оказать содействие. Завершение операции не позже чем через три месяца. Сейчас необходимо высказать основные наметки плана. Детали можно разработать позднее.

— Каково ваше мнение, полковник Клебб? — холодные глаза генерала остановились на лице начальника оперативного отдела.

Женщина повернулась к генералу Г., и ее квадратные, без оправы, очки отразили свет хрустальной люстры. Бледные влажные губы под желтыми от никотина усиками начали быстро двигаться — женщина излагала свою точку зрения. Голос ее был хриплым, но невыразительным, без малейшего намека на эмоции, «...напоминает мне в некоторых отношениях дело Штольценберга. Как вы помните) товарищ генерал, тогда речь тоже шла о том, чтобы не просто ликвидировать предателя, но и уничтожить его репутацию. Но в том случае ситуация была проще. Шпион оказался дегенератом. Тогда мы...»

«Слушать эту болтовню бесполезно», — решил Кронштейн. Ему были отлично знакомы подобные операции: он сам планировал осуществление большинства из них, и память сохранила их бесчисленное множество, словно шахматные гамбиты. Отключившись, не слыша ни единого звука, он сконцентрировал внимание на лице этой страшной женщины... Сколько времени ему еще придется работать вместе с ней? Долго ли он сможет удержаться на этом посту?

Почему страшной? Кронштейна не интересовали люди. Даже его собственные дети. В его словаре не было таких категорий, как плохой и хороший. Люди были для него всего лишь фигурами на шахматной доске. Кронштейна интересовала только их реакция на движения других фигур. Для того чтобы предсказать их реакцию — а это было главным в его работе, — необходимо знать индивидуальные характеристики людей. Основные инстинкты банальны и непоколебимы. Самосохранение, секс и стадное чувство... Разница — в темпераменте: жизнерадостный, флегматичный, вспыльчивый или меланхолический. Темперамент оказывает решающее влияние на эмоции и чувства. Характер в огромной степени зависит от воспитания и — что бы ни

утверждали Павлов и бихевиористы — находится под значительным влиянием характера родителей. Жизненные привычки и поведение определяются, безусловно, еще и тем, обладает человек физической силой или он слаб.

Именно исходя из этих основных принципов, незаурядный ум Кронстейна клинически оценивал женщину, сидящую напротив него. Ему уже приходилось заниматься этими психологическими задачами сотни раз, и теперь, когда ему предстояли недели совместной работы с этой женщиной, он решил освежить свою память: никакие человеческие чувства не должны помешать осуществлению операции.

Инстинкт самосохранения у Розы Клебб был, несомненно, очень силен — иначе она не стала бы одной из самых могущественных (и уж, конечно, вселяющих наибольший страх) женщин в стране. Кронстейн вспомнил, что ее карьера началась во время гражданской войны в Испании. Там она была двойным агентом в ПОУМе — одновременно работала по указаниям ОГПУ и испанской разведывательной службы. С 1935 по 1937 годы она была правой рукой и, по слухам, любовницей своего начальника, знаменитого Андреаса Нина. И когда его убили по указанию Москвы, то, по мнению многих, это сделала именно Роза Клебб. С этого момента она медленно, но неуклонно поднималась вверх по лестнице власти — через неудачи, войны, заговоры, через все испытания, выдерживая их и выживая, потому что Клебб не присоединялась к союзам, не имела друзей, не проявляла никакой личной преданности. К 1953 году после всех чисток и процессов ее кровавые руки уже держались за ту ступеньку лестницы, которая была почти у самой вершины: она стала начальником оперативного отдела СМЕРШа.

Кронстейн подумал, что этот успех во многом зависел от ее второго могучего инстинкта — полового. Роза Клебб относилась, несомненно, к самому редкому из половых типов: она была бесполой. В этом Кронстейн был уверен. Рассказы о ней тех, кто хоть что-то знал, сводились к одному: Роза могла получать удовольствие от полового акта, но инструмент, вызывающий удовольствие, для нее не имел значения. Секс для Розы Клебб был чем-то вроде щекотки, и это физиологическое и психологическое безразличие освобождало Клебб от множества человеческих эмоций, чувств и страстей. Природа преподнесла ей редкий и бесценный дар — бесполость, это олицетворение равнодушия и холодности у человека.

У Розы Клебб полностью отсутствовал и стадный инстинкт. Стремление к власти требовало, чтобы она была волчицей, а не овцой. И она действовала в одиночку, никогда не страдая от чувства одиночества, потому что тепло человеческого общения было ей совершенно ненужным. По своему темпераменту она была, несомненно, флегматичной — равнодушной, не испытывающей боли, вялой. Кронстейн предположил, что основной ее грех — лень. Она неохотно вылезает по утрам из своей теплой грязной постели, дома неопрятна, мирится с грязью. Знакомство с интимной стороной ее жизни, когда она приходит со службы и снимает военную форму, может вызвать только отвращение. Если правда, что Роза Клебб была на гражданской войне в Испании, то ей сейчас около пятидесяти...

Фигура женщины, приземистая и толстая, с грушевидными бедрами, напоминала Кронстейну виолончель...

— Спасибо, товарищ полковник. Вы сообщили нам немало интересного. А теперь, товарищ Кронстейн, что бы вам хотелось добавить? Только покороче, пожалуйста. Уже два часа ночи, и нам всем предстоит трудный день. — Глаза генерала Г., покрасневшие от напряжения и бессонницы, уставились в пространство. Напоминать Кронстейну о краткости было лишним: он всегда говорил мало, но каждое его слово было более ценным, чем длинные выступления остальных помощников генерала Г.

Кронстейн еще в начале разговора знал, что он скажет, иначе не позволил бы

себе роскошь думать сейчас об этой женщине, сидевшей напротив. Он откинул голову назад и стал смотреть куда-то в пустоту потолка. Голос Кронштейна был поразительно мягким и тихим, но настолько выразительным, что заставлял прислушиваться к каждому слову.

— Товарищ генерал, много лет тому назад жил француз по имени Фуше, в некотором отношении ваш предшественник. Однажды он высказал соображение, что бессмысленно убивать человека, если вместе с ним не будет уничтожена его репутация. Разумеется, убить этого Бонда будет нетрудно. Это может сделать любой наемный убийца. А вот вторая часть операции — подрыв его репутации — намного труднее и важнее. На данном этапе мне ясно лишь одно — операция должна быть проведена за пределами Англии, в стране, где мы в состоянии влиять на средства массовой информации. Если вы спросите меня, как выманить его из Англии, я отвечу, что если приманка покажется привлекательной и доступной только ему одному, его пошлют за этой приманкой. Чтобы операция не походила на западню, я попробую сделать так, чтобы все выглядело несколько эксцентрично. Англичане гордятся своей любовью к необычному, странному. Они рассматривают эксцентричное предложение как вызов. Считаю целесообразным воспользоваться этой чертой их характера, чтобы вынудить их клюнуть на нашу приманку.

Кронштейн замолчал, опустил взгляд, и теперь его глаза смотрели чуть выше головы генерала Г.

— Я начну разрабатывать такую западню, — произнес он равнодушным голосом. — А пока могу сообщить, что если наша ловушка сработает и этот Бонд клюнет на нее, нам понадобится убийца, родным языком которого является английский.

Взгляд Кронштейна упал на стол, покрытый красной бархатной скатертью. Задумчиво, как будто именно в этом заключалась суть всей проблемы, он добавил: «Кроме того, будет нужна надежная и очень красивая девушка».

8. Очаровательная приманка

Сидя у окна своей комнаты и глядя на тихий июньский вечер, на первые розовые краски заката, отражающегося в окнах дома на противоположной стороне улицы, на купол старой церкви, пламенеющий, подобно факелу, на зубчатом горизонте московских крыш, сержант государственной безопасности Татьяна Романова думала о том, как она счастлива.

Ее счастье не было романтическим. Оно не имело никакого отношения к восторгу влюбленности — тем дням и неделям, когда на горизонте еще не видно мрачных туч. Это было спокойное счастье безопасности, уверенности в завтрашнем дне, ощущение, которое становилось еще более приятным из-за малозначащих, второстепенных мелочей — похвалы профессора Деникина после урока английского языка, запаха вкусного ужина, разогревающегося на электрической плитке, доносящихся из радиоприемника звуков ее любимого вступления к «Борису Годунову» в исполнении Московского симфонического оркестра и, самое главное, прихода лета после длинной унылой зимы и короткой весны.

Комната была одной из сотен подобных в огромном современном здании на Садовой-Черногрязской улице, где размещалось женское общежитие сотрудниц Министерства государственной безопасности. В этом красивом восьмиэтажном здании, построенном в 1939 году заключенными, было две тысячи комнат. Часть, как, например, ее комната, представляли собой всего лишь маленькие клетушки с телефоном, умывальником, одной лампочкой, ванной и туалетом в коридоре. Другие, размещающиеся на двух последних этажах, были двух— и трехкомнатными квартирами с ванными. Эти квартиры выделялись для сотрудниц, занимающих

ответственные должности. Жилищные условия улучшались в соответствии со званием, и сержанту Романовой еще только предстояло получить звание лейтенанта, капитана, майора и подполковника, прежде чем она достигнет роскоши последнего, восьмого, этажа, где проживали полковники.

Но сейчас — видит бог! — она была довольна своей судьбой. Жалованье в 1200 рублей в месяц (на треть больше, чем в любом министерстве), собственная комната, хорошая дешевая пища и одежда, которые можно купить в закрытом «распределителе» на первом этаже, полностью оплаченный двухнедельный отпуск каждый год. Но самое главное — постоянная работа с хорошими перспективами в Москве вместо какого-нибудь мрачного провинциального городка, где месяцами ничего не происходит и где выход на экраны нового фильма или приезд цирка считается настоящим праздником.

Конечно, за работу в МГБ приходится расплачиваться. Форма сотрудника государственной безопасности отделяет тебя от всего мира. Тебя боятся и обходят стороной, так что не остается ничего другого, как присоединиться к обществу других сотрудниц и сотрудников МГБ. Когда-нибудь придется выйти замуж за одного из них, если хочешь продолжать работу в министерстве. И приходится напряженно трудиться: с восьми утра до шести вечера, пять с половиной дней в неделю, а отдых в течение дня — всего сорок минут на обеденный перерыв в служебной столовой. Но там хорошо кормят, так что можно почти не ужинать и копить деньги на шубку из соболя, которая заменит когда-нибудь шубу из изрядно потрепанной сибирской лисы.

Вспомнив про ужин, сержант Романова встала со стула у окна и подошла к плитке, чтобы взглянуть на кастрюльку с густым супом, в котором плавало несколько крошечных кусочков мяса. Он был уже почти готов и пахнул очень вкусно. Девушка выключила плитку, чтобы суп остыл, а сама принялась мыть руки и накрывать на стол, как ее приучили с детства.

Вытирая руки полотенцем, она посмотрела в большое овальное зеркало над умывальником.

В институте один из парней, влюбленных в нее, сказал, что Таня похожа на молодую Грету Гарбо. Какие глупости! Но сегодня она действительно выглядела хорошо. Шелковистые каштановые волосы, отброшенные назад с высокого лба, падали на плечи, края их слегка завивались вверх (Татьяна Романова видела однажды такую прическу у Греты Гарбо и не стыдилась признаться, что скопировала ее); мягкая бледная кожа оттенка слоновой кости; широко расставленные синие-синие глаза под прямыми бровями (Таня закрыла один глаз за другим — да, ресницы были, несомненно, достаточно длинными), аристократический нос... А вот что можно сказать про ее рот? Может быть, слишком широк? Когда она улыбается, он выглядит ужасно широким. Таня улыбнулась своему отражению в зеркале. Да, рот был действительно широк, но ведь и у Гарбо такой же. И этот недостаток исправляли пухлые, хорошо очерченные губы. К тому же от улыбки на ее щеках появляются такие славные ямочки. Нет, никто не осмелится сказать, что у нее холодный рот! А овал лица? Не слишком ли он длинен? Подбородок не очень острый? Таня повернула голову, чтобы посмотреть на себя в профиль. Тяжелая волна волос метнулась вперед и закрыла правую половину лица. Таня отбросила волосы обратно. Ну что ж, подбородок очерчен несколько резковато, но он не острый. Она снова повернулась к зеркалу и стала расчесывать свои длинные густые волосы. Грета Гарбо! Конечно, Таня не была дурнушкой, раз столько мужчин говорили ей комплименты и столько девушек обращались за советами, как им ухаживать за кожей лица, волосами... Но кинозвезда — и к тому же такая знаменитая! Таня скорчила перед зеркалом рожицу и пошла ужинать.

Говоря по правде, сержант Татьяна Романова была очень красивой, очаровательной девушкой. У нее было прелестное лицо, стройное тело, и двигалась

она с поразительной грацией. Таня училась в балетном училище в Ленинграде, но вынуждена была оставить его: ее рост на дюйм превысил предписанный. А выглядела она воплощением здоровья еще и благодаря своей страсти к фигурному катанию, которым занималась на стадионе «Динамо». Когда-то Таня выступала на соревнованиях в первой команде своего общества. У нее были точеные руки и высокая грудь. Ревнитель классической красоты мог бы найти мелкие недостатки в ее фигуре: бедра и ягодицы были так развиты физическими упражнениями, что несколько утратили плавные женственные очертания и чуть-чуть походили на мужские.

Красота сержанта Романовой вызвала восхищение далеко за пределами английского отдела управления документации МГБ. Все были уверены, что пройдет немного времени и кто-то из высших чинов заметит ее и сделает своей любовницей. Может быть, и женой.

Девушка налила горячий суп в тарелку, на которой были нарисованы волки, мчащиеся за санями, покрошила туда черный хлеб, села за стол и начала медленно есть, любуясь красивой блестящей ложкой. Эту ложку она незаметно сунула в сумочку, когда несколько недель тому назад вместо с веселой компанией ужинала в ресторане «Москва».

Поев, девушка вымыла посуду, вернулась к окну и закурила свою первую за день сигарету. В России не принято, чтобы женщины курили при людях, за исключением ресторана. Если бы она закурила на работе, ее бы немедленно уволили. Из черной тарелки репродуктора, прикрепленного к стене, доносилось завывание какого-то оркестра из Туркменистана. Снова эта ужасная музыка, которую исполняют по радио на радость обитателям варварских провинций! Неужели нельзя исполнять что-то более культурное? Современный джаз, например, или классическую музыку. Музыка, звучавшая сейчас, казалась ей просто ужасной. И что еще хуже — старомодной.

Резко зазвонил телефон. Таня подошла и сняла трубку.

— Сержант Романова?

Это был голос ее любимого профессора Деникина. Но в свободное время он всегда звал ее Татьяной или даже Таней. Что это может значить?

— Да, товарищ профессор.

Голос в телефонной трубке казался чужим и холодным.

— Через пятнадцать минут, в половине девятого, вам надлежит явиться к полковнику Клебб из Второго отдела. Она ждет вас у себя в квартире номер 1875, на восьмом этаже вашего здания. Вам все понятно?

— Но почему? Что... что случилось?

Ее прервал странно напряженный голос любимого профессора:

— Это все, товарищ сержант.

Девушка посмотрела на телефонную трубку, будто надеясь получить какое-то объяснение.

— Алло! Алло! — Трубка молчала.

Таня почувствовала, что от напряжения, с которым она сжимает трубку, у нее болят мышцы. Она медленно наклонилась и опустила ее на рычаг.

Может быть, позвонить ему? Нет, это исключается. Он говорил с ней таким тоном потому, что знал, как знала и она, что все телефонные разговоры прослушиваются или записываются. Вот почему он не тратил лишних слов. Речь идет о безопасности государства. В таких случаях передаешь, что тебе было поручено передать, и стараешься забыть об этом как можно быстрее. Тебе удалось избавиться от пиковой дамы, и твои руки снова чисты.

Девушка, не спуская глаз с телефона, прикусила зубами костяшки пальцев. Зачем она понадобилась им? В чем ее обвиняют? Она лихорадочно попыталась

вспомнить события последних дней, месяцев, лет. Может быть, какая-то ужасная ошибка на работе и им стало известно об этом лишь сейчас? Или она рассказала какой-то анекдот? Сделала неосторожное замечание и на нее донесли? Это не исключено. Но какое замечание? Когда? Девушка не могла припомнить ничего похожего. Ложка! Ведь она совершила кражу государственного имущества! Выбросить ее из окна, с другой стороны здания, как можно дальше! Нет, вряд ли. Это слишком незначительное преступление. Таня недоуменно пожала плечами и подошла к шкафу. На глазах выступили слезы отчаяния. СМЕРШ не занимается такими мелочами. Произошло что-то куда более серьезное.

Девушка вытерла слезы и посмотрела на часы. Осталось всего семь минут! Таню охватила паника. Она распахнула дверцу шкафа и достала парадную форму. Не хватало еще опоздать! Она принялась с лихорадочной поспешностью расстегивать пуговицы белой хлопчатобумажной блузки.

Даже не принимая во внимание причину, по которой ее вызвали, положение казалось ей загадочным. Любой контакт с одним из щупальцев СМЕРШа был неслыханным. Само слово «СМЕРШ» было ужасным. Оно звучало подобно дыханию смерти. Но самое страшное заключалось в том, что ее вызвали к начальнику Второго отдела, этому олицетворению зла, занимающемуся пытками и убийствами.

И этим начальником была женщина, Роза Клебб! О ней рассказывали невероятные вещи, которые могут присниться лишь в самых страшных кошмарах.

Ходили слухи, что ни одна пытка не проходила без личного участия Розы Клебб. В ее кабинете в шкафу висел халат, покрытый пятнами крови, и стоял раскладной стул. Когда она выходила из своего кабинета, одетая в этот халат, с раскладным стулом под мышкой, и шла подземными коридорами, об этом сразу становилось известно, и даже сотрудники СМЕРШа замолкали и наклонялись над столами, пока она не возвращалась обратно.

Шепотом рассказывали, что она входила в камеру и ставила стул у лица мужчины или женщины, пристегнутых к столу пыток. Затем садилась и внимательно смотрела в глаза жертвы, тихо произнося номер 1 или номер 10, или номер 25. Инквизиторы понимали, что она имеет в виду, и принимались за дело. А Роза Клебб не отрывала глаз от лица жертвы, наклонялась к ней вплотную и вдыхала крики, как аромат духов. В зависимости от того, как менялось выражение лица мученика, она отдавала приказ об изменении пытки (...номер 36 или номер 64), и истязания начинались заново. Когда силы и самообладание покидали жертву и начинались мольбы о милосердии. Роза Клебб склонялась над измученным телом и принималась ворковать нежным голосом: «Ну-ну, мой голубок. Расскажи мне все, маленький, и муки прекратятся. Ведь тебе так больно! А от боли ужасно устаешь. Хочется, чтобы все окончилось наконец, и ты смог отдохнуть. Твоя мама рядом, и она не хочет, чтобы ты страдал. Тебя ждет мягкая удобная постель, ты уснешь и забудешь обо всем, обо всем. Расскажи мне, — продолжала она мягким голосом, — и тебя оставят в покое. Больше не будет боли и мучений».

Но если она видела в глазах жертвы упрямство, тихий голос говорил: «Но ты дурачок, мой милый, такой дурачок. Эта боль — только начало, пустяк. Ты не веришь мне? Тогда, голубок, твоя мама вынуждена попробовать немного, совсем немного, чего-то другого. Номер 87», — обращалась она к инквизиторам. И те снова меняли инструменты и методы пытки, а Роза Клебб сидела на стуле и наблюдала, как сознание и жизнь медленно покидают человека, и тогда ей приходилось кричать прямо в ухо умирающего.

Но такое бывало очень редко. Мало кто обладал такой силой воли, чтобы пройти до конца путь мучений СМЕРШа, мало кто отказывался подчиниться нежному голосу, обещавшему тишину и покой. Истязаемые почти всегда сдавались, потому что Роза Клебб инстинктивно угадывала момент, когда взрослый сильный человек

превращался в беспомощного ребенка, способного только на то, чтобы позвать свою маму. Когда она принимала образ матери, воля человека, которую жесткие требования мужчины только бы укрепили, ослабевала.

После того как ей удавалось добиться признания очередного арестованного, Роза Клебб опять возвращалась в свой кабинет со стулом под мышкой, снимала халат, покрытый свежими пятнами крови. Слух об этом быстро облетал сотрудников, работающих в подвальных помещениях, и они с облегчением вздыхали...

Татьяна взглянула на часы. Еще четыре минуты. Она провела ладонями по бедрам, разглаживая форму, посмотрела на свое отражение в зеркале. После этого девушка повернулась и сказала последнее «прощай» своей милой комнатке. Вернется ли она сюда?

Таня вышла в длинный коридор и вызвала лифт.

Когда двери лифта открылись перед ней, девушка расправила плечи, подняла подбородок и вошла в лифт, как на платформу гильотины.

— Восьмой, — сказала она лифтерше и встала лицом к дверям. Глядя прямо перед собой, она молча повторяла фразу, которую не произносила с детства: «Боже мой, боже мой, боже мой!»

9. Труд любви

Стоя перед безликой, ничем не отличающейся от других дверью, окрашенной в кремовый цвет, Татьяна уже почувствовала запах, царящий в квартире. Когда после короткой команды войти Татьяна открыла дверь, то чуть не задохнулась от этого запаха жилища Розы Клебб. Татьяна замерла у входа, глядя в глаза женщины, сидящей за столом и освещенной люстрой, свисающей с потолка.

Да, воздух такой же, как в метро в жаркий летний день — дешевые духи, которыми словно пытаются смыть запах пота и немытых тел. Русские щедро пользуются духами и одеколоном независимо от того, мылись они или нет, но главным образом тогда, когда не мылись. И здоровые, любящие чистоту девушки предпочитают возвращаться с работы пешком, чтобы избежать духоты и этого запаха, и спускаются под землю, лишь когда идет сильный дождь или снег.

Лицо Татьяны чуть исказилось гримасой отвращения. Но именно оно, это отвращение, и презрение к человеку, способному жить в такой духоте и затхлости, дало ей сил смотреть, не мигая, в желтоватые глаза, уставившиеся на нее через линзы квадратных, без оправы, очков. Это были изучающие глаза, не выдающие чувств своего хозяина. Он разглядывали Романову с ног до головы, по частям, подобно объективу кинокамеры.

— Вы — красивая девушка, товарищ сержант, — произнесла полковник Клебб. — Пройдите по комнате до стены и обратно.

Что значат эти ласковые слова? Вспомнив об отвратительных личных привычках этой женщины и охваченная уже иным беспокойством, Татьяна подчинилась.

— Снимите китель. Повесьте его на спинку стула. Поднимите руки над головой. Выше. Теперь наклонитесь и достаньте кончиками пальцев пол, не сгибая коленей. Хорошо. Садитесь. — Клебб разговаривала, как врач. Она указала на стоящий рядом стул и принялась читать папку на столе.

«Должно быть, это мое личное дело», — подумала Татьяна. Как интересно было бы увидеть документ, который решает всю ее судьбу. И какая толстая эта папка — почти два дюйма. Что в ней?

Полковник Клебб просмотрела последние страницы и захлопнула загадочную папку оранжевого цвета с черной полосой по диагонали. Что могут означать эти цвета?

— Слушайте меня внимательно, товарищ сержант! — Это был повелительный голос старшего офицера. — О вашей работе отзываются весьма похвально. Ваше поведение безупречно как на службе, так и вне ее. Государство очень вами довольно.

Татьяна не верила своим ушам. Ее охватила слабость от чувства облегчения. Она покраснела и оперлась рукой о край стола.

— Я очень благодарна, товарищ полковник, — еле слышно пробормотала она.

— Мы высоко ценим вашу образцовую службу, поэтому вам доверили исполнение исключительного по важности задания. Это большая честь. Вы понимаете меня?

Как бы то ни было, это куда лучше, чем она предполагала.

— Так точно, товарищ полковник. — Задание, порученное вам, очень ответственное, и я рада сообщить вам, что после его завершения вам будет присвоено звание капитана государственной безопасности.

Такое было совершенно неслыханно для девушки в двадцать четыре года! Татьяна инстинктивно почувствовала опасность. Она вся напряглась подобно зверю, заметившему стальные челюсти капкана под куском мяса.

— Это большая честь для меня, товарищ полковник, — ответила она, безуспешно пытаясь скрыть подозрительность.

Роза Клебб удовлетворенно кивнула. Она отлично понимала чувства девушки, получившей приказ явиться к ней. Неожиданно мягкий прием, чувство облегчения, охватившее ее, затем вновь пробудившиеся опасения — ничто не укрылось от опытного глаза Розы Клебб. Перед ней стояла красивая, бесхитростная, наивная девушка — именно такая требовалась для предстоящего заговора. Теперь нужно успокоить ее.

— Милая моя, — произнесла она доверительно. — Я совсем забыла. Такое событие, как ваше новое задание, нужно отметить. Не следует думать, что у нас, старших офицеров, нет человеческих слабостей. По такому случаю неплохо открыть бутылку французского шампанского.

Роза Клебб встала и подошла к буфету, где все уже было приготовлено ее ординарцем.

— Попробуйте шоколадные конфеты, пока я буду бороться с пробкой. Это всегда непросто. Нам, девушкам, для такой работы требуются мужчины, верно? Берите, берите. Это отличные конфеты. Только что из Швейцарии. Круглые — с мягкой начинкой, квадратные — с твердой.

Татьяна шепотом поблагодарила хозяйку, протянула Руку и взяла круглую конфету. Во рту у нее пересохло, и конфету с мягкой начинкой легче проглотить. Она с ужасом ждала, когда стальные челюсти капкана сомкнутся вокруг ее шеи: в том, что за этим спектаклем скрывается что-то ужасное, она не сомневалась. Шоколад прилип к ее Деснам подобно жевательной резинке. К счастью, внезапно она почувствовала в руке бокал шампанского.

Роза Клебб подняла свой бокал, весело улыбаясь.

— За ваше здоровье, Татьяна! Поздравляю вас!

Лицо Тани исказилось в мучительной улыбке. Она тоже подняла бокал.

— За ваше здоровье, товарищ полковник!

Она выпила вино до дна, как это принято в России, поставила бокал на стол перед собой.

Роза Клебб тут же снова наполнила его, пролив немного шампанского на скатерть.

— А теперь за ваше новое назначение!

Ее губы раздвинулись в сладкой улыбке. Глаза напряженно следили за выражением лица девушки.

— За СМЕРШ!

Татьяна встала неуклюже, как манекен, и взяла бокал.

— За СМЕРШ, — пробормотала она, двумя глотками опустошила бокал и села.

Роза Клебб не дала ей времени для размышлений. Она села напротив Татьяны и положила ладони на стол.

— А теперь за дело, — ее голос прозвучал как команда. — У нас много работы. Она наклонилась вперед.

— Вам никогда не хотелось жить за границей? В одной из западных стран?

Шампанское ударило Татьяне в голову. Наверно, это есть ловушка, но пусть тогда она захлопывается как можно быстрее.

— Нет, товарищ полковник. Мне нравится жить в Москве.

— И вам не приходило в голову, как приятно жить на Западе — красивая одежда, джаз, модные прически?

— Нет, товарищ полковник, — девушка говорила правду. Она никогда не задумывалась об этом.

— А если в интересах государства от вас потребуют, чтобы вы жили за границей?

— Я исполню приказ.

— С охотой?

Татьяна нетерпеливо пожала плечами:

— С приказами не спорят.

Женщина замолчала. Следующий вопрос прозвучал заговорщицки:

— Вы девственница, Татьяна?

«Господи», — подумала девушка.

— Нет, товарищ полковник.

Роза Клебб облизнула губы.

— Сколько было их?

Татьяна покраснела до корней волос. Русские девушки скрытны и очень неохотно говорят о своих любовных связях. Этот вопрос прозвучал тем более отталкивающе, потому что был задан офицером безопасности, которого она никогда раньше не встречала и который теперь ее допрашивал. Татьяна набралась мужества и посмотрела прямо в желтоватые глаза.

— Какое право вы имеете задавать такие интимные вопросы, товарищ полковник?

Роза Клебб выпрямилась. Ее голос прозвучал, как удар хлыста.

— Не забывайтесь, товарищ сержант. Здесь задаю вопросы одна я. Вы забыли, с кем разговариваете. Отвечайте на мой вопрос!

Решимость Татьяны исчезла.

— Трое, товарищ полковник.

— Когда? Сколько вам было лет? — Холодные желтые глаза впились в синие измученные глаза девушки и повелевали.

Татьяна была готова разрыдаться.

— В школе. Мне было тогда семнадцать лет. Затем в институте иностранных языков, когда мне исполнилось двадцать два. И в прошлом году. Мне было двадцать три года. Я встретила его на катке.

— Имена, пожалуйста. — Роза Клебб взяла карандаш и придвинула к себе блокнот.

Татьяна закрыла лицо руками и заплакала.

— Нет, никогда, — воскликнула она, когда рыдания стихли. — Делайте со мной что хотите. Вы не имеете права.

— Прекратите глупости, — прошипела Роза Клебб. — Я могу узнать от вас эти имена через пять минут — или вообще любые сведения, которые понадобятся. Вы занимаетесь опасной игрой, товарищ. Мое терпение тоже имеет предел. — Роза

Клебб замолчала. Может быть, она ведет себя с этой девушкой слишком жестко? — Хорошо, опустим пока этот вопрос. Вы ответите на него завтра. Уверяю вас, им ничего не угрожает. Им будут заданы вопросы о вас — несколько элементарных технических вопросов. А теперь успокойтесь. Мы не можем тратить время на чепуху.

Роза Клебб встала и обошла вокруг стола. Она остановилась рядом с Татьяной. Голос ее стал мягким и вкрадчивым.

— Не надо расстраиваться, миленькая. Вы должны доверять мне. Ваши сокровенные тайны никто не узнает. Вот, выпейте шампанского и забудем о неприятностях. Будем друзьями. Ведь нам предстоит работать вместе. Относитесь ко мне, милая Татьяна, как к своей матери. Возьмите бокал.

Татьяна достала платок, вытерла заплаканные глаза. Потом дрожащей рукой взяла бокал шампанского.

— Пейте все сразу, милая.

Роза Клебб стояла над девушкой, как огромная жирная утка, и ободряюще крякала.

Татьяна послушно допила бокал. Она чувствовала, что последние силы оставили ее, у нее нет больше воли к сопротивлению. Ей хотелось как можно быстрее покончить с этим допросом, вернуться к себе в комнату и заснуть. Так вот как, подумала она, чувствуют себя жертвы на допросе. Трудно не сломаться, если тобой занимается Роза Клебб. Да, теперь Татьяна стала покорной и выполнит все, что от нее потребуют.

Роза Клебб опустилась на стул. Все это время она внимательно следила за девушкой.

— А теперь, милая, еще один интимный вопрос. Между нами, девушками. Вы испытываете наслаждение в объятиях мужчины?

Татьяна снова закрыла лицо руками. Опустив голову, она произнесла сдавленным, еле слышным голосом: «Да, товарищ полковник. Естественно, когда ты с человеком, которого любишь...» И умолкла. Что еще можно сказать? Какого ответа добивается от нее эта женщина?

— Но предположим, милая, что вы не влюблены в мужчину? Будете ли вы испытывать наслаждение от его объятий и в этом случае?

Татьяна нерешительно покачала головой. Она убрала руки от лица. Густые волосы упали вперед, закрыв лицо. Девушка старалась найти ответ, но ей было трудно представить такую ситуацию.

— Это будет зависеть от мужчины, товарищ полковник.

— Разумный ответ, моя милая. — Роза Клебб выдвинула ящик стола, достала фотографию и протянула ее девушке. — Предположим, речь идет вот об этом мужчине.

Татьяна осторожно взяла фотографию и посмотрела на твердые, жестокие черты привлекательного лица. Она попыталась вообразить...

— Мне трудно сказать, товарищ полковник. У него мужественное лицо. Если он будет нежным... — Она оттолкнула фотографию от себя.

— Нет-нет, возьмите ее. Поставьте фотографию рядом с кроватью и думайте об этом мужчине. Потом, на своей новой работе, вы узнаете о нем гораздо больше. А теперь, — ее глаза сверкнули за квадратными линзами очков, — разве вам не хочется узнать, в чем будет заключаться задание, для выполнения которого вас выбрали из всех русских девушек?

— Это было бы очень интересно, товарищ полковник. — Татьяна послушно посмотрела на Розу, уставившуюся на нее подобно охотничьей собаке, сделавшей стойку перед затравленной птицей.

Мокрые резиновые губы раздвинулись в подобие улыбки.

— Вас выбрали, товарищ сержант, для исполнения простого задания, которое

доставит вам удовольствие, — если хотите, это труд любви. Вам нужно влюбиться, вот и все. Влюбиться в этого мужчину.

— А кто это? Я ведь даже не знаю его.

Роза Клебб ожидала этого вопроса. Ответ на него потрясет эту глупую девчонку.

— Этот мужчина — английский шпион.

— Боже мой! — от неожиданности Татьяна зажала рукой рот и в страхе замерла, глядя на Розу Клебб испуганными глазами.

— Совершенно верно, — кивнула Роза Клебб, довольная произведенным эффектом. — Это английский шпион. Один из самых знаменитых. И вам нужно полюбить его. Так что привыкайте к этому. И без глупостей, товарищ. Я не шучу с вами. Это важное государственное задание, для осуществления которого выбрали именно вас. Теперь займемся деталями.

Роза Клебб помолчала, потом скомандовала:

— Уберите руку от лица и перестаньте смотреть на меня, как испуганная корова. Сядьте прямо и внимательно слушайте. Иначе вам несдобровать. Понятно?

— Так точно, товарищ полковник. — Татьяна выпрямилась на стуле и положила руки на колени, как будто она снова сидела на занятиях в школе государственной безопасности. В голове у нее носились сотни отрывочных мыслей, но сейчас не было времени для личных чувств. Она понимала, что намечена операция государственной важности и ей нужно защищать интересы своей родины. Она выбрана для участия в крупном заговоре. Как служащей МГБ ей предстоит выполнить свой долг и выполнить его хорошо. Татьяна с профессиональным вниманием прислушивалась к каждому слову Розы Клебб.

— Пока, — в голосе Розы Клебб снова зазвучали начальственные нотки, — я посвящу вас в общие наметки плана. Подробности вам сообщат позднее. На протяжении предстоящих недель вы пройдете самую тщательную тренировку и будете готовы ко всем неожиданностям, которые могут возникнуть. Вас научат носить красивую одежду, научат западным обычаям. Вы узнаете тонкости искусства соблазнения мужчин. Затем вас пошлют в одну из стран Европы. Там вы встретите этого мужчину и соблазните его. У вас не должно быть никаких угрызений совести. Ваше тело принадлежит государству. С самого рождения государство кормило и воспитывало вас. Теперь ваше тело должно работать на государство. Это понятно?

— Понятно, товарищ полковник.

Логика Розы Клебб была несокрушимой.

— Вы поедете с этим мужчиной в Англию. Несомненно, там вас подвергнут допросам. Об этом не следует беспокоиться. Англичане не применяют суровых методов при допросах. На заданные вопросы вы дадите ответы, не наносящие ущерба безопасности государства. Мы дадим вам кое-какую информацию, которая должна попасть в руки англичан. Затем вас отправят, по-видимому, в Канаду. Туда английские власти переселяют некоторых иностранцев. Вас вызволят оттуда и вы вернетесь в Москву.

Роза Клебб посмотрела на девушку. Судя по всему, она поверила в это.

— Как видите, задание относительно простое. У вас есть вопросы?

— Что будет с мужчиной, товарищ полковник?

— Нас это мало интересует. Мы воспользуемся им, чтобы вы смогли попасть в Англию. Цель операции — предоставить англичанам ложную информацию. Конечно, товарищ, мы будем рады узнать ваше впечатление о жизни в Англии. Доклад такой хорошо подготовленной и умной девушки принесет немалую пользу государству.

— Вы так думаете, товарищ полковник? — Татьяна почувствовала важность поставленной перед ней задачи. Внезапно все это показалось ей таким захватывающим. Она приложит все усилия, чтобы справиться с заданием. А вдруг ей не удастся соблазнить этого английского шпиона? Она посмотрела на фотографию.

Лицо мужчины было, несомненно, привлекательным. Что это за «искусство соблазнения мужчин», о котором говорила Роза Клебб? Поможет ли оно ей?

Довольная собой, Роза Клебб встала из-за стола.

— А теперь нам нужно немного отвлечься, милая. Достаточно работы на сегодня. Я пойду переоденусь, а потом мы побеседуем по душам. Ешьте шоколад, а то он пропадет. — Роза Клебб показала рукой на стол и исчезла за дверью соседней комнаты.

Татьяна откинулась на спинку стула. Значит, вот в чем дело! Какая честь быть выбранной для такой работы! А она так испугалась сначала. Разумеется, народные вожди, руководители государства не допустят, чтобы пострадал невинный человек, так усердно работающий и в личном деле которого нет ни единой пометки. Внезапно ее охватило чувство бесконечной благодарности к государству, вырастившему ее, и гордость, что ей дали возможность отплатить за проявленную заботу. Даже эта Клебб не казалась ей больше такой страшной.

Татьяна все еще была охвачена эйфорией облегчения, когда дверь спальни открылась и в комнату вошла «эта Клебб».

— Вам нравится, милая? — спросила полковник Клебб, расставив пухлые руки и повернувшись на носках подобно манекенщице.

Татьяна открыла от удивления рот, не зная, что ответить.

Начальник Второго отдела СМЕРШа была одета в полупрозрачную ночную рубашку из оранжевого крепдешина, украшенную у низкого выреза на груди кружевами такого же цвета. Под рубашкой виднелся бюстгальтер с чашечками в виде двух больших атласных роз красного цвета, старомодные панталоны из красного атласа с резинками над коленями, походившими на желтые кокосовые орехи. Роза Клебб была без очков, и ее лицо было покрыто толстым слоем румян, пудры и губной помады.

Она напоминала самую старую и безобразную в мире потаскуху.

— Очень красиво, — с трудом выговорила Татьяна.

— Действительно красиво, — прощепетала женщина и подошла к широкому дивану, покрытому безвкусным ярким покрывалом. У его спинки валялись три грязные диванные подушки.

Взвизгнув от удовольствия, Роза Клебб бросилась на диван и улеглась в позе, напоминающей Жюли Рекамье. Она протянула руку и включила стоящую на соседней тумбочке лампу с розовым абажуром, затем хлопнула по дивану рядом с собой.

— Выключите люстру, милая. Выключатель рядом с дверью. И садитесь рядом. Нам нужно познакомиться поближе.

Татьяна подошла к двери, выключила свет, затем решительно повернула дверную ручку и рванулась в коридор. Здесь самообладание покинуло ее. Захлопнув дверь, она побежала по коридору, зажав ладонями рот, чтобы удержать в себе пронзительный крик, так и рвущийся наружу. Крик не раздался.

10. Фитиль зажжен

Наступило утро следующего дня.

Полковник Клебб сидела за столом своего просторного кабинета в подвале здания СМЕРШа. Впрочем, это был скорее командный пост, чем кабинет. Одну из стен полностью закрывала огромная карта Западного полушария. Такая же карта, но Восточного полушария, висела на противоположной стене. За ее столом, в пределах досягаемости, стоял телетайп, дублирующий аналогичный аппарат, передающий уже расшифрованные донесения и расположенный в шифровальном отделе под высокими радиомачтами на крыше здания. Время от времени полковник Клебб

протягивала руку, отрывала бумажную ленту и читала поступившее донесение. Впрочем, это было простой формальностью. Как только поступало важное сообщение, на ее столе тут же звонил телефон. Из этого кабинета осуществлялось руководство деятельностью всех агентов СМЕРША в самых разных странах мира, и этот контроль был бдительным, не прекращающимся ни на мгновение.

Тяжелое лицо выглядело мрачным и усталым. Под покрасневшими глазами набрякли мешки.

Негромко зазвонил один из трех телефонов, стоящих на столе. Клебб сняла трубку и сказала: «Пусть войдет.»

Она повернулась к Кронштейну, который сидел в кресле под очертаниями юга Африки и ковырял в зубах разогнутой скрепкой для бумаг.

— Это Гранитский.

Кронштейн медленно повернулся к двери.

«Красный» Грант вошел в комнату, подошел к столу остановился, послушно глядя в глаза своего начальника. Кронштейн подумал, что он походит на огромного прок подавшегося мастиффа, ждущего, что ему бросят кусок мяса.

Роза Клебб внимательно осмотрела Гранта.

— Вы готовы к работе?

— Да, товарищ полковник.

— Хорошо, сейчас проверим. Раздевайтесь!

Грант ничуть не удивился. Он снял пиджак, оглянулся по сторонам, не зная, куда повесить его, потом бросил на пол. С привычным равнодушием он разделся догола и сбросил ботинки. Могучее красно-коричневое тело, поросшее золотистыми волосами, словно осветило мрачную комнату. Грант стоял, опустив руки и согнув одно колено, будто позируя художнику.

Роза Клебб поднялась из-за стола и подошла к нагому мужчине. Она внимательно осмотрела тело, трогая его рукой в одном месте, щупая в другом, будто покупала лошадь. Затем она обошла его сзади и осмотрела. Кронштейн заметил, что, когда полковник Клебб обходила Гранта, она достала из кармана что-то металлическое и надела это «что-то» на руку. Встав рядом с обнаженным мужчиной и вначале спрятав за спину правую руку, она вдруг с невероятной быстротой и силой ударила его в солнечное сплетение. На кулак был надет тяжелый кастет.

Грант вздрогнул от боли и неожиданности. Его колени чуть-чуть подогнулись, потом снова выпрямились. На мгновение его глаза закрылись от страшной боли, но тут же открылись. Красные зрачки уставились в холодные желтые глаза полковника Клебб, скрытые за квадратными стеклами очков. Если не считать кровоподтека, появившегося на месте удара, Грант никак не прореагировал на потрясение, которое заставило бы любого нормального мужчину корчиться на полу в ужасных муках.

Роза Клебб удовлетворенно улыбнулась, сунула кастет в карман, обошла стол и села. Она с гордостью посмотрела на Кронштейна. «По крайней мере, он в хорошей физической форме», — сказала она.

Кронштейн то-то невнятно пробормотал.

Голый мужчина довольно ухмыльнулся и потер кровоподтек на животе.

Роза Клебб задумчиво посмотрела на него.

— Товарищ Гранитский, — сказала она наконец, — у меня есть задание для вас. Это очень важное задание. Более важное, чем те, что поручались вам раньше. После его успешного завершения вас наградят орденом, — глаза Гранитского сверкнули, — потому что вам придется ликвидировать очень опасного человека. Вы будете действовать один, в иностранном государстве. Вам все ясно?

— Да, товарищ полковник.

Грант был взволнован. Это его большой шанс, возможность подняться на самую вершину. Интересно, каким орденом наградят его? Орденом Ленина?

— Этот человек — английский шпион. Вам хочется ликвидировать английского шпиона?

— Очень хочется, товарищ полковник, — произнес Грант с подлинным энтузиазмом. Для него не было ничего более приятного, чем убийство англичанина. Он еще не закончил сведение счетов с этими ублюдками.

— Вам понадобится несколько недель на подготовку. Во время этой операции вы будете играть роль английского агента. Сейчас у вас плохие манеры и вы не похожи на джентльмена. Вам придется научиться поведению настоящего джентльмена, — она усмехнулась, — хотя бы внешне. Этим займется один англичанин, раньше служивший в Форин Офис, в Лондоне. Он научит вас, как выдать себя за английского агента. Их спецслужбы используют самых разных людей, так что я не вижу особых трудностей. Кроме того, вам придется научиться еще и другим вещам. Операция назначена на конец августа, но ваша подготовка начнется немедленно. Одевайтесь и подойдите к моему адъютанту. Ясно?

— Ясно, товарищ полковник. — Грант никогда не задавал лишних вопросов. Он поспешно оделся, не обращая внимания на устремленные на него взгляды, застегнул пиджак и направился к выходу. У двери он обернулся. — Спасибо, товарищ полковник.

Роза Клебб что-то писала в блокноте. Она не подняла голову и ничего не ответила. Грант вышел из кабинета, повернулся и закрыл дверь.

Женщина кончила писать и положила ручку.

— К делу, товарищ Кронстейн. У вас есть какие-нибудь вопросы перед тем, как мы начнем операцию? Я забыла сказать, что Президиум одобрил выбор цели и утвердил смертный приговор. Я сообщила об основных направлениях вашего плана генералу Грубозабойщикову. Он согласен. Исполнение приговора поручено мне. Персонал, который будет заниматься детальным планированием и осуществлением конспирации, подобран и ждет указаний. Итак, вы хотите что-нибудь добавить?

Кронстейн сидел, глядя в потолок, соединив перед собой кончики пальцев. Снисходительный тон женщины оставил его равнодушным.

— Этот ваш Гранитский надежен? Вы уверены, что ему можно доверить операцию за рубежом. Он не будет искать свободу?

— Гранитский работает у меня почти десять лет. У него были возможности скрыться и до этого. За ним внимательно следили в течение длительного времени. У нас не возникло ни малейшего повода подозревать его в подобных намерениях. Дело в том, что Гранитский связан с нами теснее и надежнее, чем наркоман с поставщиком кокаина. Это — мой лучший исполнитель.

— А девушка, Романова? На нее можно положиться?

— Она очень красива, — неохотно ответила Роза Клебб, — и справится с той частью операции, которая будет ей поручена. Она не девственница, но стыдлива и еще не познала все наслаждение, которое приносит занятие сексом. Ее должным образом подготовят. Она готова принять участие. Если у нее возникнут колебания, в нашем распоряжении адреса родственников, включая детей. Кроме того, у меня будут имена ее бывших любовников. В случае необходимости ей объяснят, что до самого завершения операции эти люди будут заложниками. Она — любящая и преданная по своей природе. Одного намека будет достаточно. Думаю, она не доставит нам неприятностей.

— Но ее фамилия — Романова! Странно, что для операции выбрана девушка с такой фамилией.

— Ее родители — дальние родственники царской семьи. Но она не связана с монархическими кругами. К тому же все наши родители — из бывших. Тут уж ничего не поделаешь.

— Но у наших родителей не было такой фамилии, — сухо заметил Кронстейн. —

Ну хорошо, раз вы ручаетесь за нее... — Он задумался. — Теперь о Бонде. Вам удалось обнаружить, где он сейчас?

— Да. Наш английский резидент передал, что он в Лондоне. Днем он отправляется на работу. Ночь проводит у себя в квартире, в районе Лондона, который называется Челси.

— Это хорошо. Будем надеяться, что его никуда не отправят в течение еще нескольких недель. Таким образом, когда приманка будет готова, ему тут же сообщат об этом. Тем временем, — темные, непроницаемые глаза Кронстейна не отрывались от какой-то точки на потолке, — я приложил немало усилий для выбора нашего зарубежного центра для проведения операции и решил, что первый контакт состоится в Стамбуле. У нас там отличный аппарат, тогда как английская секретная служба состоит всего из нескольких человек. Правда, во главе ее — опытный и надежный агент. Его предстоит ликвидировать. Центр удобен для нас в географическом отношении: на Черном море, рядом с болгарской границей и относительно далеко от Лондона. Я разрабатываю план убийства и думаю о том, как заманить Бонда к месту его ликвидации после того, как он вступит в контакт с девушкой. Это произойдет во Франции или где-то недалеко от нее. У нас значительное влияние на французскую прессу. Они раздуют дело в настоящую сенсацию — секс и шпионаж. Кроме того, я еще не решил, когда в игру вступит Гранитский. Но это второстепенные детали. Нам нужно также выбрать кинооператора и других сотрудников и незаметно перебросить их в Стамбул. Следует всячески избегать увеличения аппарата и его необычной активности. Мы сообщим всем управлениям, что радиосвязь с Турцией должна оставаться на прежнем уровне — никаких изменений до начала операции и во время ее. Иначе английский радиоперехват тут же заметит неладное. Шифровальный отдел дал согласие на передачу наружной оболочки машины «Спектр». Это привлечет интерес английской секретной службы. Наружную оболочку передадут в отдел специальной подготовки. Там сделают все необходимое.

Кронстейн замолчал. Его взгляд медленно опустился с потолка. Он встал, оглянулся и посмотрел на лицо полковника Клебб.

— В настоящее время у меня больше нет рекомендаций. Несомненно, в ходе подготовки возникнут вопросы, которые мы будем решать. Я считаю, что операцию можно начинать.

— Я согласна с вами, товарищ, и дам необходимые распоряжения, — прозвучал ледяной голос Розы Клебб. — Благодарю вас.

Кронстейн слегка наклонил голову, принимая это как должное, повернулся и вышел из кабинета.

Раздался звонок шифровального телетайпа. Он застрекотал, и из него начала выползать узкая бумажная лента. Роза Клебб протянула руку к одному из телефонов и набрала номер.

— Оперативный центр, — раздался мужской голос в трубке.

Бледно-желтые глаза женщины пробежали по карте Западного полушария и остановились на розовом пятне Англии. Ее влажные губы приоткрылись.

— Говорит полковник Клебб. Операция против английского шпиона Бонда начинается.

11. Мирная жизнь

Бархатные щупальца тихой, спокойной жизни обняли Бонда и медленно душили его. Он был человеком действия и, когда наступало затишье, начинал томиться от скуки. Его вынужденная передышка продолжалась уже почти год, и Бонд основательно затосковал.

В четверг, 12 августа, в половине восьмого утра, Джеймс Бонд проснулся в своей уютной квартире на Кингз Роуд и с отвращением представил, что впереди — длинный день, такой же скучный, как все предыдущие.

Он протянул и нажал на кнопку звонка, предупреждая Мэй, свою прислугу, что он скоро будет завтракать. Затем сбросил простыню и встал.

Есть всего лишь один способ избавиться от скуки — встряхнуться. Бонд лег на пол, уперся в него руками и медленно отжался двадцать раз. Затем перекатился на спину и начал сгибать и выпрямлять ногу. Это продолжалось до тех пор, пока не устали брюшные мышцы. Далее он встал, выпрямился и перешел к упражнениям для рук и туловища. Тяжело дыша от напряжения. Бонд вошел в ванную комнату и провел пять минут под душем, чередуя горячую воду с ледяной.

Наконец он насухо вытерся большим полотенцем, побрился и вышел из ванной, довольный тем, что сумел, по крайней мере на некоторое время, подавить ощущение скуки.

Стол был уже накрыт. Возле него стояла пожилая шотландка Мэй, которую Бонд не променял бы ни на какие сокровища.

— Этот мужчина заходил снова и спрашивал про телевизор, — заметила она.

— Какой мужчина? — рассеянно спросил Бонд, разворачивая утреннюю газету.

— Тот самый, который ходит почти каждую неделю. Начиная с июня, приходил уже раз шесть. Когда он был здесь последний раз, я сказала ему все, что думаю о сегодняшнем телевидении. Надеюсь, что после этого он больше не придет. Подумать только, он еще предлагал телевизор в рассрочку!

— Да, эти торговцы, которые ходят от одного дома к другому, очень настойчивые парни. — Бонд положил газету и протянул руку за кофейником.

— Ну я ему устроила! Сказала, что нечего беспокоить людей, и попросила показать документы.

— Ага! Ну, теперь он, наверно, больше не придет.

— Как бы не так! Ничуть не смутился и показал карточку члена профсоюза электриков и связистов. Объяснил, что имеет полное право зарабатывать себе на жизнь. Как вы думаете, сэр? Не в этом ли союзе заправляют коммунисты?

— Вроде бы, — Бонд почувствовал смутную тревогу. — Скажите, Мэй, а что он говорил вам?

— Он объяснил, что продает телевизоры в свободное от работы время. Зашел к нам, потому что у нас на крыше не заметил телевизионной антенны. Все время спрашивал, дома ли хозяин — хотел поговорить с вами лично. Какая наглость! Удивительно еще, что он не поджидал вас у входа. Конечно, я не сказала ему, когда вы уходите на службу и когда возвращаетесь. Вообще-то, респектабельный, спокойный мужчина.

«А что, вполне может быть», — подумал Бонд. Есть немало способов проверить, в городе ли хозяин. Появление прислуги по утрам, ответы на вопросы. Если хозяин в отъезде, служанка ответит скорее всего: «Напрасно тратите время — его нет». Может быть, предупредить службу безопасности? Бонд раздраженно пожал плечами. Какая ерунда! Зачем «им» интересоваться в Лондоне он или нет? К тому же службе безопасности может придти в голову потребовать, чтобы он переехал на другую квартиру.

— Думаю, на этот раз вы спугнули его, — улыбнулся он.

Во время завтрака Бонду пришло в голову, что причина его апатии и плохого настроения заключается в том, что Тиффани Кейс, которая жила у него и провела вместе с ним несколько счастливых месяцев, переехала в отель и в конце июля улетела обратно в Америку. Без Тиффани Бонд чувствовал себя одиноким и никак не мог примириться с ее отъездом. К тому же на дворе был август, и в Лондоне царил душная и жаркая погода. Подошло время его отпуска, но он не мог собраться с

мыслями, где и с кем его провести. Поэтому Бонд продолжал ежедневно появляться в полупустом здании секретной службы, ссорился со своей секретаршей и огрызался в ответ на замечания сотрудников. Наконец даже главе секретной службы М. надоел этот посаженный в клетку тигр, бесцельно бродящий по своему кабинету этажом ниже. Он издал приказ назначить его членом комиссии, работающей под руководством начальника финансового отдела капитана первого ранга Тропа. В приказе говорилось, что Бонду, одному из старших офицеров департамента, следует получше познакомиться с административными проблемами. К тому же все остальные сотрудники были заняты работой, а секция агентов «00» бездействовала. Бонду надлежит явиться на очередное заседание комиссии сегодня, в половине третьего, в комнату 412.

Судя по всему, подумал Бонд, закуривая первую сигарету, именно Троп стал катализатором плохого настроения.

В каждой крупной организации есть человек — местный тиран и деспот, — которого дружно ненавидят все сотрудники. Он, сам того не зная, играет важную роль в деятельности фирмы, потому что на нем концентрируются недовольство, опасения и ненависть тех, кто работает рядом. Благодаря такой удобной мишени, разрушительная сила подобных настроений уменьшается с каждой насмешкой по его адресу. Это обычно управляющий или начальник отдела кадров. Именно он — тот незаменимый человек, который следит за правильностью мелких расходов, за теплом и электричеством, за мылом и бумажными салфетками в туалете, канцелярскими принадлежностями, очередностью отпусков, функционированием столовой, рабочей дисциплиной. Человек, исполняющий эти обязанности, должен, без сомнения, обладать особыми качествами: быть скупым, методичным, наблюдательным, всюду совать свой нос, любить дисциплину, порядок — и быть равнодушным к тому, что о нем думают. «Букет» этих качеств идеально раздражает окружающих. В секретной службе им обладал начальник финансового отдела, капитан первого ранга в отставке Троп, обязанности которого, по его собственным словам, заключались в наведении «морского порядка».

Не было сомнений в том, что все эти качества Тропа неизбежно приведут его к столкновению с большинством сотрудников секретной службы. Особенно неудачным оказалось назначение Тропа председателем именно этой комиссии, призванной изучить причины очередного шпионского скандала и разработать рекомендации, осуществление которых не допустит его повторения.

На первом же заседании Бонд высказал свою точку зрения на кадровую политику английских спецслужб. По его мнению, в атомный век сотрудниками разведки и контрразведки неминуемо должны быть и представители интеллигенции. Отставные офицеры, утверждал Бонд, не могут понять логику мышления ученых.

— Вот как, — с ледяным спокойствием отозвался Троп. — Значит, вы предлагаете, чтобы в составе секретной службы находились длинноволосые извращенцы. Очень оригинальная мысль... Мне казалось, мы уже пришли к той точке зрения, что гомосексуалисты представляют особую опасность для нашей службы.

— Интеллигенция не состоит из одних гомосексуалистов. Я всего лишь предлагаю, чтобы... — и такие споры шли на протяжении трех последних дней, причем остальные члены комиссии более или менее соглашались с точкой зрения Тропа. Сегодня предстояло утвердить окончательные рекомендации, и Бонду не улыбалась перспектива оказаться единственным представителем меньшинства.

«Почему я так яростно отстаиваю свое мнение? — думал Бонд, спускаясь по ступенькам крыльца к своей машине. — Может, просто из упрямства? Или скука охватила меня до такой степени, что я решил досадить своей собственной организации?» Бонд не мог найти ответа на этот вопрос. К тому же его почему-то не оставляло чувство какого-то смутного беспокойства.

Когда он сел за руль машины, повернул ключ в замке зажигания и из-под капота раздалось успокоительное ворчание двенадцати цилиндров «бентли», в его памяти промелькнула забытая цитата: «Когда боги хотят уничтожить кого-нибудь, они лишают его разума».

12. Простое задание

Получилось так, что Бонду не пришлось принимать участие в составлении рекомендаций.

Он лестно отозвался по поводу нового летнего платья своей секретарши и успел просмотреть половину донесений, поступивших за ночь, когда зазвонил красный телефон, соединявший его с начальником штаба.

Бонд снял трубку:

— Ноль-ноль-семь.

— Ты не мог бы подняться к нам?

— А что, М.?

— Приготовься к продолжительной беседе. Я уже сообщил Тропу, что ты не сможешь принять участие в заседании комиссии.

— Ты не знаешь, в чем дело?

— Строго между нами — знаю, — в трубке раздался смех, — но пусть уж лучше тебе расскажет сам М. У тебя уши повиснут от удивления. Такого у нас еще не бывало!

Когда Бонд надел пиджак и вышел в коридор, ему почему-то показалось, что прозвучал выстрел стартера — и скучные дни остались позади. Поднимаясь в лифте и направляясь по коридору к двери кабинета М., Бонд чувствовал, как в нем нарастает возбуждение, радостное чувство предвкушения опасности. Он вспомнил, как раньше, после таких вызовов по красному телефону, он всегда мчался на другой конец света, подобно снаряду, выпущенному из орудия, — по направлению к отдаленной цели, выбранной М. И по глазам секретарши главы английской секретной службы, мисс Манипенни, было видно, что она уже знала причину вызова Бонда. Она загадочно улыбнулась ему и нажала на кнопку переговорного устройства.

— Прибыл 007, сэр.

— Пусть войдет, — прозвучал из динамика металлический голос, и над дверью загорелся красный свет, означающий, что М. занят и его запрещено беспокоить.

Бонд вошел в кабинет и тихо закрыл дверь. В комнате было прохладно, хотя, может быть, такое впечатление создавалось из-за жалюзи, закрывающих окна. Они отбрасывали на темно-зеленый ковер перемежающиеся полосы света и тени. Солнечный свет достигал только большого письменного стола. Неподвижная фигура в кресле была в полумраке. На потолке, над столом, медленно кружился большой тропический вентилятор, перемешивающий августовский воздух, который даже высоко над Риджент-Парком оставался душным и тяжелым после недели жаркой погоды.

М. жестом указал на кресло напротив. Бонд сел и взглянул в спокойное, морщинистое лицо старого моряка, которого он уважал и которому с готовностью повиновался.

— Вы позволите мне сначала задать вам вопрос личного характера, Джеймс? — М. никогда не задавал своим подчиненным личные вопросы, и Бонд не мог понять, о чем пойдет речь.

— Конечно, сэр.

М. взял трубку из большой медной пепельницы и начал набивать ее табаком, задумчиво глядя на свои пальцы.

— Я не требую от вас ответа. Можете не отвечать, если не хотите, — произнес

он угрюмо, — но это касается вашей, э-э, знакомой, мисс Кейс. Как вы знаете, я не интересуюсь такими вещами, но мне стало известно, что после этого дела с алмазами вы встречались с ней довольно часто. Шел даже разговор, что у вас намечена свадьба. — М. сунул в рот трубку и поднес к ней горящую спичку. — Вы не хотели бы посвятить меня в подробности?

«А это зачем? — подумал Бонд. — Черт бы побрал всех этих сплетников!»

— Действительно, у нас были близкие отношения, сэр, — пробормотал Бонд, — и мы собирались пожениться. Но потом она встретила сотрудника аппарата военного атташе в американском посольстве, майора морской пехоты. Насколько я понял, она выходит за него замуж. Они уже уехали обратно в Штаты. Может быть, это и к лучшему. Смешанные браки часто распадаются. Мне рассказывали, что этот майор — отличный человек. Да и ей было бы трудно жить в Лондоне. Она прекрасная девушка, правда, чересчур нервная. У нас постоянно были ссоры. Скорее всего, это моя вина. Как бы то ни было, мы с ней расстались.

М. улыбнулся. Это была одна из тех редких улыбок, когда улыбаются не только губы, но и глаза и лицо человека хорошеет, как освещенное солнцем.

— Я искренне вам сочувствую, — сказал он, но Бонд не заметил в его тоне никакого сочувствия. Конечно, М. не нравилось, что Бонд «путался с бабами», как это он называл, но в то же время М. понимал, что это был предрассудок его пуританского воспитания. Да и зачем ему, разведчику Англии, быть привязанным к женской юбке.

— Пожалуй, так действительно будет лучше. Женщина мешает четко видеть цель — надеюсь, вы понимаете меня, Джеймс. Извините за вторжение в личную жизнь. Но это было необходимо. Вы поймете почему, когда узнаете подробности. Было бы трудно поручить это дело человеку, который готовится к свадьбе.

Бонд молча смотрел на своего начальника.

— Ну что ж, отлично, — произнес М. Он откинулся спинку кожаного кресла и сделал несколько затяжек. — Значит, произошло следующее. Вчера поступила длинная шифровка из Стамбула. Из нее следует, что во вторник начальник станции Т. получил анонимную записку, отпечатанную на машинке. В ней ему предлагалось совершить путешествие туда и обратно на пароме, отправляющемся от Галата Бридж до входа в Босфор в восемь вечера. Больше ничего в записке не было. Начальник станции Т. — человек, любящий острые ощущения, — принял предложение. Он стоял на носу, держась руками за поручни, и ждал. Через четверть часа после отплытия к нему подошла очень красивая девушка, русская. Они поговорили о панораме Стамбула, о том, о сем, затем девушка изменила тему разговора и рассказала ему невероятную историю.

М. замолчал и поднес спичку к погасшей трубке. Бонд воспользовался паузой, чтобы задать вопрос.

— Кто стоит во главе станции Т., сэр? Мне не приходилось работать в Турции.

— Его зовут Керим, Дарко Керим. Отец — турок, мать — англичанка. Поразительный человек. Занимает этот пост с начала войны. Один из лучших агентов за рубежом. Ему нравится эта работа. К тому же он знает Ближний Восток и Балканы, как свои пять пальцев, — М. махнул рукой, указывая на то, что они отвлеклись от темы. — Девушка сказала ему, что она — сержант МГБ. Недавно ее перевели в Стамбул шифровальщицей. Она сама изъявила желание поехать в Стамбул, потому что хочет покинуть Россию и просить политического убежища на Западе.

— Очень хорошо, — согласился Бонд. — Неплохо побеседовать с одной из шифровальщиц. Но почему ей захотелось перебраться на Запад?

М. посмотрел на Бонда проницательным взглядом.

— Она влюблена, — пояснил он, помолчал и добавил немного саркастически: — Она утверждает, что влюблена в вас.

— В меня?

— Вот именно. По крайней мере, так она говорит. Ее зовут Татьяна Романова. Вам не приходилось слышать это имя?

— Боже мой, конечно нет! Извините, сэр, я хотел сказать — нет, не приходилось.

М. невольно улыбнулся, глядя на Бонда.

— Но почему? Разве она встречалась со мной? Откуда она знает о моем существовании?

— Ну что ж, — кивнул М. — Это действительно кажется невероятным. Но вся эта история, рассказанная девушкой, настолько безумна, что вполне может оказаться правдой. Ей двадцать четыре года. Она работала в отделе документации сотрудницей английского сектора несколько лет. Ей часто приходилось заниматься вашим досье.

— Мне очень хотелось бы посмотреть на него, — заметил Бонд.

— По ее словам, ей понравилось ваше лицо на фотографиях. Ее восхитила ваша внешность и тому подобное. — Лицо М. сморщилось, будто он проглотил лимон. — Она прочитала информацию о ваших приключениях. Пришла к выводу, что вы — настоящий мужчина, привлекательный и бесстрашный.

Бонд смущенно посмотрел вниз. Физиономия М. была непроницаемой.

— Девушка объяснила, что вы напомнили ей героя книги, написанной писателем Лермонтовым. По-видимому, это ее любимый герой. Он любил играть в карты, то и дело подвергался опасности, и всякий раз ему удавалось спастись. Короче говоря, она решила, что вы очень похожи на него. Сказала, что не могла думать ни о ком другом, и тут ей пришла мысль просить о переводе в один из зарубежных центров в надежде, что ей удастся связаться с вами, вы приедете и спасете ее.

— Прямо как в сказке! Надеюсь, начальник станции Т. не поверил ей?

— Одну минуту, — раздраженно заметил М. — Не спешите делать заключение, исходя из того, что раньше вам никогда не приходилось встречаться с чем-нибудь подобным. Предположим, вы были бы не нашим агентом, а кинозвездой. Масса девушек посылала бы вам письма с заверениями, что не могут жить без вас, влюблены и прочее. А здесь молодая глупая девушка, работающая в Москве кем-то вроде секретаря. Может быть, у них весь отдел документации укомплектован женщинами, как и у нас. Ни одного мужчины. И вот она открывает ваше досье, видит мужественное, э-э, лицо и влюбляется. Такое сплошь и рядом случается в жизни, когда девушки влюбляются в привлекательных мужчин, фотографии которых печатаются в журналах. — М. ткнул в грудь Бонда мундштуком трубки. — Видит бог, я плохо разбираюсь в таких делах, но, согласитесь, такое случается.

Бонд улыбнулся.

— Действительно, сэр, подобное могло случиться. Почему бы русской девушке не быть такой же глупой, как и английской. Но чтобы поступить так, как поступила она, требуется незаурядная смелость. Разве начальник станции Т. не объяснил ей, какому риску она подвергается?

— Из его сообщения следует, что она дрожала от страха. Все время оглядывалась по сторонам, будто опасаясь, что за ней следят. Но вокруг были обычные пассажиры, к тому же на этом последнем рейсе их было немного. Но это еще не все. — М. глубоко затянулся и выпустил облако сизого дыма, поплывшего вверх, к медленно вращающемуся вентилятору на потолке. — Она сказала Кериму, что охватившее ее чувство настолько сильно, что она возненавидела русских мужчин. Постепенно эта ненависть перешла на весь советский режим, причем особую неприязнь она стала испытывать к своей работе, которую она исполняла для государства и, следовательно, во вред человеку, ставшему для нее любимым. Она попросила о переводе в один из зарубежных центров, и, поскольку она отлично владеет двумя языками — английским и французским, — ей предложили работу в

Стамбуле, если она согласится стать шифровальщицей. Работа не так хорошо оплачивается, но девушка сразу дала согласие, закончила шестимесячные курсы и три недели назад приехала в Стамбул. Там она быстро узнала, что представителем нашей секретной службы является Дарко Керим. Он занимает этот пост так долго, что об этом известно всей Турции. Самому Кериму это безразлично, а нам даже полезно, потому что, когда мы время от времени посылаем туда агентов со специальными заданиями, они остаются незамеченными. Кроме того, раз все знают, что он работает на английскую секретную службу, к нам обращается через него немало клиентов, которые в противном случае не знали бы, где найти нашего представителя.

Итак, она послала Кериму письмо. Рассказав ему историю своей жизни, она спросила, чем он может помочь ей. — М. замолчал и уставился на дымок, поднимающийся из трубки. — Стоит ли говорить, что первая реакция Керима была точно такой же, как ваша, и он решил, что это какая-то ловушка. Но чем больше он размышлял, тем труднее было ему понять, какую цель могли преследовать русские, подослав нам эту девушку. А между тем пароход плыл все дальше и дальше по Босфору и скоро должен был направиться обратно. Девушка начала терять надежду. И тогда она решилась на крайнюю меру. — Глаза М. сверкнули в полумраке кабинета. — У нее осталась последняя карта. Но козырная! Если ей предоставят убежище, сказала она, нам будет передана последняя модель «Спектра». Она не могла не знать, что за эту машину мы готовы заплатить любую цену.

— Господи, боже мой! — невольно воскликнул Бонд, осознав невероятную ценность того, что предложила им Девушка. Новый «Спектр»! Аппарат, который позволит расшифровывать самые секретные сообщения русских, все донесения их агентов! Даже если исчезновение шифровального аппарата будет тут же обнаружено и будет использоваться другой код, это нанесет чувствительный удар по русской секретной службе.

Последние сомнения исчезли у Бонда. Он тут же согласился с доводами М. относительно достоверности предложения девушки, каким бы безумным оно ни казалось на первый взгляд. Для советского гражданина подобный поступок был смертельно опасен и мог быть продиктован только отчаянием... Или отчаянной любовью? Нет, не имеет значения, правду говорит девушка или нет — ставки в этой игре очень высоки!..

— Надеюсь, теперь вы меня понимаете, 007? — спокойно и тихо спросил М., но волнение, промелькнувшее за маской равнодушия, не укрылось от пронизательных глаз Бонда.

И все-таки Бонд попытался уклониться от прямого ответа.

— Она не сказала, как собирается сделать это?

— Если вы имеете в виду подробности — нет, не сказала. Но Керим утверждает, что у нее не было ни малейших сомнений. Она упомянула что-то о ночном дежурстве. По-видимому, пару раз в неделю она дежурит ночью и спит у себя в рабочей комнате на раскладушке. Она отдавала себе отчет в том, что ее тут же пристрелят, если пронюхают о ее замысле. Потребовала даже от Керима, чтобы он лично зашифровал сообщение о встрече с ней и тут же уничтожил черновик. Разумеется, он так и поступил. Как только девушка упомянула «Спектр», Керим понял, что это может оказаться самым крупным успехом нашей службы за весь послевоенный период.

— А что произошло дальше, сэр?

— Пароход приближался к городку под названием Ортакей. Она сказала, что сойдет там. Керим пообещал послать шифровку этим же вечером, сразу после того, как вернется в Стамбул. Девушка категорически отказалась от всех дальнейших контактов и сказала, что выполнит свое обещание, если мы исполним ее просьбу. Попрощалась, спустилась по трапу и исчезла в толпе. Больше Керим ее не видел.

М. внезапно наклонился вперед и посмотрел на Бонда.

— Конечно, Керим не мог гарантировать, что мы примем это предложение.

Бонд молчал. Он уже догадывался о том, что последует дальше.

— Эта девушка поставила одно условие. — Глаза М. совсем сузились, но взгляд был пронизательным и суровым. — Вы должны отправиться в Стамбул и доставить ее в Англию вместе с шифровальным аппаратом.

Бонд пожал плечами. Он не видел особых затруднений. Но... Он в упор посмотрел на М.

— Это — простое задание, сэр. Есть всего лишь одна загвоздка. Она видела мои фотографии и читала о моих увлекательных приключениях. Но разве не может случиться так, что, когда она увидит меня воочию, я не оправдаю ее ожиданий?

— Именно в этом заключается ваше задание, — мрачно ответил М. — Потому я и спросил о ваших отношениях с мисс Кейс. Сделайте все, чтобы не разочаровать ее.

13. «Бритиш эруэйз» доставит вас куда угодно

Четыре небольших пропеллера медленно, словно нехотя, повернулись один за другим и превратились в прозрачные сверкающие диски. Глухой рев турбореактивных двигателей перешел в пронзительный вой, и «Вайкаунт» вырулил на взлетную полосу Лондонского аэропорта с зависшим над ней маревом раскаленного воздуха.

Через несколько минут первый пилот увеличил обороты двигателей, вой которых превратился в безумный визг. Самолет вздрогнул, освобождаясь от тормозов, и рейс «ВЕА—130» Рим-Афины-Стамбул отправился точно по расписанию — в 10:30. Самолет устремился по взлетной дорожке, легко оторвался от земли и начал набирать высоту.

Через десять минут они достигли 20 тысяч футов и по широкому воздушному коридору, вдоль которого самолеты летают из Англии к Средиземному морю, направились на юг. Вой моторов снова перешел в глухой равномерный рев. Бонд расстегнул пристяжные ремни и закурил. Потом он протянул руку к лежащему под сиденьем плоскому атташе-кейсу, достал оттуда «Маску Димитриоса» Эрика Эмблера и положил кейс — очень тяжелый, несмотря на небольшой размер, — на сиденье рядом. Вот удивилась бы девушка, регистрировавшая его билет, подумал Бонд, если бы вместо того, чтобы разрешить ему взять кейс с собой как ручной багаж, поставила его на весы. И если бы таможенники, заинтригованные необычным весом небольшого чемоданчика, пропустили бы его под лучами «Инспектоскопа».

Отдел специального снаряжения секретной службы — «Кью Бранч» — много поработал над этим симпатичным чемоданчиком, изготовленным фирмой «Суэйн энд Адени». Сначала ободрали кожу, сняли замки и ручку. Между наружной обивкой и изнанкой сотрудники отдела уложили пятьдесят патронов калибра 6,35 мм, а вдоль торцов — по одному плоскому, острому как бритва ножу для метания. Стоило нажать особым образом на шов в углу, как рукоятка ножа выскальзывала из-под обшивки. Не обращая внимания на насмешки Бонда, искусники отдела «Кью» спрятали в ручку кейса таблетку цианистого калия — на случай, если он будет захвачен в плен русской разведкой. (Как только чемоданчик попал в руки Бонда, он тут же выбросил таблетку в туалете). Его гораздо больше интересовал толстый тюбик с кремом для бритья, находящийся в походном несессере, укомплектованном в остальном обычными туалетными принадлежностями. Вся верхняя половина тюбика снималась, и там хранился глушитель для его «Беретты», упакованный в вату. На случай, если Бонду понадобится валюта, в крышке чемоданчика хранилось пятьдесят золотых соверенов.

Хитроумный чемоданчик изрядно позабавил Бонда, который не мог не признать, что, несмотря на тяжесть, это весьма удобный способ незаметно возить с собой

инструменты своей профессии, которые в любом другом случае ему пришлось бы рассовывать по карманам и зашивать в одежде.

На борту самолета кроме него было еще двенадцать пассажиров. Он улыбнулся при мысли о том, как была бы потрясена его секретарша, Лозла Понсонби, узнай она о тринадцати пассажирах. Накануне, когда он вернулся от М. и начал собираться в путь, она отчаянно возражала, узнав, что вылет назначен на пятницу тринадцатого числа.

— Но ведь именно тринадцатого путешествовать лучше всего, — терпеливо объяснил Бонд. — В этот день всегда мало пассажиров, можно удобно расположиться в самолете, и обслуживание куда лучше. Я всегда стараюсь летать тринадцатого числа — если у меня есть выбор.

— Раз уж вы так решили, ничего не поделаешь, — неохотно согласилась Лозла. — Но я буду беспокоиться о вас до самого вечера. И ради бога, будьте поосторожнее. Сердце подсказывает мне, что вам угрожает опасность.

— Ах, это нежное сердце! — поддразнил ее Бонд. — Сразу после возвращения я приглашу его отобедать в ресторане.

— Ничего подобного! Оно категорически откажется! — холодно отрезала девушка. Но позднее, когда он уже собрался уходить, она неожиданно обняла его и поцеловала. И Бонд в который раз подумал: зачем ему нужны все эти женщины, когда самая желанная находится рядом.

Самолет продолжал лететь над бесконечным океаном облаков, похожих на взбитые сливки и казавшихся отсюда настолько плотными, что на них можно было бы безопасно совершить посадку. Внезапно облака разошлись, и далеко слева, в голубой дымке, показался Париж. На протяжении часа они летели над выжженными полями Франции, пока после Дижона земная поверхность на склонах Юрских гор не начала становиться все более темно-зеленой.

Принесли ленч. Бонд отложил в сторону книгу и принялся за еду. Внизу промелькнуло стальное зеркало Женевского озера и сосновые леса, поднимающиеся к заснеженным пикам Альп. Самолет пролетел совсем рядом с огромным клювом Монблана. Бонд посмотрел вниз — на серые, как слоновья шкура, языки ледников — и вдруг увидел себя, семнадцатилетнего юношу, на вершине скальной расщелины с веревкой, обвязанной вокруг пояса, страхующего двух своих товарищей из Женевского университета, которые поднимались к нему по отвесной скале.

А что теперь? Бонд хмуро улыбнулся своему отражению в плексигласе иллюминатора. Если бы тот юный Джеймс Бонд подошел к нему на улице и заговорил с ним, что подумал бы юноша о нем, секретном агенте 007, повзрослевшем Бонде? Узнал бы он себя в этом человеке с надменным холодным взглядом, шрамом на щеке и пистолетом под мышкой левой руки — в постаревшем, прожившем нелегкие годы Бонде, знающем цену и предательству и безжалостности? И если бы этот юноша узнал о новом задании Бонда, каким могло бы быть его мнение о бесстрашном секретном агенте и его романтической роли британского сутенера?

Бонд выбросил из головы мысли о юноше, оставшемся там, в его далекой юности. Не надо думать о прошлом, о том, что могло бы произойти, если бы... Следуй своей судьбе, будь ею доволен и радуйся, что ты — не странствующий коммивояжер, не репортер провинциальной газеты, спившийся и пропахший никотином, не калека и не мертвец.

Глядя на Геную, освещенную солнцем, на ласковые лазурные волны Средиземного моря, проплывающие под крыльями самолета, Бонд постарался забыть о прошлом и сконцентрировать мысли на ближайшем будущем, на предстоящем задании, где ему придется выполнять роль британского сутенера, служащего интересам Англии.

Действительно, как ни посмотри на данное ему поручение, именно такую роль

ему предстояло сыграть — соблазнить, причем как можно быстрее, девушку, которую он никогда раньше не встречал и имя которой впервые услышал лишь вчера. И на протяжении этих нескольких дней его мысли будут не о ней, какой бы красивой она ни была, — а начальник станции Т. назвал ее «прелестной», — а о «приданом», которое она обещала принести с собой. «Все равно, что жениться на богатой женщине из-за ее денег», — мрачно подумал Бонд. Удастся ли ему сыграть эту роль? Возможно, он сумеет улыбаться и говорить надлежащим образом, но сможет ли он заставить себя быть мужчиной, когда дело дойдет до постели? Может ли мужчина доставить наслаждение женщине, когда все его мысли сконцентрированы на ее счете в банке? Разве есть хоть что-то эротическое, когда ты обнимаешь мешок с золотом? Но шифровальный аппарат?

В пятидесяти милях от Рима самолет начал снижаться в аэропорту Джампино. Полчаса на земле, два великолепных коктейля, и они снова в пути, по направлению к носку итальянского сапога. Мысли Бонда опять переключились на встречу, к месту которой он приближался со скоростью трехсот миль в час.

Неужели все это какой-то изощренный заговор, придуманный МГБ? Неужели он вот-вот попадет в ловушку, которую не сумел разгадать даже хитроумный М.? Действительно, М. тоже был обеспокоен этим. Все аспекты ситуации были самым тщательным образом изучены М., обсуждались на оперативном совещании руководителей всех отделов секретной службы, закончившемся поздно вечером накануне. Но с какой бы стороны ни рассматривали эту проблему, никто не мог понять, какую пользу могли извлечь для себя русские. Возможно, они решили похитить Бонда и допросить его. Но почему именно Бонда? Он — полевой агент, не посвященный в детали самой секретной службы, мог рассказать на допросе лишь о подробностях своего очередного задания и дать некоторую общую информацию о своей организации. Но это вряд ли представляло такой уж большой интерес. Или они решили убить Бонда, отомстить ему. Тогда почему именно сейчас? Бонд не выполнял заданий, направленных против русских, уже более двух лет. Если бы они просто хотели ликвидировать его, это можно было сделать на улице Лондона — застрелить его или подложить бомбу в автомобиль.

Голос стюардессы прервал размышления Бонда. «Застегните пристяжные ремни», — и тут же самолет резко бросило вниз, затем он взлетел вверх с надсадным ревом двигателей. Снаружи внезапно стало темно, как ночью. По плексигласу иллюминаторов забарабанил дождь, мелькнула ослепительная молния, и прогремел гром, будто в самолет попал артиллерийский снаряд. Самолет начало швырять в объятьях свирепой грозы, подстерегавшей их в устье Адриатического моря.

Бонд почувствовал запах опасности. Это был не воображаемый, а настоящий запах — смесь пота и электричества. Снова сверкнула молния, и раздался сокрушительный раскат грома. Внезапно самолет показался Бонду очень маленьким и беззащитным. Тринадцать пассажиров! Пятница, тринадцатого августа! Бонд вспомнил предостережения Лозлы Понсонби, и его ладони, лежащие на подлокотниках кресла, покрылись потом. Сколько лет эксплуатировался этот самолет? Сколько летних часов уже налетал? Может быть, усталость металла подточила основание крыльев? Возможно, он так и не долетит до Стамбула — рухнет и погибнет в Коринфском заливе.

В минуту смертельной опасности, когда ход событий не зависел от Бонда, он предоставлял себя судьбе, полностью отключаясь от происходящего. Только в полной безучастности было убежище для мятущихся чувств — страха, отчаяния, бессилия. И Бонд укрывался в этой безучастности, как укрываются в глубоких подвалах старинных домов люди, переживающие разрушительный ураган. И вот теперь он удалился в это убежище, перестал обращать внимание на грохот, молнии и яростные броски самолета и сосредоточил внимание на неровном шве кресла прямо

перед собой. Расслабившись, он ожидал окончания испытаний, выпавших на долю рейса «ВЕА—140».

В кабине стало неожиданно светло. Ливень не стучал уже по иллюминаторам самолета, а надсадный вой двигателей снова перешел в успокоительный глухой рев. Бонд выглянул из своего укрытия, убедился, что опасность миновала, и покинул его. Он медленно повернул голову и с любопытством посмотрел через овальный иллюминатор. Далеко внизу по синей глади Коринфского залива скользила крошечная тень их самолета. Бонд с облегчением вздохнул, Достал из кармана бронзовый портсигар и закурил. Он с удовлетворением отметил, что его рука, доставшая из портсигара сигарету с тремя золотыми кольцами, не дрожала. Не сообщить ли Лозле, что она чуть не оказалась права? Бонд решил, что если сумеет найти в Стамбуле достаточно неприличную открытку, то напишет ей.

Снаружи тускнел умирающий день. Внизу промелькнула гора Гиметтус, синяя в вечерних сумерках. «Вайкаунт» промчался над ярко освещенными пригородами Афин, мягко коснулся колесами бетонной посадочной дорожки и подрулил к зданию аэропорта.

Вместе с горсткой молчаливых бледных пассажиров Бонд спустился по трапу и прошел в транзитный зал. Там он заказал стакан узу, залпом проглотил его и запил ледяной водой. Крепкая анисовая водка обожгла горло. Он поставил стакан и заказал еще порцию.

Когда громкоговорители объявили о посадке, уже стемнело, в безоблачном небе над городскими огнями плыла ущербная луна. Воздух был мягок от вечерней прохлады и аромата цветов, отовсюду доносился стрекот цикад. Вдали слышалась песня. Голос певца был отчетлив и грустен. Рядом с аэропортом залаяла собака. Бонд неожиданно вспомнил, что на Востоке сторожевые собаки не лают — воют всю ночь. По какой-то странной причине это вызвало у него ощущение радости и предвкушения удачи.

До Стамбула над темной поверхностью Эгейского и Мраморного морей полет продолжался всего полтора часа. Наконец самолет приземлился на бетонной дорожке аэропорта Эсилкой, пропеллеры замерли, и от недавно построенного современного здания аэропорта подкатили трап. Бонд поблагодарил стюардессу, прошел паспортный контроль и стал ждать, когда прибудет его багаж.

Итак, эти маленькие, аккуратно одетые служащие с настороженными лицами и есть современные турки? Бонд вслушивался в незнакомую речь и наблюдал: это были люди, недавно спустившиеся с гор; их глаза, темные и яростные, на протяжении многих столетий привыкли следить за овечьими стадами, сторожить их и замечать появление врагов на горизонте; следить за рукой со сжатым в ней ножом и за купцом, разменивающим монеты. Потому их глаза полны жестокости, подозрений и доверия. Они как-то сразу не понравились Бонду.

Когда он вышел из таможенного зала, от стены аэропорта отделился высокий худощавый мужчина в плаще и шоферской фуражке. Он поднял руку в знак приветствия, не спрашивая имени Бонда, взял из его рук чемодан и направился к сверкающему аристократу автомобильного племени — черному открытому «роллс-ройсу», изготовленному в двадцатых годах, предположил Бонд, по заказу какого-то миллионера.

Когда автомобиль выехал на шоссе, ведущее от аэропорта, и беззвучно помчался по асфальту, мужчина повернул голову и вежливо произнес на безупречном английском языке.

— Керим-бей просил передать, что сегодня вечером вам надо отдохнуть. Я приеду за вами завтра в девять утра. В каком отеле вы остановились, сэр?

— "Кристэл Палас".

— Отлично, сэр. — Шины «роллс-ройса» чуть слышно шуршали по гладкому

асфальту.

Где-то далеко позади, на стоянке аэропорта, послышался треск мотороллера. Этот звук не привлек внимания Бонда. Он откинулся на мягкое кожаное сиденье и закрыл глаза.

14. Дарко Керим

Рано утром Джеймс Бонд проснулся в грязной комнате гостиницы «Кристэл Палас» на вершине Пера — возвышенной части Стамбула. Он рассеянно почесал правое бедро. Какая-то тварь укусила его. «Ну что ж, — подумай он раздраженно, — это следовало ожидать».

У входа в отель вчера вечером его встретил угрюмый портье в мятых брюках и рубашке без галстука. Бонд увидел вестибюль гостиницы с засиженными мухами пальмами в бронзовых кадках, пол из выцветших плиток мавританского кафеля и сразу понял, что его ожидает. Первое, что пришло ему в голову, — вернуться в машину и поискать другой отель. Но остановила Бонда охватившая его усталость. Тяжело вздохнув, он решил остаться, расписался в журнале для приезжих и последовал за портье.

Они поднялись на третий этаж в старомодном лифте с задвигающимися решетками. Номер с расшатанной мебелью и металлической кроватью оказался именно таким, каким ожидал увидеть его Бонд. Он посмотрел на стену возле кровати, убедился, что на обоях нет пятен от раздавленных клопов, и отпустил портье.

Тут же выяснилось, что с этим он поторопился. Когда Бонд вошел в ванную и повернул кран с горячей водой, оттуда послышались глубокий вздох, потом нечто вроде презрительного бормотания, и наконец из крана шлепнулась в раковину умывальника маленькая сороконожка. Он обреченно пожал плечами и смыл ее тонкой струей коричневатой холодной воды. «Сам виноват, — подумал он мрачно, — расплачивайся теперь за то, что выбрал гостиницу только из-за звучного названия. Вот тебе и „Хрустальный дворец“!» Это была не полная правда: Бонд выбрал эту гостиницу еще и потому, что решил держаться подальше от роскошных многолюдных отелей.

Тем не менее, Бонд сразу заснул и отлично выспался. Теперь оставалось купить порошок от клопов, выбросить из головы мелочи жизни и заняться делом, ради которого он приехал сюда.

Бонд подошел к окну, раздвинул красные плюшевые шторы, и перед ним открылась одна из самых знаменитых и прекрасных панорам мира — справа виднелась спокойная гладь залива Золотой Рог, слева — волны Босфора, а между ними — уходящее вниз море крыш, высокие минареты и мечети Пера «В конце концов, — подумал он, — выбор оказался не таким уж плохим. Одна панорама может с лихвой компенсировать укусы клопов и прочие неудобства».

Минут десять Бонд стоял, не в силах оторвать взгляда от сверкающих вод пролива, отделяющего Европу от Азии, затем подошел к телефону и заказал завтрак. После этого он принял прохладный душ и терпеливо выдержал мучительную процедуру бритья холодной водой, надеясь, что завтрак окажется съедобным.

Завтрак превзошел все ожидания. Простокваша в голубой фарфоровой кружке была с желтоватым оттенком и густая, как сметана. Инжир — зрелым и мягким, а кофе — черным как смоль и свежемолотым. Бонд придвинул стол к открытому окну и позавтракал, глядя на проплывающие вдаль пароходы и пересекающие водную гладь каики. Интересно, подумал он, как пройдет его встреча с Керимом и есть ли для него свежие новости?

Ровно в девять утра элегантный «роллс-ройс» бесшумно подкатил к подъезду гостиницы и повез Бонда через площадь Таксим, оживленные улицы Истиклала и

мост Галата Бридж, переброшенный через Босфор, обратно в Европу. Огромный автомобиль пробирался по мосту среди бесчисленного множества повозок и велосипедов, обгоняя трамваи и расчищая себе дорогу могучим ревом воздушного гудка, на резиновый баллон которого то и дело нажимал шофер. Наконец они съехали с широкого моста, и перед ними открылась старая европейская часть Стамбула с тонкими минаретами, вонзающимися в голубое небо, подобно копьям, и куполами древних мечетей, напоминающих огромные выпуклые груди. Все это походило на иллюстрации к «Тысяче и одной ночи», но Бонду, видевшему европейский Стамбул из-за грохочущих трамваев и огромных реклам, протянувшихся вдоль улиц, город напомнил когда-то прекрасные декорации, выброшенные теперь за ненадобностью современной Турцией и замененные бетоном и сталью безликого прямоугольника отеля «Стамбул-Хилтон».

Тем временем автомобиль свернул на узкую, мощенную булыжником улицу, и остановился перед крытым крыльцом.

Из сторожки вышел коренастый охранник, одетый в потрепанные куртку и брюки цвета хаки, улыбнулся и поднял руку в знак приветствия. Затем открыл дверцу автомобиля и жестом предложил Бонду выйти. Повернувшись, он вошел в сторожку, открыл внутреннюю дверь, и они пошли по небольшому дворику, покрытому аккуратно уложенным гравием. В центре двора рос старый искривленный эвкалипт, под которым деловито сновали два белых голубя. Городской шум остался далеко позади. Во дворе было спокойно и тихо.

Они пересекли дворик, открыли еще одну маленькую дверь и Бонд оказался в огромном сводчатом складе с высокими круглыми и пыльными окнами. Лучи солнца, пробивающиеся сквозь них, освещали длинные ряды ящиков и пакетов. Пахло специями, кофе, а когда Бонд, идущий вслед за охранником, приблизился к середине склада, то оттуда донесся запах мяты.

В дальнем конце огромного хранилища находилась платформа, возвышающаяся над полом и окруженная балюстрадой. Там за письменными столами сидели молодые мужчины и женщины и что-то писали в толстых старомодных бухгалтерских книгах. Эта картина словно была иллюстрацией к романам Диккенса. Бонд заметил, что на каждом столе рядом с чернильницей лежали допотопные счеты. Ни один из служащих не поднял взгляда, когда он проходил мимо, лишь из-за стола в самом углу встал высокий смуглый мужчина с твердым, будто высеченным из гранита лицом и неожиданно яркими синими глазами. Он улыбнулся, знаком отпустил охранника и провел Бонда к Двери в стене склада. Постучался, не ожидая ответа, распахнул ее, впустил Бонда и тут же закрыл дверь.

— А, добро пожаловать, мой друг, добро пожаловать! — Крупный широкоплечий мужчина в искусно сшитом чесучовом костюме вышел из-за стола и пошел навстречу Бонду, протягивая руку.

В громком приветливом голосе мужчины слышалась властная нотка, которая напомнила Бонду, что перед ним — начальник станции Т., и, строго говоря, Бонд находится в его подчинении.

Огромная сухая ладонь Дарко Керима крепко сжала руку Бонда. Чувствовалась незаурядная сила в этой ладони: да, начальник Т. мог так пожать руку, что только кости затрещат.

Рост Бонда превышал шесть футов, но мужчина, стоящий перед ним, был на пару дюймов выше и казался в два раза шире. Смуглое лицо было украшено сломанным носом и широко расставленными, улыбающимися синими глазами, которые чуть-чуть слезились, были покрыты крошечными кровяными сосудами и напоминали глаза волкодава, привыкшего лежать слишком близко к камину.

Обветренное лицо Керима делало его похожим на бесшабашного искателя приключений, и маленькая золотая серьга в мочке правого уха только усиливала это

впечатление. Это было удивительно выразительное лицо, жестокое и беспутное, и все-таки излучающее радость жизни. Бонд подумал о том, что ему еще никогда не приходилось видеть столько жизненной силы и человеческого тепла в чьем-то лице. Бонд почувствовал, что испытывает глубокое расположение к Кериму.

— Спасибо, что послали за мной машину.

— Ха! — засмеялся Керим. — Наши друзья тоже заслуживают благодарности. Они участвовали в церемонии встречи. Всякий раз, когда мой автомобиль отправляется в аэропорт, они сопровождают его.

— Это была «веспа» или «ламбретта»?

— А, и вы его заметили? «Ламбретта». У них целый парк мотороллеров для своих маленьких людишек. Я называю их «незаметными»: настолько похожи один на другого, что трудно отличить. Надеюсь, однако, на этот раз он соблюдал дистанцию. С того дня, как мой шофер резко затормозил и тут же включил задний ход, они не решаются ездить близко к машине. На «роллсе» тогда была поцарапана краска и пришлось долго выскребать чьи-то мозги из-под шасси, но я преподавал им правила хорошего тона.

Керим сел в свое кресло и жестом показал Бонду на такое же, стоящее напротив. Он протянул Бонду плоскую белую пачку сигарет, одну из которых тот закурил. Это была лучшая сигарета, когда-либо попавшаяся ему, — мягкий и сладкий запах турецкого табака в тонкой папиросной бумаге с золотым полумесяцем.

Пока Керим вставлял сигарету в длинный мундштук из слоновой кости, пожелтевший от никотина, Бонд огляделся. Кабинет пропах краской и лаком, как будто ремонт закончился перед самым его приходом. Стены большой квадратной комнаты были покрыты панелями из красного дерева. Кроме одной — за спиной Керима. Там висел широкий восточный ковер, закрывающий стену от потолка до пола. Он чуть шевелился от дуновения ветра, как будто за ним скрывалось большое открытое окно. Бонду это показалось маловероятным, потому что комнату освещали три больших круглых окна под потолком. Может быть, за ковром находится балкон, выходящий на Золотой Рог, волны которого доходили почти до стен здания? На стене справа висела в позолоченной раме копия портрета королевы кисти Аннигони. На левой стене, прямо напротив портрета королевы, была фотография Уинстона Черчилля военных времен. Он сидел за письменным столом, похожий на разъяренного бульдога, и свирепо смотрел в объектив. У одной стены стоял книжный шкаф, у другой — широкий кожаный диван.

Керим закурил, глубоко затянулся и кивнул головой в сторону ковра.

— Наши друзья решили навестить меня вчера, — произнес он равнодушным тоном. — Подплыли на лодке и прикрепили мину к стене. Рассчитывали застать меня за письменным столом. К счастью, именно в это время я расположился на диване с молодой румынской девушкой, все еще думающей, что можно узнать военные секреты в обмен на любовь. Взрыв произошел в самый неподходящий момент. Я, конечно, не стал реагировать, но для девушки потрясение оказалось слишком серьезным: с ней случилась истерика. А может, моя любовь показалась ей слишком уж неистовой. — Керим обвел мундштуком вокруг себя. — Нам пришлось торопиться, чтобы привести комнату в порядок к вашему визиту — вставить вылетевшие стекла, кое-что покрасить. Вот почему здесь так пахнет краской.

Керим откинулся на спинку кресла, на его лице появилось недоумевающее выражение.

— Меня, признаться, озадачило это внезапное начало военных действий, — произнес он, качая головой. — Мы привыкли жить дружно. Каждый из нас занимался своей работой. Просто неслыханно, чтобы наши друзья вот так внезапно объявили войну. Меня все это очень беспокоит. Я буду вынужден наказать человека, ответственного за это безобразие — как только узнаю, кто он. Хочется надеяться, что

происшедшее не имеет отношения к вашему делу.

— Но зачем было так рекламировать мой приезд? — осторожно спросил Бонд. — Мне совсем не хочется вовлекать вас в эту историю, но появление вашего «роллса» в аэропорту ясно говорит о нашей связи.

— Дорогой друг, — снисходительно засмеялся Керим, — давайте я объясню вам положение в Стамбуле. У нас, американцев и русских в каждом отеле есть свой человек. Кроме того, все мы подкупили чиновника, работающего в штабе секретной службы, и он снабжает нас списком всех иностранцев, въехавших в Турцию поездом, автомобилем или прилетевших самолетом. В случае необходимости я мог бы тайно переправить вас через греческую границу. Но какой в этом смысл? Ваш приезд не должен остаться незамеченным другой стороной, чтобы девушка смогла связаться с вами. Она поставила условие, что именно она организует встречу с вами. Возможно, она не доверяет нам и опасается утечки информации. Кто знает? Она заявила совершенно определенно, что их центр тут же узнает о вашем приезде. — Керим пожал широкими плечами. — Так что зачем все запутывать? К тому же мне просто хотелось сделать ваше пребывание в Стамбуле более приятным — на тот случай, если оно окажется безуспешным.

— Тогда извиняюсь, — улыбнулся Бонд. — Я забыл, что нахожусь на Балканах и что здесь распоряжаетесь вы. Скажите, как мне поступать, и я все исполню.

— Раз мы заговорили о вашем пребывании в Стамбуле, то как вам понравился «Кристэл Палас»? Признаться, я был озадачен тем, что вы решили остановиться именно в этом отеле. Он пользуется дурной славой и там всегда останавливаются русские. Впрочем, это неважно.

— Он не так уж плох. Просто мне не хотелось жить в «Хилтоне» или другом фешенебельном отеле.

— Теперь о деньгах. — Керим выдвинул ящик и достал оттуда пачку новеньких зеленых ассигнаций. — Здесь тысяча турецких фунтов. Они стоят на черном рынке двадцать за английский фунт стерлингов. Официальный валютный курс — семь к одному. Когда вы израсходуете эту тысячу, скажите мне, и я дам вам столько, сколько потребуется. Бухгалтерией займемся потом. К тому же это не деньги, а дерьмо. С того момента, когда первый миллионер Крез изобрел золотые монеты, ценность денег стала падать. Сначала на монетах изображали профиль богов, затем королей. Далее стали печатать банкноты с портретами президентов. А теперь на бумажках какое-то здание и подпись кассира! — Керим бросил Бонду пачку. — Поразительно то, что на них что-то еще можно купить. Дальше. Сигареты? Курите только вот эти — «Дипломатические». Я пошлю вам в гостиницу несколько сотен. Это самые лучшие. Их трудно достать. Распределяют по министерствам и консульствам. Что еще? Не беспокойтесь о питании и свободном времени. Это моя забота. Мне это будет только приятно, и вы уж меня простите, но пока вы здесь, я буду рядом с вами.

— Да, вы ничего не забыли, — кивнул Бонд. — Только обещайте когда-нибудь приехать в Лондон. Там вы будете моим гостем.

— Никогда! — решительно покачал головой Керим. — И погода, и женщины там слишком холодные. А теперь, — он позвонил в колокольчик, стоящий на столе, — что вы будете пить? Кофе с сахаром или без? Мы в Турции не можем вести серьезный разговор без кофе или ракии, но для ракии сейчас еще слишком рано.

— Без сахара.

Дверь за спиной Бонда открылась, и Керим что-то сказал по-турецки. Когда дверь снова захлопнулась, он выдвинул ящик стола, достал оттуда папку и, положив ее перед собой, звучно шлепнул по ней ладонью.

— Дорогой друг, — с мрачной задумчивостью произнес он, — я не знаю, что и думать о вашем деле. Он откинулся назад, закинул руки за голову и сцепил на затылке пальцы. — Вам никогда не приходило в голову, что наша работа чем-то

напоминает съемки фильма? Вот мне удалось наконец расставить всех по местам, и я собираюсь приняться за съемку. А тут вдруг подводит погода, или среди актеров начинается недовольство или происходит несчастный случай. Кроме того, при съемке фильма может случиться еще что-то — скажем, между двумя главными героями вспыхивает любовь. Меня это сбивает с толку больше всего. И в вашем деле есть этот загадочный фактор. Действительно ли девушка влюбилась в вас? Не охладает ли она, когда вас увидит? Наконец, сумеете ли вы заставить себя полюбить ее?

Бонд молчал. Раздался стук в дверь. Старший клерк вошел в кабинет, поставил перед каждым из них по небольшой чашечке с золотой росписью, вежливо поклонился и вышел. Кофе был горячим и крепким, он по своей консистенции напоминал кашу. Керим одним глотком выпил содержимое чашки, вставил сигарету в мундштук и закурил.

— Но с любовью, замешанной в это дело, мы бессильны что-нибудь предпринять, — продолжал Керим, словно размышляя с самим собой. — Ладно, поживем — увидим, а сейчас перед нами встали другие проблемы.

Он наклонился вперед и посмотрел в лицо Бонду жестким пронизывающим взглядом.

— Во вражеском лагере что-то происходит, мой друг. Я думаю так не из-за того, что от меня решили избавиться. Неожиданно сюда приехало несколько человек. У меня нет никаких других фактов, но вот этому надежному другу я доверяю, — Керим постучал пальцем по своему носу. — Он не подводит меня. Если бы на карту не было поставлено так много, я сказал бы вам: «Отправляйтесь домой, дружище. Лучше отправляйтесь домой. Здесь происходит что-то непонятное и зловещее».

Керим снова откинулся на спинку кресла. Из его голоса исчезла напряженность.

— Но мы разговорились, как старые бабы. Это наша работа, так что давайте забудем про мой нос и займемся делом. Во-первых, есть ли подробности, которые вы хотели бы знать? Что я могу добавить к уже сказанному? После того, как я послал шифровку в Лондон, девушка не подавала признаков жизни. Но, может быть, вас интересуют подробности моей встречи с ней?

— Меня интересует только один вопрос. — Бонд посмотрел на Керима. — Каково ваше мнение о ней? Верите вы сами ее рассказу или нет? Все остальное не имеет значения. Если она не влюбилась в мою фотографию, то вся эта история — изощренный заговор, который состряпан МГБ и пока не разгадан нами. Вы поверили ей?

— Эх, дорогой друг, — Керим вздохнул и покачал головой. — Я задавал себе этот же вопрос с самого момента встречи с ней. Кто может поручиться, врет ли женщина, рассказывая нам о своих любовных делах, или говорит правду? Ее глаза, эти прекрасные невинные глаза, блестели. Голос звучал искренне и испуганно, руки, сжимающие перила, побелели от напряжения, но что было у нее на сердце? — Керим развел руками, сжал губы и посмотрел прямо в глаза Бонду. — Есть всего лишь один способ убедиться, что женщина действительно любит тебя, но даже при этом необходим опыт подлинного эксперта.

— Да, я понимаю, — Бонд кивнул, — что вы имеете в виду. Убедиться в этом можно лишь в постели.

15. Биография шпиона

Снова принесли кофе, потом еще. В большой комнате висели сизые клубы табачного дыма. Мужчины подробно обсудили каждую мелочь, даже самую незначительную, но не пришли ни к какому решению. Бонду одному предстояло разгадать тайну девушки, и, если подтвердится предположение М., то вывезти ее

вместе с шифровальным аппаратом из Турции.

Все организационные вопросы Керим взял на себя. Он тут же позвонил в аэропорт и зарезервировал два места на всех самолетах, вылетающих на будущей неделе из Стамбула — ВЕА, Эр Франс, САС и Тюркэйр.

— Теперь о паспорте, — сказал он, покончив с одним делом. — Одного будет достаточно, потому что она будет сопровождать вас в качестве жены. Мои люди сфотографируют вас и постараются отыскать фотографию молодой Греты Гарбо, более или менее похожей на нее. Я нахожу, что они очень похожи. Я поговорю с генеральным консулом. Он мой хороший приятель и любит играть в заговоры. Обожает все эти тайны плаща и кинжала. Паспорт будет готов сегодня вечером. Какое имя вам больше нравится?

— Не имеет значения.

— Тогда пусть будет Сомерсет. Моя мать приехала оттуда. Итак, вы будете Дэвидом Сомерсетом. Профессия — директор фирмы. А девушка? Назовем ее Кэролайн. Она выглядит, как Кэролайн. А вы оба — как пара молодых симпатичных англичан, любящих путешествовать. Таможенную декларацию я подготовлю сам. Там будет указано, что у вас восемьдесят фунтов стерлингов чеками и справка об обмене пятидесяти фунтов за время вашего пребывания в Турции. О таможене можете не беспокоиться: они никого не проверяют при выезде. Скажете, что купили несколько пачек рахат-лукума для знакомых в Лондоне. Если понадобится немедленно уехать, я позабочусь о вашем багаже и заплачу за гостиницу. В «Паласе» меня хорошо знают. Что еще?

— Больше ничего не приходит в голову.

Керим взглянул на часы:

— Двенадцать. Вас ждет автомобиль. Отправляйтесь в гостиницу. Может быть, там вас поджидает записка. И внимательно осмотрите номер — не исключено, что за время вашего отсутствия кто-нибудь проявил к нему излишнее любопытство.

Керим встал и проводил Бонда до двери. Крепкое дружеское рукопожатие на прощание.

— Когда отдохнете, за вами приедет автомобиль и отвезет вас в маленький ресторанчик на базаре. — На его лице появилась довольная улыбка. — Я рад вашему приезду и тому, что мы будем работать вместе. — Он отпустил руку Бонда. — А теперь мне нужно сделать кое-что и как можно быстрее. Может быть, не все, что я собираюсь предпринять, окажется правильным, но что поделаешь? Такова жизнь, — снова довольная улыбка на лице Керима.

Старший клерк (видимо, исполняющий у Керима обязанности начальника штаба) распахнул перед Бондом маленькую дверь, которая вела в узкий коридор. По обе стороны его были комнаты. В одной из них находилась современная, хорошо оснащенная фотолаборатория. Через десять минут Бонд вышел на улицу к ожидавшему его «роллс-ройсу». Автомобиль беззвучно тронулся с места и направился к Галата Бридж.

В гостинице дежурил новый портье — маленький подобострастный человечек с желтым лицом и угодливыми глазками. При виде Бонда он кинулся навстречу, сложив руки на груди в извиняющемся жесте.

— Эфенди, мои самые глубокие извинения. Портье, дежуривший вчера вечером, поселил вас в неудобной комнате. Он не знал, что вы друг Керим-бея. Мы перевели вас в номер 12 — это лучшая комната нашего отеля. Ваш багаж уже там. Обычно этот номер мы сдаем новобрачным, — портье ухмыльнулся. — Там вам будет намного удобнее, чем в старом. Еще раз прошу извинения, эфенди. Предыдущая комната не предназначена для таких видных клиентов.

Он низко поклонился, подобострастно потирая руки.

Бонд не выносил, когда ему лижут ботинки, и холодно посмотрел на портье.

— Вы так считаете? Сначала мне хотелось бы посмотреть на эту новую комнату. Может быть, она мне не понравится. Меня вполне устраивала прежняя.

— Конечно, конечно, эфенди, — человек снова поклонился и показал рукой в сторону лифта. — К сожалению, в той комнате, где вы ночевали, испортился вод провод. Там работают сантехники, и нам пришлось отключить...

Лифт начал подниматься и голос затих.

«Ну что ж, — подумал Бонд, — с водой действительно было не все в порядке. В конце концов, почему не поселиться в самом лучшем номере?»

Портье распахнул высокую дверь и отступил.

Бонд вошел и оглянулся по сторонам. Несомненно, комната была отличной. Солнечный свет заливал ее через широкие двойные окна, выходящие на балкон. Стены были покрашены в розовые и белые цвета. Мебель, хотя и несколько поцарапанная, сохраняла элегантность начала века. На полу лежали роскошные бухарские ковры. С потолка, украшенного изысканной лепниной, свисала хрустальная люстра. Справа стояла поистине огромная кровать, а стену за ней украшало большое зеркало в позолоченной раме. Бонда это позабавило. Комната для новобранцев! Не хватало только зеркала на потолке. Просторная ванная, примыкающая к спальне, была оборудована буквально всем, включая биде и душ. Бритвенные принадлежности Бонда были аккуратно разложены на полочке над умывальником.

Бонд сказал, что номер ему нравится, и портье, угодливо кланяясь, исчез за дверью.

Действительно, почему бы и нет? Бонд снова обошел комнату. На этот раз он внимательно осмотрел стены и телефон. Кому придет в голову устанавливать здесь скрытые микрофоны или устраивать в стенах потайные двери? Какой в этом смысл?

Чемодан стоял на скамейке рядом с сервантом. Бонд наклонился. На замке и вокруг него не было видно ни единой царапины. Волосок, который он осторожно закрепил в пряжке замка, был на месте. Бонд достал ключ, открыл замок и вынул из чемодана маленький атташе-кейс. И здесь никаких следов назойливого любопытства. Он уложил кейс обратно в чемодан, запер его и выпрямился с чувством облегчения.

Бонд умылся холодной водой, вышел из комнаты и спустился по лестнице. Нет, для эфенди ничего не было. Никаких писем или телефонных звонков. Портье вышел вслед за Бондом на тротуар и с глубоким поклоном открыл перед ним дверцу «роллс-ройса». Какое-то заговорщицкое выражение на мгновение мелькнуло на его лице. Или Бонду показалось это? Он решил, что показалось. Да и какое это имеет значение? Так или иначе игра должна начаться, и если смена комнат была началом игры — тем лучше.

Автомобиль поехал вдоль улицы, ведущей к берегу Золотого Рога, и Бонд подумал о Дарко Кериме. Как же все-таки удачно выбран человек на пост начальника станции Т.! Уже один рост и широкие плечи выделяют его среди всех остальных в этой стране, низкорослых, маленьких людей, а любовь к жизни и бьющая через край энергия не могут не располагать к нему окружающих. Но как удалось завербовать его в секретную службу? Откуда взялся этот хитрый жизнерадостный разбойник? Керим относился к той редкой категории людей, которые нравились Бонду с первого взгляда, и он был уже готов причислить его к своим друзьям. Другим, а не просто знакомым.

Автомобиль по широкому мосту пересек Босфор и остановился перед сводчатыми аркадами восточного базара. Шофер пригласил Бонда следовать за ним и повел его по истертым ступеням лестницы, ругательствами расчищая дорогу через толпу нищих и тяжело нагруженных носильщиков. Наконец он остановился и показал Бонду на небольшую арку в массивной стене.

— Эфенди, Керим-бей ждет вас в верхней комнате по левой стороне коридора. Назовите его имя, и вас проведут. Керим-бей знают все.

Бонд с благодарностью кивнул и начал подниматься по узкой крутой лестнице. Наверху, в небольшом вестибюле, его встретил официант и повел через лабиринт крошечных живописных комнаток. В одной из них Бонд увидел Керима, который сидел у окна, выходящего на центральную часть базара.

— Как раз вовремя, мой друг! — шумно приветствовал его Керим. — А сейчас немедленно стакан ракии! Вы устали, наверно, после поездок по Стамбулу?

Бонд опустил на стул, и официант тотчас поставил перед ним небольшой стакан с белой матовой жидкостью, в которой плавали кусочки льда. Бонд выпил жидкость, по вкусу походившую на узу. Официант тут же снова наполнил стакан.

— Что вы хотите на обед? У нас в Турции едят одни лишь отбросы, приготовленные на прогорклom оливковом масле. Но в Мизир Карсарси отбросы готовят, по крайней мере, лучше, чем в других ресторанах.

Улыбающийся официант что-то произнес по-турецки.

— Он говорит, что сегодня отличный кебаб. Я не верю ему, но не исключено, что это правда. Кстати, для справки: кебаб — это молодой барашек, жаренный на углях с пряным рисом и луком. Или вы хотите что-нибудь другое? Может, пилав? Или этот паршивый фаршированный перец, который жрут все? Отлично. Однако начнем с жареных сардин. Они вполне съедобны. — Керим повернулся к официанту, что-то скомандовал ему, откинувшись на спинку стула, и улыбнулся Бонду. — С этими турками только так и можно обращаться. Они любят, когда их ругают и дают пинки под зад. Это им сразу понятно. А демократия прямо-таки убивает их. Им нужны султаны, войны, насилие и развлечения. Бедняг заставили носить европейские костюмы и котелки на голове вместо фесок. Ну ладно, хватит об этом. Есть что-нибудь новое?

Бонд покачал головой, потом рассказал о неожиданной смене комнат и о том, что чемодан остался нетронутым.

Керим покачал головой, опрокинул стакан и вытер губы.

— Когда-нибудь игра должна начаться, — произнес он, повторяя вслух мысли Бонда. — Я тоже кое-что предпринял. Теперь остается ждать. После обеда мы совершим набег на вражескую территорию. Это будет очень интересно. Не беспокойтесь, нас никто не увидит. Мы будем двигаться в темноте, под землей, — Керим заразительно расхохотался. — А теперь поговорим о чем-нибудь другом. Как вам понравилась Турция? Впрочем, не отвечайте, я и так знаю.

В этот момент появился официант. Жареные сардины оказались самыми обычными. Перед Керимом официант поставил большую тарелку с чем-то похожим на ломтики сырой рыбы. Керим заметил интерес Бонда.

— Это, действительно, сырая рыба. Сейчас мне принесут свежий салат, сырое мясо, а на десерт простоквашу. Не думайте, что у меня какой-то заскок в отношении пищи. Просто я в молодости был профессиональным силачом. Это очень популярное занятие в Турции, ведь здесь признают только сильных людей. Мой тренер настаивал, чтобы я ел одну сырую пищу. Это стало привычкой и понравилось мне. Но я не утверждаю, что такое питание подходит всем. Ешьте, что хотите, только с удовольствием.

— Почему же вы прервали свою прежнюю карьеру? И как лопали к нам?

Керим подцепил вилкой ломтик сырой рыбы и разорвал его зубами.

— Ну что ж, — произнес он с улыбкой, — почему бы не поговорить обо мне, если нет иной темы? Только вкратце, потому что это длинная история. Если она вам наскучит, дайте знать. Согласны?

Бонд кивнул и закурил сигарету.

— Родом я из Трабзона. Вырос в огромной семье. У моего отца было много жен. Ни одна женщина не могла устоять перед ним. Женская психология такова: в глубине души каждой хочется, чтобы мужчина схватил ее, унес в пещеру и взял силой.

Именно так относился к женщинам мой отец. Он был знаменитым рыбаком и прославился на все Черное море. Ловил он главным образом рыбу-меч. Ее трудно поймать, но отец всегда возвращался с большим уловом. Женщины любят, чтобы их мужчины были героями, а мой отец был героем в той части Турции, где живут сильные и смелые мужчины. Он любил женщин и не раз убивал из-за них соперников. Естественно, что у него было много детей. Мы жили в огромном полуразвалившемся доме, и многочисленные «тети» содержали его в порядке. По сути дела, все эти «тети» вместе — гарем моего отца.

Среди них была и английская гувернантка. Отец встретил ее в цирке, влюбился и тем же вечером увез в Трабзон на своем каике. Думаю, что она не пожалела об этом. Отец стал для нее всем. Она умерла сразу после войны, шестидесятилетней. За год до моего рождения появился мальчик у итальянки. Он был блондином, и его называли Бьянко. Я был смуглым и черноволосым, и мне дали имя Дарко. У отца было пятнадцать детей, и наше детство было восхитительным. Мы часто ссорились друг с другом, да и наши «тети» не отставали от нас. Отец щедро отвешивал подзатыльники женщинам и детям, когда мы слишком уж шумели. Но когда в семье было тихо и мирно, он был очень добрым. Вам, наверное, трудно представить себе такую семью?

— Ну почему же? Вы рассказываете о ней с такой теплотой.

— Таким и было мое детство. Я вырос и стал похож на отца, разве что воспитание у меня лучше. Об этом позаботилась моя мать. Отец научил нас регулярно мыться и не стыдиться ничего на свете. Мать научила меня уважать Англию. К тому времени, когда мне исполнилось двадцать лет, у меня была уже своя рыбацкая лодка и я неплохо зарабатывал. Но из-за моего необузданного характера никто не мог найти на меня управу. Я ушел от семьи и поселился в двух маленьких комнатах на набережной. Мне не хотелось огорчать мать тем, что я часто вожу к себе женщин. И тут мне повезло. В горах, недалеко от Стамбула, я встретил цыган и украл у них бессарабскую девушку. Они погнались за мной, но мне удалось ускользнуть от них на лодке. Девушка отбивалась от меня, как сумасшедшая, и мне пришлось так ударить ее, что она потеряла сознание. Когда мы вернулись в Трабзон, она попыталась убить меня. Я раздел ее догола, спрятал одежду и приковал цепью к ножке стола. За ужином я бросал ей объедки — пусть поймет, кто хозяин. Но тут случилось непредвиденное. Моя мать пришла навестить меня, увидела девушку и устроила невероятный скандал. Она назвала меня жестоким негодяем, недостойным быть ее сыном, и потребовала, чтобы я немедленно вернул девушку домой. Она привезла ей одежду, но, когда я освободил девушку, та отказалась покинуть меня. — Дарко Керим расхохотался. — Вот и пойми женщин. Пока моя мать занималась девушкой и получала от нее в благодарность одни ругательства, я встретился с отцом. Тогда к нему приехал высокий худой англичанин, один глаз которого был закрыт черной повязкой. Они говорили о русских. Англичанину были нужны сведения о том, что они предпринимают в своей пограничной зоне, в Батуми, и на их военно-морской базе, расположенной всего в пятидесяти милях от Трабзона. Он был готов хорошо заплатить за такие сведения. Я знал английский и русский. У меня было отличное зрение и такой же слух. Наконец, даже своя рыбацкая лодка. Отец решил, что я буду работать на англичанина. Этот англичанин, майор Дэнси, стал моим другом, предшественником на посту начальника станции Т. Остальное вам известно. — Керим вставил в мундштук сигарету.

— А как же подготовка к профессии силача?

— Это помогло мне, хотя стало всего лишь побочным делом. Наш странствующий цирк был единственной труппой турок, которую беспрепятственно пропускали через границу. Русские не могут жить без цирка. Я гнул рельсы, рвал цепи и поднимал тяжести. Часто мне приходилось бороться с местными силачами. Должен

сказать вам, что некоторые грузины — настоящие гиганты. К счастью, они полагались только на свою силу, и я почти всегда одерживал верх. А потом начинался праздник, выносили вино, языки развязывались. Я притворялся дураком, делая вид, что не понимаю, о чем они говорят. Иногда я задавал невинные вопросы. Они смеялись над моей глупостью, но отвечали на них.

Принесли второе блюдо и с ним бутылку каваклидере — красного вина, похожего на бургундское, только с более резким букетом. Кебаб с перцем и разными специями понравился Бонду. Керим ел что-то вроде бифштекса по-татарски — огромный плоский гамбургер из тщательно перемолотого сырого мяса с чесноком и перцем, политый яйцом. Он предложил Бонду попробовать. Бифштекс тоже был удивительно вкусным.

— Его нужно есть каждый день, — серьезно посоветовал Керим. — Очень полезен для тех, кто часто занимается любовью. Для этого существуют также определенные упражнения. Это очень важно для мужчин, по крайней мере для меня. Подобно моему отцу, я потребляю женщин в большом количестве. Но в отличие от него — я пью и курю, а это мешает любви, как и моя работа. Из-за слишком большого умственного напряжения кровь приливает к голове, а не к тем частям тела, которым она больше всего нужна. Но я жаден до жизни и часто перехожу разумные границы. Когда-нибудь сердце у меня неожиданно остановится. В него вцепится Железный Краб, как это случилось с моим отцом. Но я не боюсь Железного Краба. На моем памятнике напишут «ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМЕР ПОТОМУ, ЧТО СЛИШКОМ ЛЮБИЛ ЖИТЬ».

— Не торопись умирать, Дарко, — засмеялся Бонд. — Этим ты расстроишь М., который тебя очень ценит.

— Правда? — Керим внимательно посмотрел на Бонда. Убедился, что тот не шутит и весело улыбнулся. — В таком случае я не позволю Железному Крабу схватить меня. — Он взглянул на часы. — Пошли, Джеймс. Ты напомнил мне о моих обязанностях. У нас мало времени. Ежедневно в половине девятого русские собираются на свой совет. Сегодня мы с тобой окажем им честь и примем в нем участие.

16. Крысиный туннель

Когда они вернулись в кабинет Керима, он открыл стенной шкаф и достал оттуда два синих рабочих комбинезона. Керим разделся, натянул на себя комбинезон и надел высокие резиновые сапоги. Бонд последовал его примеру.

Пока они одевались, старший клерк принес чашечки с кофе и два мощных электрических фонаря, которые он положил на стол.

— Это один из моих сыновей. Самый старший, — заметил Керим, когда клерк вышел из кабинета. — Те, что сидят в зале, тоже мои дети. Шофер и охранник — братья отца. Кровные узы — лучшая гарантия преданности. А компания, торгующая восточными пряностями, — великолепная крыша. Между прочим, М. помог мне основать ее. Он поговорил со своими знакомыми в лондонском Сити, и те ссудили меня деньгами на очень выгодных условиях — почти без процентов. Теперь я превратился в главного торговца специями на Ближнем Востоке. Долги уже давно оплачены. Мои дети — акционеры компании. Им уже не приходится экономить. Если требуется провести какую-то тайную операцию, я выбираю того, кто лучше всех для этого подготовлен. Каждый из них обучен одной из разведывательных специальностей. Все они — смелые и умные. Некоторым уже приходилось убивать противников. Они готовы умереть за меня и за М. Я воспитал их в духе беспрекословного повиновения М., и они считают, что его место — где-то чуть ниже господ бога, — Керим махнул рукой, будто извиняясь. — Мне хотелось сказать,

чтобы ты ни о чем не беспокоился. Ты в надежных руках.

— Я в этом не сомневался.

— Ха! — с сомнением покачал головой Керим. Он взял один из фонарей и передал его Бонду. — А теперь за работу.

Керим подошел к широкому книжному шкафу и сунул руку за стенку. Раздался щелчок, массивный шкаф плавно откатился влево, открыв маленькую дверь. Керим на что-то нажал, дверь распахнулась, Бонд увидел темный туннель с каменными ступенями, ведущими вниз. Из темноты в комнату ворвался сырой промозглый воздух.

— Ты иди первым, — сказал Керим. — Спускайся по ступенькам и обожди меня внизу. Я должен закрыть дверь.

Бонд включил фонарь, наклонился, вошел в дверной проем и начал осторожно спускаться. Прыгающий свет фонаря выхватывал из темноты кирпичную кладку. Где-то внизу, футах в двадцати, луч осветил поверхность воды. Спустившись, Бонд увидел, что по дну древнего туннеля, круто заворачивающего направо, течет узкий поток воды. Бонд решил, что, судя по всему, туннель идет к Золотому Рогу.

В темноте, куда не доставал луч фонаря, слышался какой-то шорох. Он разглядел: в двадцати ярдах от Бонда сидели и перебегали от стены к стене тысячи крыс. Их беспокоил незнакомый запах, в глазах сверкали красные огоньки. Бонд представил себе, как седые крысиные усы поднимаются над острыми желтыми зубами, и на мгновение с ужасом подумал о том, что с ним будет, если фонарь вдруг погаснет. Рядом послышались шаги Керима.

— Нам придется идти вверх не меньше четверти часа. Надеюсь, ты любишь животных, — эхо его хохота разнеслось по туннелю. — К сожалению, у нас нет выбора. Здесь полно крыс и летучих мышей. Целые дивизии. Точнее, армия и военно-воздушные силы. И мы будем гнать их перед собой. В конце туннеля нам всем будет очень тесно. Ну, пошли. По крайней мере, здесь не приходится беспокоиться о воздухе, потому что он чистый. Видишь, по дну туннеля течет всего небольшой ручеек, а вот зимой здесь настоящая река, и приходится пользоваться легким водолазным костюмом. Направь свет фонаря себе под ноги. Если в волосах запутается летучая мышь, смахни ее. Впрочем, такое бывает редко — у них великолепные радиолокаторы.

Они медленно двинулись вверх. Вонь и сырость становились все сильнее. Бонд подумал, что вряд ли ему удастся быстро избавиться от этого запаха, когда они вернутся обратно.

С потолка туннеля свисали летучие мыши, похожие на связки высохшего винограда. Время от времени, когда головы Керима или Бонда касались их, летучие мыши оживали и с писком улетали в темноту. По мере того как они продвигались вперед, лес красных точек становился все гуще. Иногда Керим поднимал свой фонарь, и перед ними открывалось отвратительное зрелище: сплошное серое движущееся поле мерзких животных со сверкающими зубами и поблескивающими в электрическом свете усами. Когда на крыс падал яркий свет фонаря, их охватывало какое-то безумие. Они в панике карабкались друг другу на спины, чтобы побыстрее скрыться в темноте. Тысячи серых тел сбивались во все более плотную массу, а последние их ряды становились все ближе и ближе к людям.

Прошло минут пятнадцать, они достигли наконец своей цели. В стене туннеля была вырыта глубокая ниша, облицованная свежей кирпичной кладкой. С потолка ниши свисал какой-то массивный предмет, тщательно завернутый в брезент. Слева и справа от него Бонд увидел скамейки.

Они вошли в нишу. Еще несколько ярдов, подумал Бонд, и обезумевшая крысиная орда, плотно сбившаяся в тупике туннеля, повернулась бы и кинулась на них несмотря на пугающий запах и два ослепительно горящих глаза.

— Смотри внимательно, — сказал Керим.

В туннеле наступила тишина. Крысиный писк прекратился как по команде. Внезапно мимо ниши понеслась серая волна крысиных тел. С визгом, в панике кусая друг друга, крысы промчались мимо и исчезли в темноте.

Керим с сожалением покачал головой.

— Наступит время, когда эти крысы начнут умирать. Тогда в Стамбул снова придет чума. Иногда меня охватывает чувство вины из-за того, что я скрыл от городских властей существование этого туннеля, который давно надо было бы вычистить. Но пока русские остаются здесь, в доме над нами, я не могу сделать этого. — Он посмотрел на часы. — До начала еще пять минут. Сейчас они рассаживаются и просматривают бумаги. За столом будут трое постоянно работающих в Турции — двое из МГБ и один представитель ГРУ, армейской разведки. С ними еще трое. Двое из них приехали две недели назад — один из Греции, второй из Персии. Третий прибыл в понедельник. Цель их приезда мне неизвестна. Иногда в комнату приходит эта девушка — Татьяна — с шифровкой, кладет ее на стол и снова уходит. Надеюсь, сегодня она тоже заглянет. Ты будешь поражен. Она настоящая красавица.

Керим снял тесьму, обвязанную поверх брезента, и убрал его. Бонд понял, что за предмет скрывался под брезентом. Конечно же перископ подводной лодки... Капли воды поблескивали на густой смазке.

— Где ты его раздобыл, Дарко? — засмеялся Бонд.

— Купил на военном складе, — коротко ответил Керим. — Сейчас технический отдел в Лондоне пытается как-нибудь прикрепить микрофон с объективу наверху. Это совсем не просто. Верхняя линза размером не больше зажигалки, и, когда я поднимаю перископ, объектив находится на уровне пола. В углу комнаты мы вырезали маленькое отверстие. Очень похоже на мышиную работу. И я однажды поднял перископ, заглянул в окуляр и увидел прямо перед собой мышеловку с кусочками сыра, — Керим засмеялся. — Уж не знаю, удастся ли нашим кудесникам найти место для чувствительного микрофона. Снова проникнуть в дом под видом ремонта мы уже не сумеем. Мне удалось установить этот перископ после того, как я уговорил моих знакомых в министерстве общественных работ выселить русских из этого дома на несколько дней. Мы объяснили им, что трамваи, проходящие по этой улице, сотрясают грунт и расшатывают основания близлежащих домов. Необходимо, мол, провести геологическое обследование. Это обошлось мне в несколько сот фунтов, которые я переложил из своего кармана в чужие. Инспектора министерства общественных работ обследовали с полдюжины домов по обеим сторонам улицы и заявили, что беспокойство оказалось напрасным. К этому времени я со своей семейкой успел сделать все необходимое. Но русские сразу почуяли неладное. По-видимому, они обшарили весь дом, каждый квадратный сантиметр — искали микрофоны, бомбы и тому подобное. Жаль, что нельзя проделать такой фокус еще раз. Если только технический отдел не придумает что-то невероятно хитрое, мне придется ограничиться одним наблюдением за ними. Когда-нибудь удастся заметить что-нибудь очень важное. Например, они будут допрашивать человека, вызывающего у нас интерес, или что-то вроде этого.

Неожиданно Бонд заметил под самой крышей рядом с объективом перископа какую-то огромную выпуклую полусферу.

— А это что? — спросил он, указывая вверх.

— Нижняя половина мины. Мощной мины. Если со мной что-нибудь случится или начнется война, она будет взорвана подрывной машинкой из моего кабинета. Очень грустно, — Керим совсем не выглядел грустным, — что при взрыве погибнет немало невинных людей. Но тут ничего не поделаешь. Когда закипает кровь, люди, как и природа, не выбирают своих жертв.

Керим достал мягкую тряпку и тщательно протер окуляры перископа, расположенные между двумя ручками управления в его торцевой части. Затем взглянул на часы, наклонился, взялся за ручки и медленно поднял основание перископа на уровень глаз. Труба перископа с шипением начала подниматься вверх и исчезла в потолке. Керим заглянул в окуляры, отрегулировал резкость и медленно повернул перископ.

— Как я и говорил, — шестеро, — произнес он и пригласил Бонда посмотреть.

Бонд сделал шаг вперед и взялся за ручки перископа.

— Смотри на них повнимательнее, — услышал он шепот Керима. — Мне их лица хорошо знакомы, но тебе нужно запомнить их. В торцевой части стола сидит резидент. Слева от него — два заместителя. Напротив сидят трое, которые приехали недавно. Тот, кто приехал последним, сидит рядом с резидентом. Судя по всему, он занимает высокое положение в иерархии МГБ. Если заметишь что-нибудь необычное, скажи.

Бонд наклонился и заглянул в окуляры. Ему тут же захотелось попросить Керима, чтобы он говорил еще тише. Оптика была такой хорошей, а резкость настолько высокой, что ему показалось, будто он находится в комнате вместе с русскими и сидит в углу — словно секретарь, стенографирующий выступления участников совещания.

Широкоугольный объектив, рассчитанный на слежение не только за поверхностью моря, но и за воздухом, развернул перед Бондом необычную панораму — лес ног под столом и несколько голов владельцев этих ног. Он отчетливо видел лица резидента и его заместителей. Типичные бесстрастные лица. Резидент походил на профессора — массивные очки, широкий подбородок и глубокая залысина. Рядом, слева от него, сидел коренастый мужчина с квадратным тупым лицом, морщинами по обеим сторонам рта, светлыми коротко стриженными волосами и рассеченной мочкой уха. Третий сотрудник резидентуры был худым, с хитрым армянским лицом и умными миндалевидными глазами. Он говорил о чем-то, фальшиво улыбаясь.

Лица вновь приехавших почти не были видны. Они сидели спиной к Бонду, и он отчетливо видел только профиль самого молодого из них, который был ближе остальных к их наблюдательному пункту. Смуглая кожа — судя по всему, он тоже родился в одной из южных республик, — скулы плохо выбриты, мясистый, покрытый крупными порами нос. Верхняя губа нависала над мрачным ртом и началом двойного подбородка. Жесткие черные волосы пострижены очень коротко. Скорее всего, военная стрижка... На толстой шее — большой воспаленный фурункул. Синий костюм, коричневые туфли. Он сидел за столом неподвижно и ни разу не произнес ни единого слова.

Старший из приехавших, сидевший рядом с резидентом, откинулся на спинку стула и заговорил. Теперь, когда он отодвинулся назад, Бонд видел его лицо — волевое, будто высеченное из камня, с выдающимся вперед подбородком и усами, как у Сталина. На стороне лица, обращенной к Бонду, он увидел серый холодный глаз, почти закрытый мохнатой бровью, и низкий лоб с нависающими над ним седеющими волосами. Он был единственным курильщиком среди присутствующих и то и дело затягивался. В маленькую трубку была вертикально вставлена половина сигареты. Время от времени он вынимал трубку изо рта и стряхивал пепел на пол. У него было лицо человека, привыкшего командовать, и Бонд решил, что в Москве он занимает довольно высокий пост.

Глаза начали слезиться от напряжения. Бонд нажал на ручки и медленно повернул перископ, пытаясь осмотреть комнату, насколько это позволяли края вырезанного в плинтусе отверстия. Ничего интересного — два металлических шкафа для документов, вешалка у двери, на которой висели более или менее похожие плащи и шляпы, сервант, где стоит графин с водой. Бонд выпрямился и отошел от

перископа, потирая глаза.

— Если бы мы могли слышать, о чем они говорят! — с досадой покачал головой Керим. — Такие сведения ценились бы на вес золота!

— Действительно, это было бы весьма полезно, — согласился Бонд. — Между прочим, Дарко, как ты нашел этот туннель? И вообще, что это за туннель?

Керим наклонился, заглянул в окуляры и снова выпрямился.

— Это утерянный сток из Колонного Зала, — пояснил он. — Сам Колонный Зал — одно из достопримечательных мест Стамбула, и туда возят туристов. Он расположен над нами, на холмах города, рядом со Святой Софией. Его построили тысячу лет тому назад на случай осады. Это гигантский подземный резервуар ярдов сто длиной и пятьдесят шириной. Там можно хранить миллионы галлонов воды. Лет четыреста назад его снова открыл человек по имени Гиллес. Однажды мне попалось описание этого резервуара, сделанное им. Там говорилось, что зимой резервуар наполнялся «через огромную трубу, и вода вливалась с мощным ревом». Мне пришло в голову, что где-то должна быть «огромная труба», через которую можно очень быстро опорожнить резервуар, если враги захватывали город. Я отправился в Колонный Зал, подкупил сторожа и однажды ночью в резиновой лодке с одним из моих парней проплыл вдоль стен резервуара, выстукивая их молотком и прислушиваясь к эху. В одном месте, которое показалось мне наиболее многообещающим, мы обнаружили за стеной пустоту. Я снова обратился к своим друзьям в министерстве общественных работ, и Колонный Зал закрыли на неделю — для очистки. Нам пришлось немало потрудиться. — Керим снова наклонился и заглянул в окуляры. — Мы пробили стену над уровнем воды и обнаружили древнюю арку туннеля, спустились в него, пошли вниз. Это было очень интересно, Джеймс! Ведь мы не знали, куда он приведет нас. Туннель шел прямо вниз, по уклону холма, под Книжной улицей, где находится русское консульство, и дальше к Золотому Рогу, недалеко от Галата Бридж. Значит, в двадцати ярдах от моего склада. Потом мы вернулись обратно, заложили сделанный нами пролом в стене и принялись копать со своего конца. Это было два года назад. Понадобился целый год работы и тщательные геодезические изыскания, чтобы выйти прямо под русским консульством, — Керим засмеялся. — Наступит время, когда русские захотят переехать в другое здание. Надеюсь, что к этому времени во главе станции Т. будет уже кто-то другой.

Керим наклонился и заглянул в окуляры. Бонд увидел, что его пальцы, сжимающие ручки перископа, замерли.

— Открывается дверь, — произнес он. — Быстрее становись к перископу! Это она...

17. Передышка

Было уже семь вечера, когда Бонд вернулся к себе в гостиницу. Он принял горячую ванну, холодный душ, и теперь ему казалось, что он наконец сумел избавиться от вони и запаха сырости.

Джеймс Бонд сидел в одних трусах у окна комнаты, держа в руке стакан с коктейлем — как всегда, это были водка и тоник, — и смотрел на фантастический закат над Золотым Рогом. Но глаза его не видели игры перемежающихся цветов крови и золота на горизонте, рассеченном копьями минаретов и плавными очертаниями мечетей.

Он думал о высокой прелестной девушке, походкой балерины вошедшей в комнату с листом бумаги в руке. Она остановилась рядом с резидентом и передала ему документ. Находящиеся в комнате как по команде повернулись в ее сторону и уставились на нее. Татьяна покраснела и опустила глаза. Что выражали взгляды

мужчин? Это совсем не походило на восхищение, с каким они обычно смотрят на прелестную молодую девушку. Нет, в их взглядах было любопытство, впрочем, легко объяснимое: хотелось узнать, что написано в шифровке, из-за которой прервано совещание. И все же это было брезгливое любопытство: они смотрели на девушку с плохо скрытым отвращением и презрением — как на проститутку.

Бонд не мог этого понять. За столом сидели шесть офицеров, представляющих полувоенную организацию, скованную строжайшей дисциплиной, организацию, в которой каждый опасался каждого. Девушка была одной из них и выполняла свои обычные обязанности. Тогда почему все без исключения смотрели на нее с таким откровенным презрением — как будто она была шпионкой, которую раскрыли и теперь готовятся наказать? Неужели ее заподозрили? Может быть, она чем-то выдала себя? Однако по мере того, как действие разворачивалось дальше. Бонд понял, что ошибся. Резидент прочитал шифровку, и взгляды сидящих за столом обратились в его сторону. Он что-то сказал. Наверное, сообщил текст полученного документа. Затем резидент посмотрел на девушку. Остальные тоже повернулись к ней. Выражение лица резидента было более дружеским. Девушка покачала головой и кратко ответила. Резидент еще о чем-то спросил ее. Она снова покраснела и кивнула, не поднимая глаз. Сидящие вокруг стола улыбнулись — может быть, несколько двусмысленно, но с очевидным одобрением. «Нет, — подумал Джеймс Бонд, — ее ни в чем не подозревают». В заключение резидент произнес несколько слов, девушка ответила и, повернувшись, вышла из комнаты. Когда за ней закрылась дверь, резидент что-то сказал, обращаясь к остальным. Те засмеялись с таким выражением на лицах, будто он рассказал им какой-то неприличный анекдот. Затем продолжили разговор.

Все время, пока Бонд шел обратно по туннелю, и потом, в кабинете Керима, когда Бонд рассказал ему об увиденном, он ломал себе голову, пытаясь понять ситуацию, в которой находилась Татьяна, но фактов для анализа почти не было.

...Татьяна Романова. Одна из Романовых. Да, она действительно походила на русскую принцессу — высокая, стройная, с поразительной грацией. Густые волосы падают на плечи. Прелестное лицо юной Греты Гарбо смотрит на мир с удивительно застенчивой безмятежностью. Поразительный контраст между невинным взглядом больших синих глаз и страстным обещанием красиво очерченных полных губ. А как она покраснела, как опустились длинные ресницы! Может быть, это стыдливость девственницы? Вряд ли. Во всей ее фигуре, высокой груди, в движениях бедер чувствовалась уверенность женщины, знающей о своей привлекательности.

Могла эта девушка влюбиться в его фотографию? Бонд не мог дать ответ на этот вопрос. Кто знает? Такая девушка способна на романтическое увлечение. Она наверняка мечтательна, и безжалостная машина МГБ, требующая безусловного повиновения, еще не успела выжечь человеческие чувства из ее души, а кровь Романовых побуждает стремиться к чему-то новому, не похожему на серых и скучных мужчин, окружающих ее.

Не исключено, что эта девушка говорила правду. По крайней мере, Бонду этого очень хотелось.

Зазвонил телефон.

— Ничего нового? — спросил Керим.

— Ничего.

— Тогда я приеду за тобой в восемь.

— Буду ждать.

Бонд положил трубку и начал медленно одеваться.

Да, Керим был непреклонен. Он знал, что Бонду хотелось остаться в гостинице,

в своей комнате, — на случай, если девушка захочет дать знать о себе. Когда он сказал об этом Кериму, тот возразил. Татьяна твердо заявила, что сама найдет Бонда, сказал он. Было бы ошибкой проявить нетерпение.

— Это психологически неверно, — убеждал он Бонда. — Женщины не любят, когда мужчины бегут к ним по мановению пальца. Татьяна будет презирать тебя, если ты окажешься слишком доступным. По твоей фотографии и досье у нее создалось впечатление, что твое поведение по отношению к ней будет подчеркнуто небрежным. Именно этого она и будет ждать. Ей хочется заставить тебя полюбить ее. — Керим подмигнул Бонду, — сорвать поцелуй с этих жестоких губ. Она влюбилась в твой образ. Постарайся оправдать его.

— Ну хорошо, Дарко, — пожал плечами Бонд. — Наверное, ты прав. Что ты предлагаешь?

— Продолжай жить, как ты жил раньше. Отправляйся в гостиницу, прими душ, выпей пару коктейлей — местная водка вполне прилична, если пить ее с тоником. Если ничего не произойдет, я приеду за тобой в восемь. Мы отправимся на ужин к моему другу-цыгану. Его зовут Вавра. Он — вождь местного племени цыган. Мне все равно нужно повидаться с ним сегодня вечером. Он — один из лучших моих агентов; и я поручил ему выяснить, кто прикрепил бомбу к стене моего кабинета. Юные цыганки будут увеселять нас танцами. Более интимных развлечений я бы тебе не рекомендовал. Тебе следует, так сказать, держать меч наготове.

Бонд улыбнулся, вспомнив разговор с Керимом, и в это мгновение зазвонил телефон: автомобиль прибыл и ждет его у подъезда.

Спускаясь по лестнице, Бонд почувствовал, что разочарован: ему хотелось, чтобы это был звонок Татьяны.

«Роллс-ройс» переехал узкую улицу в районе городских трущоб, когда шофер обернулся и что-то сказал Кериму.

Керим коротко ответил и пояснил Бонду:

— Он говорит, что у нас на хвосте сидит «ламбретта». Это один из «незаметных». Впрочем, неважно. Когда мне нужно, я легко отрываюсь от наблюдения. Нередко они часами ездят за автомобилем, где на заднем сиденье вместо меня находится манекен. Автомобиль, бросающийся в глаза, иногда очень полезен. Им известно, что этот цыган — мой друг, хотя они и не знают почему. Пусть думают, что мы решили поразвлечься сегодня вечером. В субботу, встретив англичанина, прилетевшего из Лондона, такое покажется им вполне естественным.

Бонд повернул голову и посмотрел назад. Из-за трамвая, стоящего на остановке, показался мотороллер и тут же скрылся за такси. Бонд подумал о том, что русские ведут разведывательную работу со своими огромными возможностями и неограниченными средствами, тогда как им противостоит секретная служба — всего лишь горсточка низкооплачиваемых, но преданных своему делу людей вроде Керима с его семьей и поддержанным «роллс-ройсом». И все-таки именно Керим обладает непререкаемым авторитетом в Турции и пользуется всеобщим уважением. Наверное, решил Бонд, хорошие кадры лучше большой и неплохо налаженной машины.

В половине девятого машина остановилась на склоне холма где-то в предместье Стамбула, у входа в скромное кафе на открытом воздухе. Позади кафе виднелись высокая каменная стена и верхушки деревьев. Они вышли на тротуар, и машина тут же уехала. Бонд ждал, что сейчас появится «ламбретта». Но он услышал, как осиный шум ее мотора стихает, исчезает где-то совсем вдалеке. Он успел только заметить, что за рулем сидел невысокий коренастый мужчина в защитных очках, закрывающих почти все лицо.

Керим пошел вперед, между столов, стоящих на тротуаре, и распахнул дверь. Внутри кафе было пустым и темным, но навстречу им тут же шагнул человек, держащий руку за спиной. Разглядев их, он нервно улыбнулся, толстый железный

прут с лязгом упал на каменный пол. Мужчина дал знак следовать за ним, подошел к массивной двери в стене, постучал и отпер замок. Затем жестом пригласил их войти.

За стеной простирался обширный сад с деревянными столами под кронами деревьев. В центре находился круглый помост для выступлений. За самым длинным столом, поодаль, сидело примерно двадцать человек самого разного возраста. Они ели, но, когда калитка в стене отворилась, все положили ножи на стол и повернулись в сторону пришедших. Дети, которые играли на траве возле стола, тоже замерли. Полная луна ярко освещала сад, и деревья отбрасывали на траву резкие тени.

Керим и Бонд направились к столу. Мужчина, сидевший во главе его, что-то коротко сказал остальным, встал и пошел навстречу Кериму. Сидящие за столом снова принялись за еду, а дети продолжили игру.

Мужчина остановился в нескольких шагах от Керима, сдержанно поздоровался с ним и начал что-то объяснять. Керим внимательно слушал его, время от времени задавая вопросы.

Цыган выглядел очень представительно в своей театральной одежде македонца — белой рубашке с длинными рукавами, шароварах и высоких ботинках из мягкой кожи, зашнурованных до самых колен. Его голову покрывала шапка спутанных кудрявых волос. Пышные, опускающиеся вниз усы почти закрывали полные красные губы. Холодные жестокие глаза, горбатый нос, изъеденный сифилисом. Правая рука с золотым кольцом на большом пальце покоилась на рукоятке изогнутого кинжала, серебряные ножны были украшены филигранной работой.

Цыган замолчал. Керим произнес несколько слов решительным и, по-видимому, одобрительным тоном. Затем показал в сторону Бонда, и цыган подошел к нему. Какое-то время он внимательно вглядывался в гостя, затем неожиданно поклонился. Бонд последовал его примеру. Цыган мрачно улыбнулся и бросил Кериму несколько слов.

— Он говорит, что если тебе понадобится работа, он возьмет тебя к себе, — засмеялся Керим. — Ты будешь умирять его женщин и убивать врагов. Для чужестранца это неслыханный комплимент. Скажи что-нибудь в ответ, Джеймс.

— Передай ему, что в этих делах ему вряд ли понадобится моя помощь.

Керим перевел слова Бонда. На лице цыгана появилась вежливая улыбка, он что-то произнес, повернулся и направился обратно к столу, резко хлопнув в ладоши. Откуда-то появились две женщины и подошли к нему. Цыган распорядился о чем-то. Женщины подошли к столу, взяли пустую глиняную миску и исчезли за деревьями.

Керим отвел Бонда в сторону.

— Мы пришли сюда в очень неудачное время, — сказал он. — Ресторан закрыт. В семье сейчас большие неприятности, которые родственники хотели бы уладить как можно быстрее в узком семейном кругу. Но я его старый и близкий друг, так что нас пригласили разделить трапезу. Приготовься, что пища будет отвратительной, но я послал за несколькими бутылками ракии. Затем нам позволят остаться, но при одном условии — что бы здесь ни произошло, мы не должны вмешиваться в события ни при каких обстоятельствах. Надеюсь, ты понимаешь меня? — Керим сильно сжал локоть Бонда. — Что бы ни произошло, ты не должен двигаться или делать замечания. Совет племени только что принял решение по спорному вопросу, и сейчас восторжествует справедливость. Их справедливость. А речь идет о любви и ревности. Две молодые цыганки влюбились в одного из сыновей главы племени. Обе поклялись: если он выберет одну из них, вторая убьет и сына вождя, и свою соперницу. Положение безвыходное, и совет долго обсуждал проблему. Принято такое решение: юношу отослали в горы, а девушки будут драться друг с другом насмерть. Сын вождя возьмет в жены победительницу. Сейчас обе девушки заперты в отдельных комнатах. Зрелище — не для слабонервных. Нам оказана редкая честь: ведь мы для них чужаки.

Итак, ты даешь слово, что забудешь правила хорошего тона? Если тебе вдруг придет в голову вмешаться, они убьют тебя и, возможно, меня тоже.

— Дарко, — сказал Бонд, — я не подведу тебя. Когда мужчина дерется с женщиной — это одно дело, но когда женщины дерутся между собой — совершенно другое. Но ведь ты хотел спросить его, кто подложил бомбу к стене твоего кабинета?

— Да, он сказал мне. Руководитель банды «незаметных». Причем сделал это своими руками. Они подплыли на лодке со стороны Золотого Рога, приставили лестницу, он поднялся по ней и прикрепил заряд к стене. Это была тщательно продуманная операция, и она удалась бы, но им просто не повезло. Этого человека зовут Криленку, он один из беженцев из Болгарии, местный гангстер. Мне придется свести с ним счеты. Не знаю, почему им вдруг понадобилось убивать меня, но я, естественно, не могу жить в ожидании смерти каждую минуту. Может быть, я займусь этим сегодня ночью. Мне известно, где живет Криленку. И я уже принял меры — на случай, если Вавра сообщит мне имя того, кто покушался на меня: я распорядился, чтобы шофер привез необходимое снаряжение, когда приедет за нами.

К ним подошла прекрасная молодая девушка, дикая и, свирепая красота которой удивительно гармонировала с этим племенем, обычаями, и низко поклонилась. При этом у нее на груди зазвенели многочисленные мониста из сотен золотых монет. Она что-то сказала, и Керим ответил.

— Нас приглашают к столу, — пояснил Керим. — Надеюсь, ты умеешь есть пальцами. Обрати внимание, все одеты сегодня очень нарядно. Эта девушка заслуживает того, чтобы на ней жениться. Она вся увешана золотом. Это ее приданое.

Они подошли к столу. Для них были приготовлены места — справа и слева от главы цыганского племени. Керим поприветствовал сидящих за столом. Мужчины вежливо кивнули. Керим и Бонд сели. Перед ними была поставлена большая глиняная миска с едой — что-то похожее на рагу, только сильно пахнущее чесноком, бутылка ракии, кувшин воды и дешевые бокалы. В середине стола стояло еще несколько бутылок. Когда Керим протянул руку и налил себе половину бокала, все последовали его примеру. Керим разбавил ракию водой и поднял бокал. Бонд поступил так же. Керим произнес короткий выразительный тост и выпил вместе со всеми. Атмосфера за столом стала более дружеской. Бонду передали длинный каравай хлеба. Он с благодарностью кивнул, отломил кусок и передал каравай Кериму. Керим взял хлеб, положил его на стол, пальцами выловил из миски большой кусок мяса и принялся жевать.

Бонд приготовился последовать его примеру и уже почти запустил в миску большой и указательный пальцы левой руки, как был остановлен резким замечанием Керима:

— Ешь только правой рукой, Джеймс! Левая рука у цыган служит для иной цели.

Рука Бонда повисла в воздухе, но, тут же изменив направление ее движения, он взял бутылку с ракией, налил себе еще половину бокала и принялся есть правой рукой. Рагу было поразительно вкусным, но очень горячим и всякий раз обжигало кожу пальцев. Бонд морщился. Сидящие за столом следили, как едят Керим и Бонд. Время от времени старуха, которая оказывалась рядом, окунала свои пальцы в миску Бонда, вылавливая оттуда особенно вкусный кусок и предлагала ему.

Когда миски опустели, для Керима и Бонда был поставлен серебряный таз с водой, в которой плавали лепестки роз. Рядом — чистое полотняное полотенце. Бонд вымыл пальцы и сальный подбородок, повернулся к главе племени и произнес короткую благодарственную речь. Керим перевел ее. За столом послышался гул одобрения. Глава цыганского племени наклонился к Бонду и сказал (переводил Керим), что он ненавидит всех чужаков, за исключением Бонда, которого считает своим другом. Затем он резко хлопнул в ладоши. Все встали, подняли стулья и

скамейки, на которых сидели, и принялись расставлять их вокруг танцевальной площадки. Керим подошел к Бонду.

— Ты не забыл, о чем мы говорили с тобой? Сейчас приведут девушек.

Бонд кивнул. Он наслаждался красотой вечера. Окружающая его экзотика была поразительна — полная луна, плывущая в безоблачном небе, ярко освещала темные фигуры цыган, расположившихся вокруг площадки. Лунный свет отражался от золотых монет на груди девушек, падал на темный круг помоста, на черные силуэты деревьев, охраняющих, подобно часовым, это ночное пиршество.

Керим подвел Бонда к скамейке, которую занимал только глава племени. Они сели справа от него.

Черный кот со сверкающими зелеными глазами не спеша пересек помост, прыгнул к детям, сидящим на противоположной его стороне, с достоинством сел и начал лизать себе грудь.

Где-то за высокой стеной раздалось ржание лошади, издалека донесся серебряный звон велосипедного звонка. Тишину нарушил звук отодвинутого засова. Дверь распахнулась, и две девушки, вцепившиеся друг в друга как разъяренные кошки, клубком выкатились в сад.

18. Сильные ощущения

Голос главы племени прозвучал подобно удару кнута. Девушки неохотно отошли друг от друга и повернулись к нему. Цыган заговорил резким тоном, будто обвиняя их в чем-то.

— Вавра говорит им, — прошептал Керим, прикрыв рот ладонью, — что они принесли раздор в их дружное цыганское племя, что ненависти среди соплеменников не должно быть и ненавидеть нужно только окружающий мир. Они должны искупить свою вину, чтобы племя снова стало дружным, и потому они будут драться друг с другом. Смерть одной из них унесет с собой рознь, но если побежденная все же уцелеет, она будет изгнана из племени. Это равносильно смерти. Вне племени цыгане не могут выжить. Для одинокого цыгана весь огромный мир — это тюрьма. Все равно, что посадить дикого зверя в клетку.

Слушая перевод Керима, Бонд разглядывал прекрасных диких девушек, стоящих в центре помоста и мрачно смотрящих вниз под ноги.

Обе были смуглыми, с жесткими черными волосами, падающими на плечи. Одеты в лохмотья. Одна — выше, крупнее и на вид явно сильнее соперницы. Но Бонд подумал, что вряд ли она сможет двигаться достаточно быстро. Девушка отличалась хищной красотой львицы, в глазах у нее горел красный огонь ненависти. Да, пожалуй, она все же одержит верх...

Если первая девушка напомнила Бонду львицу, то вторая скорее походила на пантеру — гибкая и быстрая, с хитрыми живыми глазами. Она то и дело оглядывалась по сторонам, готовясь к схватке. Пальцы рук были согнуты, как когти, на стройных ногах играли мышцы, сильные, как у мужчины. В отличие от полной, высокой груди первой девушки, ее груди были едва заметны под разорванным платьем. «Это действительно опасная сука, — решил Бонд. — Именно она нанесет первый удар».

И ошибся. Как только Вавра закончил говорить, высокая девушка (Керим прошептал, что ее имя Зора) резко ударила ногой в живот соперницы, и, когда та, сделав шаг назад, согнулась, Зора, сильно размахнувшись, ударила ее в висок. Девушка рухнула на пол.

— Ой, Вида! — донесся из толпы жалобный возглас. Женщине, которая вскрикнула, не следовало беспокоиться. Даже Бонду было понятно, что Вида, лежащая на полу, притворяется побежденной. Он видел, как сверкнули ее глаза,

когда Зора замахнулась ногой, чтобы ударить ее по ребрам, как схватила она эту ногу и быстрым змеиным движением головы ударила Зору в колено. Зора вскрикнула от боли и попыталась вырваться, но было уже поздно. Лежащая успела вскочить на ноги, не отпуская ноги Зоры, затем так резко повернула ее, что Зора с грохотом упала на пол.

Помост содрогнулся под тяжестью ее тела. Не давая ни на секунду опомниться оглушенной падением Зоре, Вида с животным криком бросилась на нее, царапаясь и кусаясь.

«Боже мой, — промелькнуло в голове Бонда, — она будто сошла с ума». Он услышал, как Керим, сидящий рядом, хрипло вздохнул.

Но высокая девушка смогла защититься локтями и коленями и отбросить Виду в сторону. Пошатываясь, она встала на ноги и наклонилась, вытянув руки вперед и оскалив зубы. Лохмотья слетели с ее тела, обнажилась великолепная грудь. Через минуту она бросилась в атаку. В последнее мгновение Виде удалось увернуться, и пальцы Зоры захватили только ее платье и разорвали его до пояса. Теперь шаг вперед сделала Вида, ее кулаки и ноги без устали наносили удары по телу высокой девушки.

Через несколько секунд стало ясно, что тактика ближнего боя оказалась ошибкой для Виды. Сильными руками Зора прижала руки соперницы к бокам: теперь она была скована сильными объятиями. Высокая девушка теперь уж точно одержит победу... Ей нужно было только повалить Виду на пол, так, чтобы та ударилась головой, и Зора может делать с ней все, что хочет. Но внезапно раздался пронзительный крик. Бонд видел голову Виды, тесно прижатую к груди Зоры, и то, как яростно она впиалась зубами в эту грудь.

Зора оттолкнула от себя маленькую девушку. Теперь они снова стояли друг против друга, потные и тяжело дышащие. По левой груди Зоры стекала струйка крови. Теперь уже обе были почти голые.

У Бонда захватило дыхание при виде двух блестящих от пота, обнаженных тел. Он почувствовал, как напряглось тело Керима. Цыгане, кольцом окружающие площадку, ставшую рингом, придвинулись к ней, казалось, еще ближе. Горячее прерывистое дыхание зрителей наполняло сад.

Первой в новую атаку бросилась Зора. И Вида на этот раз была готова отразить ее: правая нога маленькой девушки молниеносно выпрямилась и ударила Зору в пах. Когда та вскрикнула, схватившись за живот. Вида еще раз ударила Зору ногой и бросилась на согнувшуюся от боли девушку.

Возбужденное рычание толпы раздалось в тишине: Зора опустилась на колени, подняла руки, чтобы защитить лицо, но было уже слишком поздно — Вида всей тяжестью навалилась ей на спину и оскаленные белые зубы впились в незащищенную шею.

— Б-У-У-М!

Внезапно прогремевший где-то совсем рядом взрыв ошеломил цыган. Слепленный язык пламени рассек темноту позади танцевальной площадки, и осколок каменной стены пролетел рядом с Бондом. Сад стал наполняться бегущими со стороны стены людьми. Цыган, сидевший рядом, вскочил и бросился им навстречу, обнажив кинжал и вытянув его перед собой. За ним устремился Керим с пистолетом в руке. Пробегая мимо девушек на помосте, прервавших свою борьбу и уже изнемогающих от напряжения и усталости, цыган что-то резко крикнул им. Девушки исчезли в тени деревьев вслед за остальными женщинами и детьми.

Бонд сжал в руке «Беретту» и неуверенно пошел за Керимом к тому месту, где взрыв пробил в стене широкую брешь. Лишь когда он приблизился к месту уже начавшейся рукопашной схватки, ему удалось отличить нападающих, одетых в обычные темные костюмы, от цыган в их яркой живописной одежде. «Незаметных»

было, казалось, гораздо больше. Внезапно из толпы сражающихся мужчин отделился молодой цыган, обхвативший обеими руками живот. Неуверенными шагами он двинулся по направлению к Бонду, кашляя и отхаркиваясь кровью. Вдогонку за ним бросились с ножами в руках двое смуглых мужчин в темных костюмах.

Инстинктивно Бонд сделал пару шагов в сторону, поднял пистолет и дважды выстрелил, целясь нападающим в ноги. Те упали, будто споткнувшись, и неподвижно замерли на траве.

Потрачено два патрона. Осталось еще шесть.

Мимо уха Бонда просвистел нож. Бросивший его целился в Керима, выбежавшего из темноты и преследуемого сразу двумя противниками. Один из них поднял руку с ножом и приготовился к броску. Бонд выстрелил с бедра, не целясь. Человек упал. Другой повернулся и скрылся в тени деревьев. Керим опустился на колени рядом с Бондом, лихорадочно держа затвор своего пистолета.

— Прикрой меня! — крикнул он. — Заклинило при первом же выстреле! Эти проклятые гангстеры! Не понимаю, что они затеяли!

Жесткая рука, пахнувшая карболовым мылом и никотином, схватила Бонда за горло. Он был опрокинут на спину, на ребра обрушились удары тяжелых сапог. Бонд не исключал, что в следующее мгновение он получит удар ножом в бок. Но нападающие — их было трое — оставили его и бросились на Керима. Бонд с трудом поднял голову. Он увидел, что Керим рухнул на траву и почти скрылся под навалившимися на него черными фигурами.

Бонд заставил себя подняться на ноги, сделал шаг вперед и изо всех сил ударил рукояткой пистолета по коротко остриженному затылку. В это мгновение что-то сверкнуло рядом с ним: кинжал старого цыгана вонзился в спину другого гангстера. Третий вскочил и бросился бежать к пролому в стене. Там стоял мужчина, который размахивал руками и беспрестанно выкрикивал одно слово. Нападающие один за другим прекращали схватку, ныряли в пролом и исчезали за стеной.

— Стреляй, Джеймс, стреляй! — закричал Керим. — Это Криленку!

Пистолет Бонда выплюнул язык пламени. Но мужчина успел отпрянуть. Сделал несколько шагов и тоже исчез за высокой стеной. Да, тридцать ярдов — слишком большое расстояние для стрельбы из пистолета ночью. Из-за стены донесся осиный шум двигателей мотороллеров и вскоре затих вдали.

Наступившую тишину нарушали только стоны раненых. Бонд апатично смотрел на Керима в Вавру, которые возвращались от пролома в стене и по дороге останавливались около распростертых на траве тел, иногда переворачивали их ногами. Из темноты выбежали женщины и наклонились над ранеными.

Бонд недоуменно потряс головой. Что же произошло, черт побери? Убито не меньше дюжины людей. Ради чего? Если это покушение, то явно не на Бонда: когда его опрокинули на спину, ничего не стоило убить его. Но нападающие бросились на Керима. Это уже вторая попытка убить его. Может быть, нападение все-таки как-то связано с делом Татьяны Романовой?

Бонд повернул голову и дважды выстрелил, почти не целясь. Летящий нож рукояткой ударился в спину Керима и упал на траву. Бросавший медленно повернулся на месте, подобно танцору в балете, и упал вниз лицом. Да, и на этот раз Бонд выстрелил в последнее мгновение: лунный свет ярко сверкнул на лезвии поднятого для броска кинжала. Бонд успел заметить этот блеск металла. Керим наклонился и посмотрел на судорожно вздрагивающее тело.

— Ну как можно быть таким идиотом! — взорвался Бонд. — Неужели так трудно смотреть по сторонам! Тебе нужна нянька! — Бонд чувствовал, что это он навлек смертельную опасность на Керима, и его гнев был направлен против самого себя.

На лице Дарко Керима появилась неуверенная улыбка.

— Теперь уже поздно, Джеймс, — заметил он, пожимая плечами. — Ты слишком

часто спасаешь мне жизнь. Мы могли стать друзьями. Но пропасть между нами стала слишком широкой. Извини меня, но я никогда не смогу вернуть тебе этот долг.

— Не говори глупости, Дарко, — огрызнулся Бонд. — Просто я лучше ухаживаю за своим оружием, вот и все. Заведи себе другой пистолет, более надежный. И объясни мне, ради бога, что здесь сейчас произошло. Боже мой, сколько крови пролилось сегодня! Мне даже думать об этом страшно. Пошли, допьем нашу ракию.

Когда они подходили к столу, откуда-то из глубины сада донесся ужасный пронзительный крик. Рука Бонда вновь сжала рукоятку пистолета, но Керим покачал головой.

— Сейчас мы узнаем, зачем эти гангстеры напали на нас, — мрачно произнес он. — Мои друзья допрашивают одного из них. Но я и так догадываюсь. Боюсь, что Вавра никогда не простит мне этот вечер. Погибло пять его соплеменников.

— Вместо них могла погибнуть женщина, — сухо заметил Бонд. — По крайней мере, ты спас ей жизнь. Не валяй дурака, Дарко. Эти цыгане знали, на что идут, когда стали твоими агентами. — Бонд налил ракию в два бокала и добавил немного воды.

Они выпили. Из темноты появился старый цыган, вытиравший лезвие кинжала пучком травы, сел рядом с ними и взял из рук Бонда бокал с ракией. Казалось, он получил удовольствие от схватки. Цыган повернулся к Бонду и что-то сказал, торжествуя улыбаясь.

— Вавра говорит, что не ошибся в тебе, — усмехнулся Керим. — Ты умеешь убивать. Теперь он хочет, чтобы ты переспал с этими двумя девушками.

— Передай ему, что мне сейчас не справиться даже с одной. Объясни ему еще, что девушки очень красивы и я буду рад, если он удовлетворит мою просьбу и отменит продолжение схватки между ними. Сегодня погибло несколько мужчин его племени. Ему понадобятся женщины, чтобы рожать детей.

Керим перевел. Цыган посмотрел на Бонда с очевидным неудовольствием и что-то пробормотал.

— Он говорит, что тебе не следовало обращаться к нему с такой трудной просьбой. У тебя слишком мягкое сердце для настоящего мужчины. Но он пообещал сделать так, как ты хочешь.

Недовольный цыган не обратил внимания на благодарную улыбку Бонда. Он начал быстро говорить что-то Кериму, который внимательно слушал и иногда задавал короткие вопросы. Несколько раз прозвучало имя Криленку. Потом говорил Керим. В его голосе слышалось глубокое раскаяние, а когда цыган попытался прервать Керима, тот отказался слушать. Наконец Керим повернулся к Бонду.

— Слушай, мой друг, — начал он. — То, что произошло сегодня, — не поддается объяснению. Гангстерам был дан приказ убить Вавру и как можно больше его людей. Это понятно. Они знали, что цыган работает на меня. Здесь странно лишь одно — русские применили слишком уж крутые меры. Впрочем, когда заходит речь об убийстве, им не хватает артистичности. Они любят убивать как можно больше. Но вот слушай дальше. Им был дан приказ не причинять тебе вреда. Чтобы не произошло случайной ошибки, они получили твоё точное описание. Вот это тоже кажется очень странным. Хотели избежать дипломатического скандала? Кто знает? Нападение было хорошо продумано. Они кружным путем поднялись на вершину холма и затем спустились по дороге с выключенными двигателями, так что мы ничего не слышали. Это пустынное место, где никогда не бывает полицейских. Признаю свою вину: я не принял этих бандитов всерьез.

Керим выглядел несчастным и озадаченным. Он задумался.

— Уже полночь, — сказал он наконец. — «Роллс» ждёт нас. Перед тем как лечь спать, я должен сделать ещё кое-что. А сейчас нам нужно уезжать отсюда. Сегодня ночью немало трупов будет сброшено в Босфор. Кроме того, им нужно отремонтировать стену и заделать пролом. К утру не должно остаться никаких

следов происшедшего. Вавра желает тебе успеха. Он надеется, что ты когда-нибудь вернешься. Зора и Вида принадлежат тебе. Он отказался признать мою вину в случившемся. Сказал, чтобы я присылал ему побольше болгарских гангстеров. Сегодня цыгане убили десятерых и готовы убивать еще. А теперь попросаемся с ним. Мы хорошие друзья, но все-таки чужие. Кроме того, он не хочет, чтобы мы видели, как его женщины оплакивают погибших.

Керим протянул цыгану свою огромную руку. Вавра сжал ее и посмотрел ему в глаза. На мгновение глаза цыгана утратили обычную свирепость. Затем он выпустил руку Керима и повернулся к Бонду. Его сухая и жесткая рука напоминала лапу большого хищного зверя. Снова глаза Вавры на краткий миг словно покрылись какой-то непрозрачной пленкой, притушившей их обычный блеск. Он что-то резко и решительно произнес, обращаясь к Кериму, повернулся и пошел в сторону деревьев.

Никто не обратил внимания на Керима и Бонда, когда они пролезали через брешь в стене. Хорошо видимый в лунном свете «роллс-ройс» ждал их у входа в кафе. Рядом с шофером сидел молодой человек. Керим махнул рукой в его сторону.

— Это мой десятый сын. Его зовут Борис. Я думал, что он может понадобиться сегодня. Как видишь, я не ошибся.

Молодой человек повернул голову в сторону Бонда. «Добрый вечер, сэр», — вежливо произнес он. Бонд узнал в нем одного из служащих склада. Он был таким же смуглым и худощавым, как старший клерк, и у него тоже были синие глаза.

Автомобиль тронулся с места и плавно покатился по склону.

— На маленькую улочку рядом с Хипподром Скуэр — площадью Ипподрома, — по-английски сказал Керим шоферу. — Я покажу, где остановиться. Вы захватили мундиры и снаряжение?

— Да, Керим-бей.

— Отлично. Поехали побыстрее. Уже поздно, и всем нам пора спать.

Керим откинулся на мягкие подушки сиденья и закурил. Бонд смотрел в окно на проносящиеся мимо дома предместья. Большое расстояние от одного уличного фонаря до другого указывало на то, что это бедный район.

— Цыган сказал, что над нами расprostерты крылья смерти, — заметил Керим, нарушив длительное молчание. — По его мнению, мне следует остерегаться сына снегов, а ты должен опасаться человека, принадлежащего луне, — он рассмеялся. — Цыгане любят такой вздор и верят в него. Он заметил при этом, что Криленку не является одним из них. Это хорошо.

— Почему?

— Я не буду спокойно спать, пока не убью его. Мне неизвестно, имеет ли то, что происходит в течение нескольких последних дней, и то, что случилось сегодня, отношение к тебе и твоему делу. Но для меня это не имеет значения. По какой-то причине мне объявили войну. Если я не убью Криленку сейчас, он совершит третье покушение на мою жизнь и, несомненно, убьет меня. Так что нам вскоре предстоит встреча с ним — в Самаре.

19. Рот Мэрилин Монро

Автомобиль мчался вдоль пустынных улиц — мимо темных мечетей, минаретов, вонзающихся в ночное небо. Они проехали под разрушенным акведуком, пересекли бульвар Ататюрка, миновали ворота Центрального базара. У колонны Константина автомобиль свернул направо, в лабиринт узких извивающихся улочек, где пахло отбросами, и въехал наконец на длинную красивую площадь, украшенную тремя высокими каменными колоннами, вздымающимися к небу подобно космическим ракетам.

— Медленнее, — тихо скомандовал Керим. «Роллс-ройс» резко сбавил скорость

и покати́л вокруг площади. В конце длинной улицы, на восточной части площади, над мысом Сераглио мигал огромный желтый глаз маяка.

— Стоп!

Автомобиль остановился в густой тени деревьев. Керим взялся за ручку двери.

— Подожди нас в машине, Джеймс. Мы скоро вернемся. Садись на место водителя и, если подойдет полицейский, скажи ему: «Бен бей Керимин ортагийум». Сможешь запомнить? Это значит: «Я — знакомый Керим-бея». Тогда полиция оставит тебя в покое.

— Очень тебе благодарен, — буркнул Бонд. — Но я пойду с вами. Без меня с тобой обязательно что-нибудь случится. К тому же я не собираюсь сидеть в машине и бормотать полицейскому какие-то непонятные слова. Когда знаешь только одну — пусть очень важную фразу, у собеседника может создаться впечатление, что ты говоришь на этом языке. Полицейский начнет расспрашивать меня по-турецки и, когда я не отвечу ему, тут же заподозрит неладное. Не надо спорить, Дарко.

— Ну что же, только не обижайся, если тебе придется не по нраву то, что я намереваюсь сделать. Это будет обычное, заранее рассчитанное хладнокровное убийство. — Было видно, что Керим уступает Бонду очень неохотно. — В этой стране мы стараемся не тревожить спящих собак, но если одна из них просыпается и кусает тебя, ее надо убрать. Так что не думай, что станешь свидетелем дуэли. Это тебя устраивает?

— Вполне, — кивнул Бонд. — Если ты промахнешься, у меня осталась еще одна пуля.

— Тогда пошли, — согласился Керим. — Нам предстоит неблизкий путь. Эти двое пойдут другой дорогой.

Керим взял из рук шофера длинную трость и кожаную сумку, перекинул их через плечо и направился в сторону маяка, мигающего желтым светом. Бонд последовал за ним. Их шаги гулко раздавались в тишине. На пустынной улице не было ни души. Не было даже кошек, и Бонд подумал: как хорошо, что он не один идет по этой безлюдной ночной улице навстречу воспаленному глазу маяка.

С того самого момента, когда он прилетел в Стамбул, в нем крепло убеждение, что с наступлением темноты даже городские камни здесь начинают источать ужас. Казалось, что в городе, на протяжении многих веков купающемся в крови и насилии, с наступлением ночи улицы населяют призраки мертвых. Инстинкт подсказывал ему, что, если удастся выбраться из Стамбула живым, он должен считать себя счастливчиком.

Они подошли к узкому, зловонному переулку, круто спускающемуся по склону холма. Керим повернул в него и медленно, рассчитывая каждый шаг, пошел по булыжной мостовой.

— Смотри под ноги, — прошептал он. — Отбросы — это вежливое название того, что выбрасывают на улицу мои очаровательные соотечественники.

Луна сияла белым светом над влажной рекой булыжников, спускающихся круто вниз. Бонд старался дышать ртом. Он осторожно ступал всей подошвой, стараясь закрепиться на этой скользкой тропе и для страховки согнув колени, будто спускался по снежному склону. Он подумал о своей постели в гостинице, комфортабельном сиденье автомобиля, стоявшего сейчас в тени ароматно пахнущих лип. Интересно, сколько еще отвратительных впечатлений предстоит ему испытать при выполнении этого задания?

Они дошли до самого конца переулку и остановились. Керим повернулся к нему и, широко улыбнувшись, показал рукой в сторону огромного темного здания: «Мечеть султана Ахмета. Знаменитые византийские фрески. Ты уж извини, что у меня не было времени показать тебе все достопримечательности». Не ожидая ответа Бонда, он свернул направо и пошел вдоль пыльного бульвара с дешевыми магазинами по

обеим его сторонам. Вдали поблескивала поверхность Мраморного моря. Так они шли минут десять. Молча, не глядя по сторонам. Наконец Керим остановился и притянул Бонда в тень.

— Нам предстоит несложная операция, — тихо сказал он. — Криленку живет вон там, рядом с железнодорожным полотном, в сарае за рекламным щитом. В сарай ведет только одна дверь. Но через заднюю стену есть ход, заканчивающийся люком в рекламном щите. Криленку думает, что его потайной ход никому не известен. Мои люди сейчас подойдут к сараю и постучат в переднюю дверь. Криленку попытается уйти через люк, и в этот момент я застрелю его. Понятно?

— Полагаюсь на тебя.

Они прошли по бульвару, вплотную прижимаясь к стене. На перекрестке улиц стоял огромный рекламный щит, футов двадцать высотой. Луна была позади щита, и рекламу на нем было трудно разглядеть. Теперь Керим шел осторожнее, выбирая место, куда поставить ногу. Примерно в сотне ярдов от огромного щита дома кончились, и лунный свет заливал открытое пространство. Керим остановился в тени последнего дома и дал знак Бонду, чтобы тот встал рядом.

— Надо подождать, — прошептал Керим.

Бонд слышал каждое движение Керима. Тот отстегнул крышку кожаной сумки, замок щелкнул, и Керим сунул в руку Бонду длинный цилиндр, расширяющийся на обоих концах, длиной в два фута.

— Немецкий оптический прицел, — прошептал Керим на ухо Бонду. — Работает в инфракрасных лучах — прибор ночного видения. Посмотри на рекламный щит. Обрати внимание на лицо, изображенное там: под самым носом — замаскированный люк.

Бонд оперся локтем о стену и, приложив прицел к правому глазу, повернул винт фокусировки. В поле зрения показалось огромное женское лицо и какие-то буквы. Медленно смещая объектив прицела, Бонд прочитал надпись: «Ниагара. Мэрилин Монро и Джозеф Коттен». Он опустил объектив ниже, к огромному носу, к соблазнительно изогнутым губам и, напрягая зрение, увидел едва заметные очертания прямоугольника в верхней губе актрисы. Расстояние от люка до тротуара было немалым.

Сзади послышалось несколько щелчков. Как Бонд и предполагал, трость Керима была ни чем иным, как винтовкой, причем ручка трости служила прикладом и затвором одновременно. На месте резинового наконечника торчал глушитель.

— Ствол от нового винчестера, — с гордостью прошептал Керим. — Рассчитан на патрон калибра 0,308. В обойме три патрона. Дай прицел. Я хочу сориентироваться и быть наготове до того, как мои люди постучат в дверь сарая. Ты не будешь возражать, если я воспользуюсь твоим плечом вместо упора?

— Пожалуйста, — Бонд передал Кериму оптический прицел. Керим закрепил его на стволе винтовки и положил ее на плечо Бонда.

— А вот и он, — прошептал Керим. — Точно в том месте, где сказал Вавра.

В это мгновение на перекрестке показались два полицейских. Бонд замер.

— Все в порядке, не беспокойся, — раздался шепот Керима. — Это шофер и мой сын, — он сунул в рот два пальца и как-то странно свистнул: свист был очень низким по тону и, как показалось Бонду, едва слышным. Один из полицейских поднял руку к лицу. Затем оба повернулись и пошли дальше, громко стуча сапогами по мостовой.

— Еще несколько минут, — прошептал Керим. — Им нужно обойти рекламный щит сзади. — Бонд почувствовал, как тяжелый ствол винтовки лег ему на плечо.

Ночную тишину нарушил резкий металлический звук, донесшийся из сигнального ящика, расположенного рядом с железной дорогой. Стрелка семафора опустилась, среди созвездия красных огней вспыхнул зеленый. Вдалеке, где-то у

мыса Сераглию, послышалось тяжелое пыхтение локомотива. Поезд приближался. Уже можно было различить звон буферов плохо сцепленных грузовых вагонов. Слева показался желтый свет прожектора, установленного на паровозе, и из-за поворота выполз весь состав.

С пыхтением и лязгом поезд медленно продолжал свой стомильный путь к греческой границе. Тяжелое облако дыма, поднимающееся из паровозной трубы, окутывало весь состав. Показался красный фонарь на последнем вагоне и скрылся, и шум локомотива стал исчезать вдали. Прозвучало два резких протяжных гудка — машинист предупреждал маленькую станцию Буют, в миле отсюда, о приближении поезда.

Бонд почувствовал, что ствол вдавился ему в плечо. Он напряженно вглядывался в темноту, пытаясь разобраться, что происходит в тени рекламного щита. В центре его стал виден темный квадрат.

Над ухом Бонда прошелестел хриплый шепот: «Вот он, вылезает».

В темном квадрате показалась черная тень человека, который повис на руках, держась за край люка, затем разжал руки и упал вниз, мягко приземлившись на тротуар. Корабль, плывущий по Босфору, заревел в ночи, как проснувшийся в клетке зверь. Бонд почувствовал, как по его лбу пробежала струйка пота. Человек встал, выпрямился и сделал шаг вперед. Ствол винтовки еще больше вдавился в плечо Бонда и медленно поворачивался.

«Как только Криленку подойдет к краю тени, — подумал Бонд, — он тут же бросится бежать». Точно. Человек наклонился вперед и приготовился пересечь пустынную улицу, залитую лунным светом. Он вышел из-под прикрытия тени: вот показалась нога, опущенное (чтобы придать рывку дополнительное ускорение) плечо...

Звук, раздавшийся у самого уха Бонда, напоминал удар топора, вонзившегося в ствол дерева. Человек рухнул на мостовую, вытянув перед собой руки и ударившись головой о камни.

Рядом звякнула пустая гильза, выброшенная из патронника. Щелчок затвора, загнавшего в канал ствола свежий патрон...

Пальцы лежащего зашевелились, царапая мостовую, ноги дернулись — и он замер. Тело совершенно неподвижно.

Керим удовлетворенно буркнул что-то и убрал ствол винтовки с плеча Бонда. Потом начал разбирать винтовку и укладывать оптический прицел в кожаную сумку.

Бонд отвел взгляд от темной фигуры, распростершейся на мостовой, фигуры, которая только что была человеком, а сейчас превратилась в холодеющую плоть. На миг его охватило чувство протеста против этой жизни, заставившей его, Бонда, стать свидетелем холодного убийства. Это возмущение не было направлено против Керима, на которого убитый покушался дважды. По сути дела, это была дуэль, длившаяся долгое время, в течение которого Криленку стрелял в Керима дважды, тогда как тот ответил лишь одним выстрелом. Керим оказался умнее и хладнокровнее, да и счастье было на его стороне. Но сам Бонд никогда не убивал бесстрастно и равнодушно, поэтому мысль о том, что он оказался невольным свидетелем — и соучастником — такого убийства, вызвала у него отвращение.

Керим молча положил руку ему на плечо, и они пошли обратно.

— Жизнь и смерть неразрывно связаны, мой друг, — Керим словно читал мысли Бонда. — Иногда ты превращаешься в орудие смерти. Мне не жаль этого человека, равно как я не испытываю жалости к русским, которых мы видели сегодня. Это жестокие люди. К ним нельзя обращаться с просьбой о милосердии: такое им непонятно. От них можно только требовать, и, если сила на твоей стороне, они уступят. Жаль, что ваше правительство не понимает этого.

Теперь они поднимались по узкому переулку, круто идущему вверх. В

пространстве между двумя рядами домов царил ужасная вонь. Выйдя из переулочка, они остановились передохнуть и потом медленно пошли к деревьям на площади Ипподрома.

— Скажи, ты простил меня? — Это был странный вопрос, который трудно было ожидать от человека, привыкшего к риску и жестокости.

— За что? Ведь ты выполнял свою работу. Наоборот, я поражен блестящей организацией, которую ты создал. Это мне нужно просить у тебя прощения. Я принес тебе массу неприятностей, и ты быстро справился с ними, предоставив мне роль стороннего наблюдателя. К тому же мое собственное задание не сдвинулось с места. М. будет недоволен. Может быть, в гостинице я что-то узнаю.

Но когда «роллс-ройс» остановился у входа в гостиницу и Керим зашел в вестибюль вслед за Бондом, у порога не было никаких новостей.

— Не расстраивайся, мой друг. — Керим ободряюще похлопал Бонда по спине. — Надежда — это превосходный завтрак. Потерпи. Утром я пришлю за тобой машину, и мы придумаем, как лучше провести время. Почисти оружие и ложись спать. Мы оба заслужили сегодня отдых.

Бонд поднялся по лестнице, открыл дверь номера и запер ее за собой. Сквозь раздвинутые шторы в комнату лились потоки лунного света. Он подошел к столу, включил лампу с розовым абажуром, разделся, прошел в ванную и несколько минут стоял под душем. Как много событий произошло четырнадцатого августа по сравнению с пятницей тринадцатого числа! Он почистил зубы, выключил в ванной свет, вернулся в спальню и широко распахнул окно. Прохладный ночной ветерок приятно ласкал его обнаженное тело. Бонд посмотрел на часы. Уже два.

Он закрыл окно, наклонился, чтобы выключить настольную лампу, и внезапно замер — из глубины комнаты донесся сдавленный женский смех: «Бедный мистер Бонд! Вы, наверное, устали. Ложитесь спать».

20. Черное на розовом

Бонд мгновенно обернулся в сторону кровати, но его глаза еще ничего не видели в темноте. Сделав несколько шагов, он включил ночник на тумбочке: розовый свет вырвал из темноты очертания стройного женского тела, укрытого простыней. Волна каштановых волос лежала на подушке. Лицо тоже было закрыто и над простыней виднелись только кончики пальцев, сжимающих ее.

Бонд коротко засмеялся. Он протянул руку, схватил пучок волос и потянул. Из-под простыни донесся протестующий возглас. Через несколько мгновений оттуда выглянул большой синий глаз.

— Вы неприлично выглядите, — приглушенно прозвучало из-под простыни.

— Вот как? А вы? И как вы попали ко мне в кровать?

— Спустилась по лестнице. Я живу в этой же гостинице двумя этажами выше. — Голос был низким и приятным. Акцента почти не чувствовалось.

— Ну что ж, тогда я ложусь спать.

Простыня тут же опустилась до уровня подбородка, и девушка приподнялась на подушке, покраснев от смущения.

— Нет, нет. Только не в эту кровать.

— Но это моя кровать. Да и вы сами пригласили меня, — Бонд посмотрел на нее изучающим взглядом: лицо было действительно прелестным.

— Но это просто так, к слову пришлось. Мне хотелось напомнить о своем существовании и представиться.

— Рад познакомиться с вами. Меня зовут Джеймс Бонд.

— Меня — Татьяна Романова. Друзья зовут меня Таня.

Наступила тишина. Они разглядывали друг друга — девушка с любопытством и

очевидным облегчением, Джеймс Бонд — с подозрением.

Девушка первой нарушила молчание.

— Вы очень похожи на свои фотографии, — сказала она и снова покраснела. — Прошу вас, наденьте что-нибудь. Вы не даете мне собраться с мыслями.

— А вы — мне. Ничего не поделаешь. Мы — мужчина и женщина. Если я лягу рядом с вами, необходимость в одежде исчезнет. Между прочим, а во что вы сами одеты?

Она опустила простыню чуть ниже и дотронулась до черной бархатной ленточки вокруг шеи: «Вот в это».

Бонд посмотрел в дразнящие синие глаза, будто спрашивающие, достаточной ли одеждой является узкая ленточка на шее. Он чувствовал, что теряет над собой контроль.

— Черт побери, а где ваша одежда? Вы так и спускались по лестнице с одной ленточкой на шее?

— О нет! Это было бы неприлично. Я спрятала платье и белье под кровать.

— Если вы думаете, что вам удастся сейчас уйти из комнаты, уйти просто так...

Бонд не договорил, встал с кровати, подошел к шкафу и надел темно-синюю шелковую пижаму.

— Неэтично делать такие намеки...

— Неужели? — саркастически улыбнулся Бонд, придвигая стул к кровати. — Тогда я скажу вам что-то действительно этичное. Вы — одна из самых красивых женщин в мире.

Девушка снова залилась краской.

— Вы действительно так считаете? По-моему, у меня слишком широкий рот. Я такая же красивая, как девушки на Западе? Однажды мне сказали, что я похожа на Грету Гарбо. Это правда?

— Вы красивее ее, — заверил Бонд. — Ваше лицо светится. И рот совсем не слишком широкий, вам очень идет именно такой. По крайней мере, мне он нравится.

— Что это значит — «лицо светится»? Что вы хотите сказать этим?

Бонду хотелось сказать, что она совсем не похожа на русскую шпионку: в ней нет хладнокровия, необходимого для этой профессии, нет расчетливости, а есть радость жизни, и глаза лучатся теплом.

— У вас веселый и радостный взгляд, — сказал он несколько неловко.

— Вот как? — Лицо Татьяны стало серьезным. — У нас в России мало радости и веселья. Об этом редко кто говорит.

«...Веселье? В моем взгляде? Как я могу выглядеть радостной после всего, что произошло за последние два месяца», — подумала она. Впрочем, на душе у нее и впрямь было легко. Может быть, она легкомысленна по природе? Или причина заключается в этом мужчине, первая встреча с которым принесла чувство облегчения, сменившее мучительные раздумья о предстоящем испытании? Все оказалось куда проще, чем она предполагала. И сам Джеймс Бонд искренний и простой, с таким мужественным лицом. Поймет ли он и простит ее, если она расскажет, что ее послали соблазнить его? Может, он не придаст этому большого значения? В конце концов она не собирается причинить ему никакого вреда. Ей просто нужно с его помощью попасть в Англию. Попасть в Англию и сообщить в Центр, выполнить свое задание. «Ваше лицо светится!» Может быть, это так и есть? Ее охватило удивительное, ни с чем не сравнимое чувство свободы, радости от того, что она наедине с мужчиной, — таким, как Джеймс Бонд, — что она не понесет за это никакого наказания. Это такое волнующее, такое пьянящее чувство!

— Вы очень привлекательны, — сказала она, пытаясь отыскать какое-нибудь сравнение, которое могло бы доставить ему удовольствие. — Как герой американского кино...

Гримаса отвращения, появившаяся на лице Бонда, озадачила и огорчила девушку.

— Боже мой, Таня! Худшего оскорбления вы просто не могли придумать!

Девушке захотелось исправить свою ошибку, но как странно: ей казалось, что все мужчины на Западе стремятся походить на кинозвезд.

— Простите меня, — сказала она извиняющимся тоном. — Мне хотелось сказать вам что-то приятное. Говоря по правде, вы очень походите на моего любимого героя из книги русского писателя Лермонтова. Когда-нибудь я расскажу вам о нем.

Когда-нибудь! Бонд решил, что пора переходить к делу.

— Послушайте, Таня, — начал он, стараясь не смотреть на прелестное лицо, обрамленное каштановыми волосами. — Давайте кончим глупости и займемся серьезными вещами. Что все это значит? Вы действительно хотите ехать со мной в Англию? — Он взглянул ей прямо в глаза, и она ответила ему тем же.

— Ну конечно!

— Вы уверены в этом?

— Уверена. — Бонд не сомневался, что она кончила флиртовать и говорит правду.

— И вы не боитесь?

По ее лицу промелькнула тень, но он не придавал этому значения. А Таня просто вспомнила, что не должна выходить за рамки своей роли: ей нужно было сыграть, что она испугана, очень испугана. Но как не хотелось ей сейчас играть эту роль...

— Да, я очень боюсь. Но теперь, когда вы со мной, мне не страшно. Вы защитите меня.

— Ну конечно, можете на меня положиться. — Бонд подумал было о ее родственниках, оставшихся в далекой России, но тут же выбросил эту мысль из головы. Разве ему хочется отговорить ее?

— У вас нет никаких оснований для беспокойства. Я не буду спускаться с вас глаз. — Бонд никак не мог заставить себя задать главный вопрос. Чувство ужасного смущения охватило его. Девушка оказалась совсем не такой, как он себе ее представлял. Но он обязан спросить.

— А как относительно шифровальной машины?

В глазах Тани отразилась нескрываемая боль. Она потянула простыню наверх и закрыла половину лица.

— Значит, именно это вам нужно?

— Послушайте, Таня! (...Черт побери, как это жестоко с моей стороны!)... Машина не имеет никакого отношения к нам. Но мое начальство в Лондоне не прочь взглянуть на нее, — он вспомнил, что не следует подчеркивать, насколько сейчас это важно. — Шифровальная машина не имеет такого уж большого значения. Мы все о ней знаем. Это отличное изобретение русских, и нам просто хочется скопировать ее, как вы копируете иностранные аппараты и все остальное. — Боже мой, как все это глупо!

— Вы обманываете меня, — синие глаза были полны слез.

Бонд положил руку на плечо Тани. Она резко отстранилась.

— Пропавши она пропадом, эта проклятая машина! — с досадой воскликнул Бонд. — Я просто хочу, Таня, чтобы вы поняли меня. Мне дано такое задание, и я должен передать в Лондон ваш ответ. Просто скажите «да» или «нет», и мы больше не будем говорить об этом. У нас много других забот — и прежде всего нужно подумать о том, как вернуться в Англию...

Татьяна вытерла глаза уголком простыни. Господи, она дала волю чувствам, забыв о том, что поручено сделать. Но так хотелось, чтобы он сказал, что машина не имеет для него никакого значения и он приехал только за ней... Впрочем, разве

можно рассчитывать на это: ему так же, как ей, дано задание.

— Я принесу ее с собой, — ответила она уже спокойно. — Не беспокойтесь, — девушка приподнялась на подушке. — Мы должны уехать сегодня вечером. Это моя единственная возможность. У меня ночное дежурство с шести вечера. Когда все уйдут домой, я смогу вынести с собой «Спектр».

Бонд лихорадочно думал о том, где ему спрятать девушку. Как затем вылететь первым же самолетом, пока не будет замечено русскими исчезновение шифровального аппарата? Все это очень опасно. Русские не остановятся ни перед чем, чтобы вернуть «Спектр»: могут устроить засаду на шоссе, ведущем в аэропорт, могут подложить в самолет взрывное устройство.

— Ну что ж, Таня, это просто великолепно. Мы спрячем вас в надежном месте и на следующее утро вылетим самолетом.

— Не говорите глупостей. — Ее заранее предупредили, что именно здесь могут появиться сложности и ей необходимо убедить его принять ее условия. — Мы отправимся поездом — на «Восточном экспрессе» — сегодня в десять вечера. Неужели вы думаете, что я не рассчитала все до мельчайших подробностей? Я не хочу оставаться в Стамбуле ни одной лишней минуты. На рассвете поезд пересечет границу. Вам нужно достать билеты и паспорт. Я поеду как ваша жена. — Девушка посмотрела на Бонда со счастливой улыбкой. — Я мечтаю о том, что мы будем одни в роскошном купе, о которых я столько читала. Вроде маленького домика на колесах. Днем мы будем разговаривать друг с другом и читать, а ночью вы будете стоять в коридоре у двери и сторожить меня.

— Этого мне еще не хватало! — возразил Бонд. — То, что вы предлагаете, Таня, — безумие. Они обязательно где-нибудь перехватят нас. «Восточный экспресс» идет до Лондона четверо суток. Нужно придумать что-то другое.

— Нет, — решительно сказала девушка. — Я поеду только поездом. Как нас перехватят, если мы проявим осторожность? И откуда им станет известно, что мы поехали поездом?

«...Боже мой, — думала она, — почему они так настаивали на поезде?» Но приказ не обсуждают, и к тому же у нее будет четверо суток, чтобы заставить его влюбиться. А потом, когда они приедут в Лондон, все будет просто. Джеймс Бонд защитит ее. Если же они отправятся в Англию самолетом, то сразу же после приземления ее ждет тюрьма. Ей самой необходимы эти четверо суток. Да, ее предупредили, что на поезде будут люди, которые не допустят, чтобы они с Бондом где-нибудь вышли. Так что исполняй приказ и не рассуждай! Господи, о Господи! Но ей действительно так хотелось провести четыре дня в домике на колесах наедине с этим мужчиной. Как странно: сначала это было заданием — стать для Бонда близким человеком, но теперь превратилось в ее самое страстное желание...

Таня смотрела на задумавшегося Бонда. Ей хотелось коснуться его плеча и объяснить, что это всего лишь невинная «конспирация», цель которой — ее приезд в Англию, что им ничто не угрожает.

— Мне все-таки кажется, что это безумие, — покачал головой Бонд. Интересно, как М. будет реагировать на это? Впрочем, идея может оказаться неплохой. Паспорта для нас готовы. Только не думайте, что мы поедem через Болгарию. Несколько вагонов идут транзитом через Белград, и мы поедem через Югославию. Иначе мне может показаться, что вы хотите похитить меня.

— Конечно, хочу! — засмеялась Таня. — В этом дело!

— Помолчите, Таня. Нужно все обдумать и тщательно подготовиться. Я куплю билеты и попрошу одного из наших людей сопровождать нас. Это мой хороший друг. Уверен, что он вам понравится. Ваше имя — Кэролайн Сомерсет. Не забудьте его. Как вы собираетесь приехать на станцию?

— Кэролайн Сомерсет, — задумчиво повторила девушка. — Красивое имя. А вы

— мистер Сомерсет? Неплохо! Не беспокойтесь обо мне. Я приеду на станцию Сиркечи перед отправлением поезда. Так что все в порядке.

— Ну а вдруг вы испугаетесь? Вдруг вас схватят? — Уверенность девушки вызвала подозрительность у Бонда. — Почему вы так спокойны?

— До встречи с вами я боялась. Теперь — нет, не испугаюсь. И они не схватят меня. Я оставлю все свои вещи дома и возьму с собой на дежурство маленькую сумку, как всегда. Вот только не могу заставить себя бросить меховую шубку. Я очень люблю ее. Но уже воскресенье, и я придумаю повод одеться понаряднее. Сегодня вечером в половине десятого, я выйду из дома, где расположено консульство, возьму такси и приеду на станцию. А теперь перестаньте хмуриться и выглядеть озабоченным. Скажите мне, что вы счастливы.

Бонд сел на край кровати, взял руку Татьяны и заглянул ей в глаза. «Боже мой, как мне хочется, чтобы наш безумный план осуществился. Неужели эта прелестная девушка обманывает меня, и она совсем не та, за кого себя выдает? Но как сияют глаза! Нет-нет, она не может лгать».

Татьяна обняла Бонда за шею и потянулась к нему. Бонд наклонился, поцеловал девушку и вплотную пододвинулся к ней. Левая рука его легла на грудь Татьяны, и он почувствовал, как напряглось все ее тело. Бонд медленно вел рукой по ее животу, все ниже и ниже. Ноги женщины раздвинулись, она застонала и прижалась к нему еще теснее.

Бонд рывком сбросил простыню на пол. На обнаженном теле девушки была только уже знакомая Бонду ленточка на шее и черные шелковые чулки...

Они не знали, что в крошечной комнате над ними скрыта наблюдательная щель, искусно замаскированная зеркалом в позолоченной раме, висевшим над кроватью. В этой комнате уже давно сидели два фотографа из СМЕРШа — как не раз сидели здесь друзья хозяина гостиницы, который для развлечения приглашал их понаблюдать за первой ночью новобрачных. Видоискатели бесстрастно ловили причудливые переплетения двух нагих тел, их игру и любовные объятия; стрекотали моторы кинокамер, фиксирующих каждое движение мужчины и женщины. Из груди фотографов вырывалось хриплое дыхание. Пот градом катился по их возбужденным лицам, на дешевые воротники рубашек, давно ставшие мокрыми.

21. Восточный экспресс

Три раза в неделю «Восточный экспресс» отправляется из Стамбула в Париж, покрывая по сверкающим стальным рельсам путь в полторы тысячи миль.

Как всегда, под ярким светом дуговых ламп во главе состава стоял длинный немецкий локомотив, который пыхтел, как дракон, умирающий от астмы. Казалось, что на каждый вздох машина тратит последние силы. Но следовал еще один, потом еще. Струйки пара, время от времени окутывающие состав, поднимались вверх и исчезали в теплом августовском воздухе. «Восточный экспресс» был единственным поездом, который готовился к отправлению в гигантском ангаре центральной железнодорожной станции Стамбула. Остальные составы стояли без паровозов, пустые и заброшенные — ждали наступления утра. Лишь возле «Восточного экспресса» сутились те, кто готовил рейс в далекое путешествие.

Вдоль темно-синего вагона тянулись сверкающие бронзовые буквы:

COMPANIE INTERNATIONALE DES WAGON-LITS ET DES GRANDS EXPRESS EUROPEENS.

Над ними — эмалированная табличка с надписью на белом фоне: «ВОСТОЧНЫЙ ЭКСПРЕСС», под ней шло перечисление городов, через которые шел поезд:

СТАМБУЛ САЛОНИКИ БЕЛГРАД ВЕНЕЦИЯ МИЛАН ЛОЗАННА ПАРИЖ

Джеймс Бонд рассеянно смотрел на эту, такую романтическую, надпись. Вот уже который раз он нетерпеливо поглядывал на часы. 8:51. Куда она запропастилась? Он достал платок и вытер лицо. Неужели схвачена? Или передумала? А может быть, вчера вечером — или, вернее, сегодня утром, — он, как мужчина, не оправдал ее ожиданий?

8:55. Медленное пыхтение локомотива стихло, затем раздалось шипение — автоматический клапан выпустил лишний пар. В сотне ярдов от Бонда начальник станции поднял руку, подавая сигнал машинисту и кочегару, и медленно пошел вдоль поезда, закрывая двери вагонов третьего класса. Пассажиры, главным образом крестьяне, возвращающиеся обратно в Грецию после пары дней, проведенных с родственниками, через открытые окна переговаривались с теми, кто их провожал.

Впереди, там где виднелось черное ночное небо с яркой луной и сверкающими заездами, красный огонь светофора сменился на зеленый. Начальник станции подходил все ближе и ближе. Проводник спального вагона, одетый в коричневую форму, коснулся плеча Бонда. «Поднимитесь в вагон, сэр», — сказал он по-французски. Два богатых турка поцеловали своих любовниц. — «Да, они слишком красивы, чтобы быть женами», — подумал Бонд, — и поднялись внутрь. Из пассажиров спального вагона на перроне остался один Бонд. Проводник неприязненно оглянулся на высокого англичанина, поднял и закрепил нижнюю железную ступеньку, поднялся на площадку.

Начальник станции решительными шагами прошел мимо Бонда, который в последний раз посмотрел в конец поезда. Нет, там не было видно спешащей фигуры. Минутная стрелка огромных электрических часов под самой крышей станции перескочила еще через одно деление и остановилась на цифре девять.

В вагоне над головой Бонда открылось окно. Он взглянул вверх. Она! Правда, ячейки черной вуали, закрывающей лицо Татьяны, слишком широки: ее попытка замаскировать прекрасные губы и сияющие синие глаза — безуспешна.

— Быстрее, сейчас отправляемся!

Поезд двинулся с места. Бонд протянул руку, схватил проплывающий поручень и рывком взлетел на площадку. Проводник все еще держал дверь открытой.

— Мадам опаздывала, — сказал проводник. — Она прошла, должно быть, через несколько вагонов.

Бонд направился к купе в центре вагона. На ромбовидной белой табличке виднелись цифры "7" и "8". Дверь была приоткрыта. Бонд вошел в купе и захлопнул дверь. Девушка уже сняла черную шляпку и вуаль. Под длинным распахнутым мантио из соболя виднелось шелковое платье с плиссированной юбкой, светло-желтые нейлоновые чулки, черный пояс и туфли из крокодиловой кожи. Татьяна счастливо улыбалась.

— Джеймс, ты не поверил мне?

Бонд опустился на банкетку рядом с ней.

— Таня, — сказал он, — если бы здесь было больше места, я положил бы тебя к себе на колени и как следует отшлепал. У меня чуть не случился сердечный приступ. Что произошло?

— Ничего, — Татьяна посмотрела на него невинными глазами. — Что могло произойти? Я обещала приехать к отходу поезда и приехала. Просто ты мне не поверил. Я, конечно, не сомневаюсь, что тебя больше интересует мое приданое. Вот оно.

Бонд взглянул в угол купе. На багажной полке, рядом с его чемоданом, лежали две небольшие сумки. Он взял девушку за руку: «Боже мой, как я рад, что с тобой ничего не случилось!»

Выражение его глаз убедило девушку, что он беспокоится о ней больше, чем о шифровальном аппарате. Она успокоилась и, не отпуская руку Бонда, опустилась

рядом с ним на банкетку.

Постукивая на стыках, поезд медленно огибал мыс Сераглио. Всплески огня на вершине маяка освещали полуразвалившиеся строения, вытянувшиеся вдоль железнодорожного полотна. Бонд закурил. Скоро они будут проезжать мимо огромного рекламного щита, за которым жил Криленку — менее двадцати четырех часов назад. Перед мысленным взглядом Бонда мгновенно пробежала цепь происшедших событий: пустынные улицы, ярко освещенные лунным светом, перекресток, убийцы, замершие в тени домов, и приговоренный к смерти человек, пытавшийся спастись через люк, так ловко замаскированный в пурпурных губах Мэрилин Монро.

Татьяна не отрываясь смотрела на Бонда. О чем она сейчас думает, этот почти незнакомый ей человек с бесстрастными серыми глазами, которые иногда бывают так нежны, а иногда, как это было прошлой ночью, когда она сжимала его в своих объятиях, горят страстью и желанием? Он глубоко задумался — о чем? Может быть, беспокоится об их судьбе? Их безопасности? Ей хотелось сказать ему, что беспокоиться не надо, что он — всего лишь ее паспорт для проезда в Англию. Он и этот тяжелый ящик, переданный ей резидентом. Резидент так и сказал, когда она вошла к нему в кабинет: «Вот ваш паспорт в Англию, сержант. Совершенно новый „Спектр“. Не выпускайте его из виду, пока не приедете в Англию. Не оставляйте купе без присмотра, иначе этот англичанин отнимет его у вас, и вы больше не будете представлять для него никакого интереса. Прежде всего им нужна эта шифровальная машина. Если вы позволите им забрать „Спектр“, на вас падет вся вина за срыв задания. Понятно?»

За окном, совсем рядом с полотном железной дороги, проплыл сигнальный пост. Бонд встал и выглянул в открытое окно. «Он вновь рядом, — подумала Татьяна и прижалась к его ноге. — Почему с самой первой минуты знакомства меня переполняет такая страстная нежность? Это так похоже на фантастику: наша близость и внезапно вспыхнувшая страсть — между двумя секретными агентами, приехавшими в Стамбул из стран, находящихся за тысячи миль одна от другой, по сути дела, врагами, которые стали любовниками по приказу своих правительств».

Татьяна протянула руку, взялась за полу пиджака и потянула его вниз. Бонд закрыл окно, повернулся к ней и улыбнулся. Ее глаза были зовуще-настоячивы и нежны. Бонд раздвинул полы мехового мантио и положил руки ей на грудь. Татьяна упала на спину, увлекая его за собой.

Раздался короткий стук в дверь. Бонд встал и вытер с лица следы губной помады.

— Это мой друг Керим, — объяснил он. — Мне нужно поговорить с ним. Я скажу проводнику, чтобы он приготовил постели. Не выходи из купе. Я буду рядом, в коридоре, — он наклонился и ласково погладил ее по щеке, заглянул в расстроенные глаза. — У нас впереди целая ночь. А сейчас нужно позаботиться о безопасности.

Бонд открыл дверь и выскользнул из купе. Огромная фигура Дарко Керима, казалось, закрывала половину коридора. Он стоял у окна, опираясь на бронзовый поручень, курил и смотрел на Мраморное море, исчезающее вдаль по мере того, как поезд удалялся от побережья. Бонд подошел и встал рядом. Керим увидел его отражение в окне.

— Плохие новости, — тихо произнес он. — Трое из них едут с нами — те, недавно приехавшие, которых мы видели вчера. Я не сомневаюсь, что они следят за тобой и девушкой. Значит, она двойной агент. Или у тебя иное мнение?

— Так, — электрическая искра пробежала по спине Бонда, но мозг работал спокойно и холодно, как вычислительная машина. Значит, им подсунули приманку? Нет, она не могла притворяться. Шифровальный аппарат... Может быть, и его нет в сумке? «Подожди меня здесь», — сказал Бонд и постучал в дверь своего купе. Он

услышал, как Татьяна отперла дверь и сняла цепочку. Бонд запер дверь за собой. На лице девушки отразилось удивление.

— Я думала, что это пришел проводник, чтобы приготовить постели. Ты уже закончил? — радостно улыбнулась она.

— Сядь напротив меня, Таня. Мне нужно поговорить с тобой.

Она увидела его холодное лицо и послушно села, положив руки на колени.

Бонд стоял, опустив глаза. Он не заметил на ее лице ни чувства вины, ни страха — всего лишь удивление.

— Слушай, Таня, — голос Бонда звучал твердо и жестко. — У нас большие неприятности. Я должен заглянуть в эту сумку.

— Сними ее с полки и посмотри, — равнодушно пожала плечами девушка.

...Итак, все кончилось. Именно об этом говорил ей резидент: они заберут шифровальный аппарат и высадят ее на любой станции. Боже мой! Неужели он, ее любимый, сможет поступить так жестоко?

Бонд снял сверху тяжелую сумку, поставил ее на нижнюю полку, расстегнул молнию и заглянул внутрь. Там лежал металлический футляр с тремя рядами клавиш, покрытый черным лаком и похожий на пишущую машинку. Он подвинул открытую сумку к девушке.

— Это «Спектр»?

Она повернула голову и равнодушно посмотрела внутрь.

— Да.

Бонд застегнул сумку и поставил ее обратно на багажную полку.

— С нами на этом поезде едут три агента МГБ. Мы знаем, что в понедельник они прибыли к вам из Центра. Как они оказались в поезде, Татьяна? — голос его был мягким, а нервы напряжены до предела.

Девушка посмотрела на Бонда глазами, полными слез. Были ли это слезы ребенка, которого застали за шалостью? Но тогда почему в ее лице нет раскаяния, а только испуг?

Татьяна робко протянула к нему руку и тут же отдернула ее.

— Теперь, когда шифровальная машина в твоих руках, ты не высадишь меня из поезда?

— Разумеется, нет, — нетерпеливо ответил Бонд. — Не говори глупости. Но мы должны знать, что делают здесь эти люди. Ты можешь объяснить мне, почему они едут этим же поездом? — Бонд пристально смотрел ей в лицо: у него не было сомнения — она что-то скрывает. Но что?

Татьяна вытерла слезы и положила ладонь на его колено.

— Джеймс, — сказала девушка, заглядывая ему в глаза. — Я не знаю, как оказались на этом поезде люди Центра. Мне сказали, что сегодня они уезжают. Уезжают в Германию. Я решила, что они летят самолетом. Это все, что я могу сейчас сказать тебе. До тех пор, пока мы не приедем в Англию, пока мы не окажемся за пределами досягаемости людей из моей организации, ты не должен ни о чем расспрашивать меня. Я выполнила данное мной обещание. Села в поезд и принесла с собой шифровальный аппарат. Доверяй мне. Не беспокойся о нашей безопасности. Я уверена, что эти люди не имеют к нам никакого отношения. Совершенно уверена. Верь мне («Верю ли я сама себе?» — подумала Татьяна. Рассказала ли ей полковник Клебб всю правду о порученном задании? Но ведь и ей, Татьяне, нужно верить — верить в приказы, которые она выполняет. Наверное, эти люди просто следят за тем, чтобы они с Бондом не сошли где-нибудь с поезда. Потом, когда они приедут в Лондон и Джеймс спрячет ее, вот тогда она расскажет ему всю правду. Сейчас нужно выполнять приказ, а потом, когда опасность исчезнет, она ничего не скроет от него. Если же она предаст ИХ сейчас, это раскроется... А ОНИ безжалостны с предателями. Пока она играет порученную ей роль, все будет в порядке. Она должна сделать все;

чтобы Бонд поверил ее словам.)

Бонд встал и пожал плечами.

— Я не знаю, что и думать, Татьяна. Ты что-то скрываешь от меня, но мне кажется, что ты считаешь это неважным. Ты уверена, что мы в безопасности? Не исключено, что эти люди оказались в нашем поезде по чистой случайности. Мне нужно посоветоваться с Керимом. Не беспокойся, мы будем охранять тебя. Но теперь всем нам придется быть настороже.

Бонд оглянулся по сторонам. Он подергал ручку двери, ведущей в соседнее купе. Она была заперта, но Бонд решил загнать под нее клин — после того, как уйдет проводник. То же самое придется сделать с дверью, которая выходит в коридор. Теперь ему вряд ли удастся спать ночью. «Хорошенький у нас медовый месяц в домике на колесах» — Бонд мрачно усмехнулся и вызвал звонком проводника. Татьяна не сводила с него обеспокоенного взгляда.

— Не беспокойся, Таня, и, когда проводник уйдет, ложись спать. Только не открывай дверь, пока не убедишься, что это я. Мне не придется спать этой ночью. Может быть, завтра положение изменится. Мы с Керимом что-нибудь придумаем. У него светлая голова, и на него можно положиться.

В дверь постучал проводник. Бонд впустил его и вышел в коридор. Керим безучастно смотрел в окно. Поезд уже набрал скорость и теперь мчался сквозь ночную тьму, разрывая ее пронзительным печальным гудком. Лицо Керима было непривычно угрюмым.

Бонд пересказал ему свой разговор с Татьяной. Труднее всего было объяснить, почему он поверил девушке: на все попытки Бонда оправдать Татьяну Керим отвечал иронической улыбкой.

— Послушай, Джеймс, эта часть операции у тебя в руках. Мы уже все обсудили сегодня — риск, связанный с поездом, возможность отправить шифровальную машину дипломатической почтой, честность — или нечестность — девушки. На первый взгляд кажется очевидным, что она полностью находится под твоим влиянием. С другой стороны, ты сам признаешь, что она сумела убедить тебя и ты решил довериться ей. Когда сегодня утром мы говорили по телефону с М., он сказал, что последнее слово принадлежит тебе. Пусть так и будет. Но ведь ни ему, ни нам не было тогда известно, что нас будут сопровождать три офицера МГБ. Это могло бы изменить все наши планы. Ты согласен?

— Согласен.

— Я так же, как и ты, не верю в совпадения. И нам придется избавиться от них. Мы не можем ехать с ними одним поездом. Верно?

— Верно.

— Положись на меня. По крайней мере, мы еще не покинули пределы Турции, где я пользуюсь определенным влиянием. Кроме того, у меня с собой много денег. Убить их нельзя — это повлечет за собой непредсказуемые последствия: поезд будет задержан, вас с девушкой могут привлечь как свидетелей... Но я что-нибудь придумаю. У двух из них спальные вагоны. Старший — который с усами — в купе номер 6 рядом с тобой. У него немецкий паспорт на имя Мельхиора Бенца, коммерсанта. Смуглый — армянин — в купе номер 12. У него тоже немецкий паспорт — Курт Гольдфарб, инженер-строитель. У обоих билеты до Парижа. Я проверил их документы — у меня удостоверение инспектора турецкой уголовной полиции. Их паспорта и билеты у проводника. Я показал удостоверение проводнику, и он будет выполнять мои распоряжения. У третьего — глупая отвратительная харя, фурункулы на шее и на лице. Я не сумел заглянуть в его паспорт. Он едет в одном вагоне со мной, у него сидячее место, и до границы ему не нужно предъявлять паспорт. А вот билет ему пришлось предъявить! — Керим, подобно фокуснику, извлек желтый билет из кармана своего пиджака, показал его Бонду и сунул обратно, довольно улыбаясь.

— Как это тебе удалось?

— Перед тем как расположиться на ночь, этот глупый осел отправился в туалет, — засмеялся Керим. — Я стоял в коридоре, увидел, что он вошел в туалет, и тут же вспомнил, как мы доставали билеты в молодости. Подождав минуту, я подошел к двери туалета, постучал и произнес: «Проверка билетов», затем изо всех сил навалился на ручку двери. Изнутри донеслось какое-то бормотание. Я почувствовал, что он пытается открыть дверь. Когда он пришел к выводу, что замок заклинило, я сказал: «Не обязательно выходить из туалета, сэр. Суньте билет под дверь». Он еще немного подергал за ручку, и затем из-под двери показался билет. Я поднял билет, поблагодарил его и прошел в соседний вагон, — Керим небрежно махнул рукой. — Дурачок, наверно, уже спит сном праведника. Он полагает, что билет ему вернут на границе. В этом он ошибается. Через несколько минут билет превратится в пепел, а пепел вылетит из окна. Я позабочусь, чтобы его сняли с поезда, сколько бы денег у него ни было. Ему скажут, что необходимо провести тщательное расследование и его заявление о покупке билета должно быть подтверждено кассой, в которой он приобрел билет. Он сможет отправиться следующим поездом.

Бонд улыбнулся, представив себе, как ловко Керим сыграл с агентом МГБ свою ребяческую шутку.

— Ну и нахал же ты, Дарко! А что будем делать с остальными?

Керим небрежно пожал плечами.

— Что-нибудь придумаем! Мы заставим русских ошибаться, если поставим их в дурацкое положение. Надо посмеяться над ними. Этого они не выносят. Мы заставим их попотеть. Не сомневаюсь: их расстреляют за срыв задания, выслушав сначала нелепые объяснения.

Пока они разговаривали, проводник вышел из купе Бонда. Керим повернулся к англичанину и положил ему руку на плечо.

— А сейчас выбрось все из головы — мы перехитрим их. Иди к своей девушке. Встретимся утром. Боюсь, нам не придется поспать сегодня ночью, но тут уж ничего не поделаешь. Утро вечера мудренее. Может быть, выспимся завтра.

Керим повернулся и пошел по коридору. Бонд заметил, что, несмотря на вагонную болтанку, широкие плечи Керима ни разу не коснулись стенок узкого коридора. Бонд еще раз почувствовал огромное уважение к этому изобретательному, уверенному в себе профессиональному разведчику.

Керим скрылся за дверью служебного купе. Бонд подошел к двери своего очень беспокойного домика на колесах.

22. На турецкой границе

Поезд с ревом мчался сквозь ночную тьму. Бонд сидел, смотрел на проносящийся за окном ландшафт, залитый лунным светом, и старался не спать. Это было нелегко: ритмичный стук колес, дуги серебряных телеграфных проводов, взлетающие и опускающиеся с гипнотическим однообразием, грустный звук паровозного свистка, металлический лязг вагонных сцепок, убаюкивающее потрескивание деревянных перегородок маленького купе — все это как нельзя лучше клонило ко сну. Даже фиолетовый свет ночника над дверью, подмигивая, казалось, говорил ему: «Я подежурю. Ничего не случится, пока я на страже. Закрой глаза и спи».

Голова спящей девушки покоилась на коленях Бонда, которого так и тянуло скользнуть к ней под белую простыню, тесно прижаться к ее спине и бедрам, зарыться лицом в каштановую копну волос.

Бонд посмотрел на запястье. Четыре часа. Еще час до турецкой границы.

Возможно, ему удастся немного поспать днем. Он передаст Татьяне своей пистолет, сунет деревянный клин под дверь и заснет.

Он наклонился над безмятежно спящей Татьяной. Как спокойно спит она, эта девушка из русской секретной службы — длинные ресницы упали на розовые щеки, губы чуть-чуть приоткрыты, ритмично бьется на незащитной шее голубая жилка. Волна нежности захлестнула Бонда. Ему захотелось крепко прижать ее к себе, прервать глубокий сон, чтобы сказать: все идет хорошо...

Девушка настояла, чтобы он позволил ей спать, положив голову ему на колени: «Я не засну, если не буду чувствовать, что ты рядом со мной. Так ужасно проснуться ночью и увидеть, что тебя нет. Ну пожалуйста, Джеймс!»

Перед тем как Татьяна легла спать. Бонд снял пиджак и галстук, положил ноги на чемодан и сунул под подушку «Беретту». Она заметила пистолет, но ничего не сказала. Разделась, оставив лишь бархатную ленточку на шее, и с наигранной невинностью легла, накрывшись простыней и поудобнее устроив свою голову на коленях Бонда. Затем девушка протянула к нему руки. Бонд крепко поцеловал ее и приказал спать. Сам он откинулся на спинку дивана, приказав успокоиться собственному телу. Засыпая, девушка прошептала что-то, постепенно ее сонное тело расслабилось, и в купе послышалось мерное глубокое дыхание.

Итак, подумал Бонд, скоро они пересекут турецкую границу. Но будут ли они чувствовать себя безопаснее в Греции? Англичан не очень-то любят в этой стране. Потом поезд пересечет Югославию. На чьей стороне сейчас Тито? Скорее всего, на обеих. Каким бы ни было задание трех сотрудников МГБ, они или уже знают, что Бонд и Татьяна едут этим же поездом, или им скоро сообщат об этом. Он не сможет просидеть в купе четверо суток, не выходя ни на минуту. Их обнаружат, сообщат в Стамбул — по телефону на одной из станций, а утром откроется исчезновение «Спектра». Что тогда? Поспешное дипломатическое вмешательство через русское посольство в Белграде? Требование, чтобы девушку сняли с поезда, как обычную воровку? Не слишком ли он упрощает все? Может быть, на самом деле обстановка гораздо сложнее, и он — просто пешка в каком-то таинственном заговоре, осуществляемом русскими? Тогда предпочтительнее скрыться: сойти вместе с Татьяной с поезда на какой-нибудь безымянной станции, прихватив «Спектр», наняв автомобиль, попытаться добраться до ближайшего аэродрома и вылететь в Лондон самолетом...

В тусклом свете наступающего утра стали видны верхушки проносящихся мимо деревьев. Бонд снова посмотрел на часы. Пять утра. Через несколько минут остановка в Узункепрю. Что происходит сейчас в поезде? Удалось ли Кериму что-нибудь предпринять?

И тут у Бонда созрело решение. В конце концов, из этого положения есть только один выход: если удастся быстро избавиться от агентов МГБ, они поедут дальше; если нет, то они вместе с девушкой и шифровальной машиной сойдут с поезда где-нибудь в Греции и будут добираться до Англии круглым путем. Они с Керимом — находчивые люди, в Белграде их встретит надежный агент, в крайнем случае можно обратиться за помощью в посольство.

Бонд лихорадочно размышлял, взвешивая все за и против. Он не мог не признать себе, что его не покидает упрямое желание довести игру до конца и выяснить, какую цель преследуют противники. Неплохо было бы встретиться с ними лицом к лицу, разгадать мучающую его тайну и, если это заговор против него, одержать верх... М. сказал, что поддержит любое решение, принятое Бондом. Девушка спит рядом с ним, шифровальный аппарат лежит на багажной полке. Зачем впадать в панику? Было бы безумием, пытаюсь скрыться, угодить в другую, еще более опасную ловушку.

Раздался пронзительный свисток, и поезд стал сбавлять скорость. Сейчас

начнется первый раунд поединка. Но если Керим потерпел неудачу, и все три агента остались в поезде?..

Мимо окна промелькнули грузовые вагоны, которые с трудом тащил пыхтящий паровоз. Показались и исчезли силуэты пакгаузов. «Восточный экспресс» со скрежетом пересек путевые стрелки и перешел на другой путь, ведущий в сторону от основного. Поезд все сбавлял и сбавлял скорость, пока наконец не остановился. Резкий звук выпущенного пара — и девушка зашевелилась во сне, но не проснулась. Бонд осторожно переложил ее голову на подушку и вышел в коридор.

За окном типичная балканская станция: мрачные облупившиеся здания, грязная платформа, по которой бродили куры. Несколько небритых служащих в потрепанных мундирах. В конце поезда, у вагонов третьего класса, стояла толпа крестьян со свертками и плетеными корзинами. Они терпеливо ждали полицейских и таможенников, чтобы затем забраться в вагоны и так набитые до отказа.

На одноэтажном строении по другую сторону платформы виднелась надпись — «Полиция». Бонду показалось, что за темным от пыли и грязи окном полицейского участка мелькнула фигура Керима.

— Паспортный контроль. Приготовиться к таможенному досмотру.

В коридоре появились таможенный чиновник и двое полицейских в темно-зеленых мундирах и с кобурами на поясе. Их сопровождал проводник, который стучал в двери купе.

Перед дверью купе номер 12 проводник остановился и с негодованием что-то произнес, глядя на паспорта и билеты, раздвинутые в его руке веером, как игральные карты. Когда он закончил свою тираду, человек в штатском подозвал к себе полицейских и резко постучал в дверь. Она открылась, и мужчина вошел внутрь. Полицейские стояли настороже, держа руки на рукоятках пистолетов.

Бонд сделал несколько шагов в сторону открытой двери. Из купе доносилась ломаная немецкая речь. Голос одного из собеседников был холодным и уверенным, другого — испуганным и растерянным. «Паспорт и билет герра Курта Гольдфарба исчезли. Может быть, герр Гольдфарб забрал их у проводника?» — «Разумеется, нет», — ответил «Гольдфарб». — «А сдавал ли герр Гольдфарб свои документы вообще?» — «Конечно». — «Тогда это всего лишь неприятное недоразумение. Придется провести расследование случившегося. Несомненно, посольство ФРГ в Стамбуле все уладит, но герру Гольдфарбу придется сойти с поезда. Он сможет возобновить прерванную поездку завтра. Прошу герра Гольдфарба одеться и взять вещи».

Агент МГБ — в майке и пижамных брюках — пулей вылетел в коридор. Его смуглое лицо побледнело от страха и было искажено отчаянием, волосы были всклокочены. Он промчался мимо Бонда, остановился у двери купе номер 6, выпрямился и постучал. Дверь приоткрыли, не снимая предохранительной цепочки, и Бонд заметил в щели толстый нос и пышные усы. Затем цепочку быстро сбросили, и «Гольдфарб» исчез за дверью. Наступила тишина. Инспектор, одетый в штатское, за это время проверил паспорта двух пожилых француженок в купе номер 9 и подошел к Бонду.

Он едва взглянул на паспорт Бонда, вернул его и спросил: «Вы едете с Керим-беем?»

— Да.

— Счастливого пути, — инспектор прошел вперед и резко постучал в дверь купе номер 6. Его впустили, но через пять минут дверь купе распахнулась, и инспектор, вид которого говорил об оскорбленном достоинстве, подозвал к себе полицейских. Он, обращаясь к ним, произнес что-то по-турецки и резко повернулся к стоящим в купе.

— Вы арестованы, герр Гольдфарб. Подкуп должностного лица при исполнении

им служебных обязанностей — очень серьезное преступление в Турции.

Из купе слышались шумные протесты «Гольдфарба» на ломаном немецком, которые мгновенно стихли после короткой, как удар хлыста, фразы на русском языке. Потом Бонд увидел уже другого «Гольдфарба»: еле переставляя ноги, он, как слепой, прошел по коридору и исчез за дверью своего купе. Полицейский последовал за ним и встал у открытой двери купе номер 12, глядя внутрь.

— Ваши документы, майн герр. Прошу выйти в коридор. Я должен проверить вашу фотографию. Подойдите к окну. — Инспектор держал в руке зеленый паспорт гражданина ФРГ, повернув его к свету.

Агент МГБ «Бенц» вышел в коридор неохотно, с побелевшим от ярости лицом. Холодный взгляд его скользнул по лицу Бонда.

Инспектор захлопнул паспорт и вернул его хозяину.

— Ваши документы в порядке, герр Бенц. Разрешите взглянуть на ваш багаж.

Инспектор в сопровождении полицейского вошел в купе. Агент МГБ повернулся спиной к Бонду и внимательно следил за таможенным досмотром.

Бонд заметил ремень, скрытый под ярко-синим халатом, — герр «Бенц» носил пистолетную кобуру под мышкой левой руки. Сказать инспектору? Нет, лучше промолчать. Как бы его самого ни привлекли в качестве свидетеля...

Досмотр багажа закончился. Инспектор небрежно поднял ладонь к козырьку и вышел в коридор. Дверь купе номер 6 захлопнулась.

«Одному удалось спастись», — подумал Бонд, глядя в окно: к двери с надписью «Полиция» подвели крупного мужчину в серой шляпе и с фурункулом на шее. В конце коридора хлопнула дверь. «Гольдфарб» в сопровождении полицейского спустился на грязный перрон и неверными шагами пошел к той же двери.

Раздался паровозный гудок — бравый пронзительный гудок нового локомотива, в будке которого стоял теперь греческий машинист. Двери спального вагона захлопнулись. Инспектор в штатском и второй полицейский вышли на платформу и направились к зданию станции. Кондуктор последнего вагона посмотрел на часы и поднял флаг. Поезд дернулся, локомотив натужно запыхтел, и первая половина «Восточного экспресса» сдвинулась с места. Вторая половина поезда — та, которая поедет по северному маршруту, через Болгарию, — осталась у грязной платформы.

Бонд потянул оконные ремни, опустил стекло и последний раз взглянул на турецкую пограничную станцию, где в комнате сидели сейчас два человека, фактически приговоренные к смерти. Итак, остался один, и теперь шансов на победу стало значительно больше.

Он смотрел на опустевшую грязную платформу, проплывающую мимо, на кур, что-то деловито клюющих в пыли, на ставшую крохотной черную фигуру охранника, а поезд тем временем пересек стрелки и с резким толчком вырвался на главный путь. Последний раз Бонд взглянул и на бесплодные высохшие поля. Желтое солнце поднималось из-за горизонта на краю турецкой равнины, и день обещал быть великолепным.

Бонд вдохнул прохладный утренний воздух и закрыл окно. Он принял окончательное решение: они останутся в поезде.

23. Через Грецию

Горячий кофе в крошечном буфете Пифиона, краткая проверка паспортов и таможенный досмотр на ближайшей греческой станции...

Проводник убрал постели. Поезд мчался на юг по направлению к Эносскому заливу, где начиналось Эгейское море. Воздух стал светлым и сухим, пейзаж за окном — более радостным и живописным. Люди на маленьких железнодорожных станциях и крестьяне, работающие на полях, были куда более стройными и

красивыми. Под ярким летним солнцем зрели поля подсолнечника, кукурузы, табака. По склонам гор виднелись виноградники. Начинаясь новый день.

Бонд побрился и умылся. Татьяна с любопытством наблюдала за каждым его движением. Ей понравилось, что он не пользуется жидкостью для волос.

— Отвратительная привычка, — заметила она. — Мне говорили, что многие европейцы любят это, а у нас, в России, это не принято. И пятна на наволочках остаются. Скажи, Джеймс, а ты не пользуешься одеколоном, как наши мужчины?

— Мне это не нужно. Я просто моюсь, — сухо ответил Бонд.

Раздался стук в дверь. Бонд открыл ее, впустил Керима и снова защелкнул замок. Керим приветливо поклонился.

— Какая трогательная семейная сцена, — произнес он, опускаясь на нижнюю полку. — Мне еще не доводилось видеть таких красивых шпионов!

Татьяна сердито посмотрела на него.

— Я не привыкла к западным шуткам такого рода!

— Вы быстро научитесь этому, дорогуша, — рассмеялся Керим. — В Англии любят шутить, причем по любому поводу. Я тоже научился шутить и считаю, что это полезно — помогает сближению людей. Сегодня с самого утра я смеюсь, не переставая. Эти двое бедняг в Узункепрю! Как бы мне хотелось присутствовать там, когда начальник полиции позвонит в Стамбул! Представляю себе, что ответит ему консул ФРГ! Самый главный недостаток поддельных паспортов в том, что, хотя их нетрудно изготовить, практически невозможно подделать документы, на основу которых они якобы выданы и которые хранятся в министерстве иностранных дел ФРГ. Боюсь, миссис Сомерсет, что карьера двух ваших коллег бесславно завершена.

— Как это тебе удалось, Дарко? — поинтересовался Бонд, завязывая галстук.

— Всего лишь деньги и влияние. Пятьсот долларов проводнику. Туманные намеки начальнику полиции. К счастью, наш приятель сделал попытку подкупить инспектора. Жаль, что этому хитрецу, — Керим показал пальцем на соседнее купе, — этому «Бенцу» удалось ускользнуть. К сожалению, я не смог дважды проделать один и тот же фокус с паспортами. Придется устранить его по-другому. Парень с фурункулами не доставил нам никаких трудностей. Он не говорил по-немецки, да и безбилетный проезд — дело серьезное. Ну ладно, день начался удачно. Мы одержали победу в первом раунде, но дальше будет труднее. Этот приятель «Бенц» предпримет все меры предосторожности. Теперь он знает, какая опасность угрожает ему. Может быть, это к лучшему. Согласитесь, вам было нелегко скрываться в купе целый день. А теперь можно свободно передвигаться и даже вместе пообедать. Не забудьте только прихватить с собой семейные драгоценности. Необходимо внимательно следить за «герром Бенцем» — он может попытаться позвонить на одной из станций. Сомневаюсь, впрочем, что ему удастся справиться с греческой телефонной службой, и, видимо, он подождет приезда в Югославию. Но у меня и там неплохая организация. Если понадобится, затребуем подкрепление. В общем, ваше свадебное путешествие будет очень интересным. На «Восточном экспрессе» всегда масса приключений, романтики, а также любви. — Керим встал, открыл дверь купе. — Я зайду за вами перед обедом. Греческая кухня еще хуже турецкой, но я весь на службе ее королевского высочества, включая мой желудок.

Бонд запер за ним дверь.

— У твоего друга очень плохие манеры! — недовольно заметила Татьяна. — Разве можно так говорить о королеве Англии?

Бонд сел рядом с ней.

— Таня, это — великолепный человек и мой хороший друг. Пусть говорит все, что взбредет ему в голову. Он просто ревнует меня. Ему тоже хотелось бы иметь такую же красивую подругу. Поэтому прими его шутки как комплимент.

— Ты так считаешь? Нет, то, что он сказал о своем желудке и главе вашего

государства, у нас сочли бы крайне невежливым.

Через несколько минут поезд остановился у залитого солнцем перрона Александруполиса. Бонд распахнул дверь в коридор, и солнце, отражающееся от безграничного бледно-голубого зеркала моря, наполнило маленькое купе ярким сиянием.

Керим зашел за ними, и они, взяв с собой тяжелую сумку со «Спектром», пообедали в ресторане. Из окна они видели, как «Бенц» спустился на платформу и купил в буфете бутерброды. Керим предложил: «А не пригласить его поиграть с нами в бридж?» Но Бонд почувствовал, что очень устал. Ему стало казаться, что они начали превращать опасную поездку в какой-то пикник. Татьяна, заметив его изменившееся настроение, поспешила встать из-за стола. Когда они вышли из вагона-ресторана, Керим, решивший остаться, заказал себе бренди и сигары.

— Теперь тебе нужно поспать, — сказала Татьяна, как только они вошли в купе. Она опустила штору, притушив солнечный свет. Бонд загнал клинышки под обе двери и с наслаждением вытянулся на нижней полке. Татьяне он дал свой пистолет и тут же уснул, положив голову к девушке на колени.

Длинный поезд извивался, подобно змее, у подножья Родопских гор. Они миновали Ксанти, затем Драму и Серры. Наконец поезд помчался по Македонскому плато, направляясь на юг, к Салоникам.

Когда Бонд проснулся, уже стемнело. Татьяна взяла его лицо в ладони, нежно посмотрела в глаза и спросила: «Милый, сколько у нас времени?»

— Много, — машинально ответил Бонд, наслаждаясь последними минутами сна. — Как много?

У нее были такие прекрасные и такие тревожные глаза, что Бонд сразу вспомнил ситуацию, в которой они находились. Сон прошел... Он не мог знать, как закончится это путешествие в спальном вагоне экспресса, что случится с ними по прибытии в Лондон. Эта девушка — вражеский агент для тех, кто начнет допрашивать ее, и чувства, которые испытывал к ней Бонд, не имеют для них никакого значения. Ее ждут мастера допроса и из разведывательных служб, и из разных министерств. Наверно, ее сразу же отвезут в хорошо охраняемый дом рядом с Гилфордом. Там она будет жить в удобной, отлично прослушиваемой комнате. Опытные специалисты в штатском будут сменять друг друга и допрашивать, не давая ей передышки. Искусно скрытые микрофоны запишут каждый звук. Затем записи расшифруют и начнут по зернышку выискивать в ее слезах новую, еще неизвестную информацию. Конечно, попытаются поймать ее на противоречиях. Может быть, к ней подсадят приятную русскую девушку, которая проявит безграничное сочувствие, возмутится жестоким обращением и непрерывными допросами, предложит передать весточку родным в России. Она может предложить стать двойным агентом или свои услуги в организации побега. Татьяну будут допрашивать долгие месяцы. А Бонду тактично объяснят, что ему лучше пока не встречаться с ней. Не исключено, что мастера допросов разрешат им встретиться, если встреча Бонда и Татьяны покажется им полезной для дела. А потом? Для него — другое имя, другое задание. К примеру, в Канаде, тысяча фунтов в год из секретных фондов, и когда ее выпустят на свободу, он, Джеймс Бонд, будет где-нибудь на другом континенте. Но если даже в момент ее освобождения он будет в Лондоне, сохранится ли у нее какое-нибудь чувство к нему, останется ли что-нибудь в душе после мучительных месяцев заключения? Можно только себе представить, как будет она ненавидеть англичан. Да и что останется к этому времени от его собственной любви к ней?

— Милый, — вновь услышал он настойчивый вопрос Татьяны, — сколько у нас времени?

— Трудно сказать. Наши отношения будут зависеть от многих людей. Нас разлучат, и жизнь уже не будет походить на ту, которую мы ведем сейчас в этой

маленькой комнатке. Через несколько дней мы покинем ее и выйдем в мир, где нам будет нелегко. Я не хочу обманывать тебя.

Лицо Татьяны прояснилось.

— Ты прав, Джеймс. Я больше не буду задавать глупых вопросов. Теперь мне ясно, что у нас мало времени, и давай не будем тратить его понапрасну. — Она переложила голову Бонда с колен на подушку и легла рядом...

Через час, когда Бонд стоял в коридоре, у окна, появилась массивная фигура Керима.

— Ты слишком долго спал, — хитро сказал Керим, — и не видел исторический ландшафт северной Греции. Время ужинать...

— Ты только и думаешь о еде, — запротестовал Бонд и жестом показал в сторону соседнего купе. — Как там наш друг?

— Закрылся у себя. Проводник наблюдает за ним. Знаешь, он скоро будет самым богатым проводником спальных вагонов. Я заплатил ему пятьсот долларов за операцию «Гольдфарб», да к тому же он получает от меня по сотне в день и намерен это делать до конца нашего путешествия. — Керим засмеялся. — Я пообещал, что после возвращения в Турцию его могут наградить орденом — за исключительные заслуги перед родиной. Он считает, что мы следим за группой контрабандистов, пытающихся провезти в Париж крупную партию турецкого опиума. Так что он не удивлен происходящим, а обрадован, потому что ему так хорошо платят. Ну, а что ты узнал от нашей русской принцессы? Меня не покидает чувство беспокойства. Все идет слишком уж гладко. Те двое, которые остались на турецкой границе, могли действительно ехать в Берлин. А «Бенц» не покидает купе, потому что боится нас. Пока все идет у нас слишком хорошо. — Керим с сомнением покачал головой. — Эти русские — блестящие шахматисты. Они рассчитывают игру на много ходов вперед, маневры врага предвидят заранее и принимают ответные меры. Меня не оставляет чувство, что ты, я и девушка — всего лишь пешки на огромной шахматной доске, что нам разрешают действовать так лишь потому, что это не мешает замыслу русских.

— Но что это за замысел? — Бонд смотрел в темноту за окном. — Какова его цель? Мы все время возвращаемся к этому вопросу. Разумеется, с самого начала чувствовалось что-то неладное, завязка какой-то игры. И девушка может не знать, какую роль она играет. Я предполагаю, она что-то скрывает от меня, потому что это кажется ей незначительным, второстепенным. Она обещала рассказать обо всем сразу после приезда в Англию. Но что именно? Что? И все-таки ты должен признать, Дарко, — Бонд испытующе посмотрел на Керима, втайне надеясь, что тот согласится с ним, — что девушка выполнила свое обещание.

Керим молчал. Его лицо было бесстрастным. Бонд пожал плечами.

— Я и не отрицаю, что влюбился в нее. Но ведь я не дурак, Дарко. Каждую секунду, пока мы были с ней наедине, я следил за ней, пытаюсь найти разгадку. Ты знаешь, что, когда между мужчиной и женщиной исчезают последние преграды, многое становится ясным. Эти преграды исчезли, и я уверен, что она говорит правду. По крайней мере, почти всю правду. Если она обманывает меня, то по незнанию — значит, ее тоже обманывают. Но и тут опять возникает вопрос — зачем? — Голос Бонда стал ледяным. — Если ты хочешь знать мое мнение, то единственное, что я прошу, — это продолжить игру и выяснить, чем она кончится.

Упрямое выражение лица Бонда неожиданно развеселило Керима.

— Дружище, если бы я оказался на твоем месте, я сошел бы с поезда в Салониках, прихватив с собой шифровальную машину и, если так уж тебе хочется, девушку. Последнее, правда, не так обязательно. Затем я отправился бы на автомобиле в Афины и тут же вылетел в Лондон. Я не искатель приключений, и все это для меня не спорт, а всего лишь работа. А ты — игрок. Да и М. тоже не прочь рискнуть и сделать крупную ставку, иначе он не дал бы тебе право принимать любые

решения. К тому же ему очень хочется узнать, чем кончится вся эта история. Он не выносит неразгаданных тайн. Хорошо, пусть будет по-вашему. И все-таки позволь мне принять меры, не оставлять все на волю случая. Вот сейчас ты думаешь, что ситуация изменилась и счастье на твоей стороне. Верно? Но послушай, мой хороший друг, — сказал он, опуская огромную руку на плечо Бонда. Его голос смягчился и стал даже умоляющим: — Представь себе, что перед нами бильярдный стол. Обычный, ровный, плоский бильярдный стол, покрытый зеленым сукном. Ты все рассчитал, нанес удар, и белый шар плавно катится по направлению к красному. Луза совсем рядом. Нет никаких сомнений в том, что твой белый шар попадет в красный и тот упадет в соседнюю лузу. Это закон бильярда, закон бильярдного стола. Но где-то, за пределами происходящего в бильярдном зале, летчик, сидящий в реактивном истребителе, потерял сознание, и его истребитель падает прямо на здание, где находится бильярдный зал. Или газовая магистраль, проходящая рядом, вот-вот взорвется. Или гремит гроза, и молния вот-вот ударит в игроков. А может быть, здание рухнет и погребет под собой всех, кто находится в нем. И что тогда произойдет с белым шаром, который должен был неизбежно попасть в красный, и с красным, готовым упасть в соседнюю лузу? По законам бильярдного стола белый шар должен бить по цели. Однако эти законы не есть единственные законы, и законы, управляющие движением поезда, в котором мы находимся, не являются единственными законами в нашей игре.

— А, да тебе все это уже давно известно! — сказал Керим, махнув рукой, будто извиняясь за пустое словоизлияние. — И у меня пересохло в горле от этого банального разговора. Так что поторопи свою девушку и пойдем ужинать. Единственно, о чем я прошу тебя, — остерегайся неожиданностей. — Он поднял руку и перекрестился над пиджаком. — Обрати внимание, что я крещу не свое сердце — это было бы слишком серьезно. Я перекрестил свой живот, а для меня это достаточно важная клятва. Нас с тобой, Джеймс, ждут неприятные сюрпризы — помнишь, цыган предсказал их нам. И я с ним согласен: мы играем с тобой на бильярдном столе и упускаем из виду, что может произойти за пределами игорного зала. Мой нос, — он постучал по нему указательным пальцем, — предупреждает меня об этом.

В это же мгновение у Керима забурчало в животе.

— Видишь, — сказал он, — пора ужинать.

...Они закончили ужин, когда экспресс подъехал к перрону современной до безобразия станции Салоники. Бонд достал из-под стола тяжелую сумку со «Спектром». Они прошли вдоль коридоров поезда и попрощались на ночь.

— Скоро вас разбудят, — предупредил Керим. — В час ночи мы будем на границе. Греки пропустят вас, не обращая внимания, но югославы любят будить всех, кто едет в спальнях вагонах. Если они слишком будут вас раздражать, позови меня. Даже в этой стране я могу подействовать на них, назвав кое-какие имена. Сейчас я еду во втором купе соседнего с вами вагона, завтра перемещусь в купе номер 12 и займу место нашего общего приятеля Гольдфарба. Пока мне удобно и в купе первого класса.

Пыхтящий локомотив тащил длинный поезд вверх по долине Вардара. Бонд сидел у себя в купе и дремал. Как и в прошлую ночь, Татьяна спала, положив голову на его колени. Бонд не мог забыть слова Керима. Не отослать ли его обратно в Стамбул после того, как они приедут в Белград? Зачем тащить Керима через всю Европу, тем более, что тот явно не одобряет действий Бонда. Дарко считает, что влюбленный Бонд не в состоянии трезво оценить происходящее. И в этом, признавался себе Бонд, есть немалая доля правды. Несомненно, куда безопаснее сойти с поезда и добираться до Лондона другим путем. Но Бонд уже не мог заставить себя сбежать от опасности, не узнав, что приготовил для него противник. И так

хотелось провести вместе с Татьяной оставшиеся им дни.

Бонд выбросил сомнения из головы: все идет хорошо, не надо впадать в панику...

Через десять минут после прибытия на греческую пограничную станцию Идомени раздался громкий стук в дверь. Он разбудил девушку. Бонд встал и приложил к двери ухо.

— Кто это?

— Это проводник, мсье. С вашим другом, Керим-беем, случилось несчастье.

— Подождите меня. — Бонд сунул «Беретту» в кобуру, надел пиджак и вышел в коридор.

— Что случилось?

Лицо проводника посерело от испуга. Он жестом показал Бонду: там, в следующем вагоне...

Дверь второго купе была открыта, и возле нее стояла группа греческих полицейских и таможенников.

Проводник что-то произнес, и они расступились. Бонд заглянул в купе.

Волосы зашевелились у него на голове. На диване в смертельном объятии застыли два мертвых тела.

Внизу лежал Керим, подогнув колени и будто пытаясь встать. В его шее, рядом с яремной веной, торчала ручка кинжала. Голова была откинута назад, налитые кровью глаза неподвижно смотрели в потолок. Изо рта, искаженного свирепой гримасой, стекала по подбородку струйка крови.

В другом мертвце Бонд узнал «Бенца». Левая рука Керима застыла на его шее — Бонд видел пышные усы и почерневшее лицо «Бенца» — правая лежала на спине врага, сжатая в массивный кулак, сжимающий рукоятку ножа. По спине «Бенца» расплылось широкое кровавое пятно.

Бонд понял, что произошло: Дарко спал, когда «Бенц» неслышно проскользнул в дверь и нанес смертельный удар в яремную вену. Умиравший Дарко смог прижать к себе убийцу и всадил ему нож под пятое ребро.

Этот поразительный человек был мертв. Бонд повернулся и вышел из купе, не в силах больше смотреть на друга, погибшего из-за него.

Встав у окна, он начал отвечать на вопросы полицейских, тщательно обдумывая слова.

24. Вне опасности

В три часа пополудни «Восточный экспресс» въехал в центральную станцию Белграда и остановился у перрона. Здесь он будет стоять восемь часов, ожидая прибытия вагонов, следовавших через Болгарию.

Бонд смотрел в окно на толпы людей на перроне и ждал, когда раздастся стук в дверь и к ним придет человек Керима. Татьяна сидела в углу, завернувшись в меховое мanto, и не сводила глаз с Бонда. Она видела все, что произошло на маленькой пограничной станции. К соседнему вагону принесли длинные плетеные корзины, сверкнули вспышки — фотограф снимал трупы, кондуктор суеился, стараясь ускорить исполнение формальностей. И за окном несколько раз промелькнула высокая напряженная фигура Джеймса Бонда.

Затем он вернулся в купе и, глядя ей в лицо, начал задавать прямые, жестокие вопросы. Татьяна отвечала, стараясь ни в чем не отступать от своей легенды, понимая, что если сейчас расскажет ему о том, что в происшедшем замешан СМЕРШ, Бонд никогда не простит ей этой лжи. Точнее, молчания.

Она смотрела на Бонда, смертельно подавленная происшедшим, запутавшаяся в паутине лжи и обмана. Сейчас она потеряет, наверно, и его, этого мужчину с таким

холодным лицом и ледяным голосом, его, который стал самым главным в ее жизни.

В дверь постучали. Бонд открыл, и улыбающийся коренастый мужчина, похожий на каучуковый мяч, ворвался в купе.

— Стефан Темпо к вашим услугам. Друзья зовут меня «Темпо». А где шеф?

— Сядьте, — тихо произнес Бонд. «Боже мой, — подумал он, глядя на голубоглазое молодое лицо, — это же еще один сын Керима!»

Мужчина сел, не спуская глаз с Бонда. Улыбка сползла с его лица, в глазах появились страх и подозрение. Правая рука скользнула в карман плаща.

...Когда Бонд закончил рассказ, мужчина встал. Он не задал ни единого вопроса.

— Спасибо, сэр. Прошу идти за мной. Я отвезу вас к себе домой. Мне надо многое сделать, — он вышел в коридор и замер у окна, уставясь вниз, на рельсы, невидящим взглядом. Только когда из купе вышла девушка, он заставил себя повернуться и не оглядываясь пошел к выходу. Бонд шел за Татьяной, держа в одной руке небольшую тяжелую сумку со «Спектром», в другой — свой атташе-кейс.

Они прошли вдоль перрона и спустились на привокзальную площадь. Шел мелкий дождь. Вид темных зданий, окружающих замусоренную площадь, ряды потрепанных такси у вокзала — все выглядело угнетающе мрачным. Мужчина открыл заднюю дверцу старого «морриса», жестом пригласил их в машину и сел за руль. Автомобиль затрясся по булыжнику площади, выехал на скользкий асфальт бульвара и минут пятнадцать мчался по широким пустым улицам.

Свернув в узкий переулок «моррис» остановился. Темпе повел их к широкой двери многоэтажного дома, потом — по лестнице, пахнувшей по-балкански — потом, табачным дымом, вареной капустой, открыл ключом дверь небольшой двухкомнатной квартиры и попросил гостей войти. На серванте стоял поднос, уставленный бутылками, вазами с фруктами и печеньем — угощением, приготовленным для Дарко и его друзей.

— Прошу вас чувствовать себя как дома. Если вам захочется освежиться, то ванная вон там. А меня прошу извинить. Я должен позвонить. — Было видно, что Темпе с трудом сдерживает рыдания. Он повернулся и исчез за дверью, ведущей в спальню. Дверь с грохотом захлопнулась за его спиной.

Прошло два часа, а Бонд все сидел и смотрел на соседний дом. Время от времени он вставал, делал несколько шагов по комнате и снова садился. Вначале Татьяна делала вид, что просматривает журналы, затем неожиданно встала и прошла в ванную. Оттуда послышался шум воды.

Примерно в шесть вечера Темпо вышел из спальни и сказал Бонду, что уходит по неотложному делу.

— Еда в кухне. Я вернусь в девять часов и отвезу вас на вокзал. — Не ожидая ответа, он вышел из квартиры и снизу до Бонда донесся звук мотора «морриса».

Бонд подошел к телефону в спальне, снял трубку и по-немецки заказал разговор с Лондоном. Через полчаса его соединили с М.

Бонд говорил по телефону, как коммивояжер, докладывающий директору фирмы о результатах своей поездки. Он сообщил, что его партнер заболел. Какие будут указания?

— Seriously заболел?

— Да, сэр, очень серьезно.

— А как дела у наших конкурентов?

— Их было трое, сэр. Один из них тоже серьезно простудился. Остальные почувствовали себя не в своей тарелке еще в Турции. Они сошли с поезда в Узункепрю — это пограничная станция.

— Значит, конкуренция нам больше не угрожает?

Бонд представил себе напряженное лицо М.: он, наверное, взвешивает каждое услышанное слово. На потолке кабинета медленно вращается вентилятор. М. держит

в руке трубку, а начальник штаба слушает их разговор по отводной трубке.

— Как вы считаете, может быть, вам с женой стоит поскорее вернуться домой?

— Мне хотелось бы, сэр, чтобы этот вопрос решили вы. Жена чувствует себя хорошо. Товар в отличном состоянии. Может быть, есть смысл закончить обследование территории. Иначе мы так и не узнаем, насколько велико ее потенциальное значение.

— Может быть, послать вам на помощь одного из наших специалистов?

— Откровенно говоря, особой необходимости не вижу. Но я полагаюсь на ваш опыт.

— Хорошо, я подумаю. Итак, по вашему мнению, нам следует довести обследование до конца?

Бонд чувствовал скрытое любопытство в вопросах М., и ему было понятно стремление начальства поскорее раскрыть странную тайну.

— Да, сэр. По-моему, нам не следует останавливаться на полпути.

— Ну что ж, пусть будет так. Я подумаю о том, чтобы выслать кого-нибудь на помощь. — Наступило молчание. — У вас все?

— Да, сэр.

— До свиданья.

— До свиданья, сэр.

Бонд положил трубку. Внезапно он пожалел о том, что не принял предложение М. о высылке подкрепления — так, на всякий случай. Ну ничего, скоро они покинут эти мрачные Балканы и окажутся в Италии; затем Швейцария, Франция — кругом приветливые доброжелательные люди. Предательство и интриги останутся позади.

Виновата ли девушка в смерти Керима? Бонд вошел в столовую и снова встал у окна, вспоминая каждую минуту, проведенную вместе с ней, начиная с того момента, когда они встретились в «Кристэл Палас». Нет, он ни в чем не мог винить ее. Если она подослана к нему, то и сама не знала конечной цели игры. Не может быть, чтобы девушка в ее возрасте играла роль так расчетливо, хладнокровно, так правдиво. Может, их заговор должен был кончиться смертью Керима? Когда-нибудь Бонд узнает все подробности. Сейчас он был уверен в одном — Татьяна не была сознательной участницей этого заговора.

Бонд подошел к двери ванной комнаты и постучал. Дверь открылась. Татьяна вышла, и Бонд обнял ее. Девушка прильнула к его груди, и они стояли, прижавшись друг к другу, пытаясь теплотой своих тел прогнать призрак смерти Керима.

Наконец Татьяна отбросила голову назад, посмотрела ему в глаза и отвела с его лба прядь волос. Радость жизни вернулась к ней.

— Я так рада, что ты снова со мной, Джеймс. А теперь нам нужно поесть и начать нашу жизнь заново.

В девять часов появился Темпо и отвез их на станцию, где у перрона стоял «Восточный экспресс», словно замерший под слишком ярким светом дуговых ламп. Он попрощался быстро и холодно и исчез с перрона — и из их жизни — в глубине неведомого им существования.

Точно по расписанию прозвучал гудок, поезд тронулся и поехал, набирая скорость, по долине Савы.

Бонд снова сидел в купе, держа голову спящей Татьяны на своих коленях. Они миновали Винковци, затем Брод, и когда начало светать, поезд остановился в Загребе. После короткой стоянки путешествие продолжалось. «Восточный экспресс» с грохотом летел по долинам Словении, где яблоневые сады и горные шале так напоминали Австрию. Наконец показалась Любляна. Девушка проснулась. Они умылись и отправились в ресторан. На завтрак им подали яичницу, жесткий черный хлеб и кофе из одного цикория. За соседними столами расположились оживленные английские и американские туристы, возвращающиеся с Адриатического побережья,

и Бонд с облегчением подумал о том, что к вечеру поезд будет в Западной Европе и третья опасная ночь миновала.

Он спал до Сезана. По вагонам прошли югославские пограничники в штатском, и Югославия осталась позади. Поезд остановился в Поггиореале, и Бонд впервые ощутил, что они возвращаются к светлой жизни — весело болтающие итальянские таможенники, беззаботная толпа на перроне. Дизельный локомотив лихо свистнул, в воздухе замелькали смуглые руки провожающих, которые долго махали вслед поезду, направляющемуся к Триесту и голубым волнам Адриатики.

«Мы ускользнули от них, — подумал Бонд. — Мы действительно ускользнули от них. Больше нам ничто не угрожает». Воспоминания последних трех суток остались где-то далеко. Татьяна заметила, что напряжение исчезло с его лица. Бонд опустил окно. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу и глядя на живописные виллы на побережье, яхты и быстрые катера, за которыми мчались на водных лыжах легкие загорелые фигурки.

Поезд простучал по стрелкам и въехал в Триест. Бонд не мог оторваться от окна. Он был счастлив. В порыве чувств он обнял Татьяну за талию, и они, улыбаясь, глядели на праздничную толпу. Солнечные лучи осветили огромные окна станции. Чистота и оживление, царящее на перроне, были по-особому праздничны по сравнению с темнотой и опасностью стран, оставшихся где-то там, за далеким горизонтом, в их прежней жизни.

До отхода поезда было еще много времени. В празднично шумящей толпе Бонд заметил мужчину, который шел по перрону не спеша, с любопытством оглядываясь по сторонам. Бонд почему-то решил, что это англичанин. Может быть, на такую мысль его навел бежевый поношенный макинтош — верный спутник английского туриста — или серые фланелевые брюки. Мужчина приближался к их спальному вагону, и Бонд мог рассмотреть заинтересовавшего его человека. В одной руке незнакомец нес выдавший виды чемодан, локтем другой прижимал к телу толстую книгу и газеты. Бонд подумал, что он походит на атлета: широкие плечи, бронзовое лицо теннисиста-профессионала, возвращающегося домой после зарубежного турнира.

Подойдя ближе, мужчина поднял голову и в упор посмотрел на Бонда. Неужели они когда-то встречались? Бонд напряг память. Нет, он никогда не видел это лицо, потому что его нельзя было бы забыть: матовые, какие-то мертвые глаза, неподвижно и холодно смотрящие из-под белесых ресниц, — глаза утопленника. Странно, что они оживились, в них появился блеск, словно человек на перроне узнал Бонда...

Бонд почувствовал, что от этого взгляда по его спине пробежала легкая дрожь. Что было в нем — предостережение? Угроза?

Мужчина прошел мимо. Его туфли на резиновой подошве беззвучно касались платформы. Он подошел к вагону первого класса, взялся рукой за поручень и легко поднялся на верхнюю ступеньку.

И тут Бонд понял, что означает этот взгляд. Ну конечно! Судя по всему, М. решил перестраховаться и послал ему на помощь одного из зарубежных агентов. Вот что пытались сказать ему эти странные глаза! Бонд не сомневался, что через несколько минут они встретятся и обменяются паролями.

25. Галстук с широким узлом

Бонд решил не отходить от окна, чтобы не затруднять встречу. Он перебрал в памяти детали пароля, который состоял из нескольких безобидных фраз, но менялся каждый месяц. Агенты знали пароли всех месяцев — на год.

Поезд дернулся с места и медленно выполз из затемненной станции под яркий

свет солнца. В конце коридора хлопнула дверь. Бонд не слышал шагов, но внезапно рядом с ним появилась высокая атлетическая фигура мужчины, только что проходившего по перрону.

— Извините, у вас не найдется спичек?

— Только зажигалка. — Бонд достал из кармана свой «Ронсон» и передал его мужчине.

— Еще лучше.

— Пока не кончится газ.

Бонд посмотрел в лицо стоящего рядом агента секретной службы. Толстые губы мужчины чуть раздвинулись в подобии улыбки, но удивительно — бледно-голубые глаза сохранили застывшее выражение.

Мужчина снял плащ у себя в купе, и сейчас на нем были поношенный красновато-коричневый пиджак, фланелевые брюки, светло-желтая летняя рубашка и синий с красными зигзагами галстук корпуса королевских саперов. Галстук был завязан широким виндзорским узлом. Бонд поморщился: он замечал, что чаще всего этот узел нравится тщеславным, грубым и невежественным. На этот раз Бонд решил отбросить предрассудки в сторону. На мизинце короткопалой широкой руки, лежащей на поручне, виднелся золотой перстень с непонятной надписью. Из грудного кармана пиджака торчал угол красного платка. На кисти левой руки были поношенные серебряные часы на старом кожаном ремешке.

Бонду был знаком этот тип людей. Учился в провинциальной частной школе, готовился к университету, и тут началась война. В армии попал, наверно, в контрразведку. После окончания войны не знал, что делать дальше, решил остаться в оккупационных войсках. Сначала служил в военной полиции, потом, когда старшие по должности демобилизовывались и отправлялись домой, был назначен в службу безопасности. Переведен в Триест, где спешно справился с работой. Решил остаться за границей и там пережить трудности первых послевоенных лет. Возможно, женился на итальянке. После того, как отсюда были выведены оккупационные войска, секретной службе понадобился резидент для этого, не слишком важного района. Поскольку он уже имел опыт работы, ему предложили этот пост, и он согласился. Ему не поручали ответственных заданий — он собирал кое-какую информацию в итальянской и югославской полиции, а также передавал в центр сведения, которые его просили передать. Тысяча фунтов в год. Спокойная тихая жизнь. И вдруг совершенно неожиданно прибыла шифровка с грифом «Совершенно секретно». Он, наверно, побаивается Бонда. Странное выражение лица, да и глаза какие-то безумные. Впрочем, такое характерно для агентов, постоянно живущих за границей. Но какие плечи, какая физическая сила! Вряд ли он годится на роль секретного агента, скорее — охранника. По-видимому, М. просто взял сотрудника службы в одной из стран, через которые пролегал маршрут поезда, и дал ему задание встретить Бонда.

Все эти мысли промелькнули в его голове, пока он рассматривал незнакомца.

— Рад встрече, — сказал Бонд улыбаясь. — Оторвали от повседневной работы?

— Прибыла шифровка — поздно вечером. Лично от М. Должен признаться я был здорово потрясен, старина.

Какой странный акцент! Интересно, в каком районе Англии он родился? Где-то в провинции, наверно. Может быть, в Ирландии? И что-то еще есть в его речи, не поддающееся определению. Скорее всего, из-за длительного пребывания за границей. И это ужасное «старина» в конце фразы! Действительно, он несколько смущен и, видимо, стесняется Бонда.

— Бывает, — кивнул Бонд. — Что в ней говорилось?

— Встретить «Восточный экспресс» и отыскать в спальном вагоне мужчину, сопровождающего девушку. Ваше описание. Не отходить от вас ни на секунду до

самого прибытия в веселый город Париж. Вот и все, старина.

Бонд повернул голову к незнакомцу и встретился взглядом с бледно-голубыми глазами, в которых промелькнул отблеск красного пламени — будто на мгновение приоткрылась дверца топки, где бушевал неукротимый огонь. И тут же дверца захлопнулась, глаза снова стали застывшими и непроницаемыми — глазами человека, сосредоточенного в самом себе.

Да, на него только что смотрело безумие, подумал Бонд, потрясенный случившимся. Наверно, контузия или шизофрения. Несчастный парень, с таким великолепным телосложением... Придет время, и он не выдержит. Безумие одержит верх над разумом. После приезда в Лондон, решил Бонд, нужно взглянуть в его досье и поговорить с руководителем зарубежных кадров. Между прочим, как его зовут?

— Ну что ж, рад познакомиться. Надеюсь, у вас не будет слишком много работы. Когда мы отправились в путь, нас сопровождало три красных агента. Нам удалось избавиться от них, но не исключено, что в поезде скрывается кто-то еще. А мне просто необходимо доставить девушку в Лондон. Давайте сделаем так: вы проведете ночь у нас в купе, и мы будем дежурить по очереди. Осталась всего лишь одна ночь, и мне не хочется рисковать. Между прочим, меня зовут Джеймс Бонд. Паспорт на имя Дэвида Сомерсета. Девушка — Кэролайн Сомерсет.

Мужчина сунул руку во внутренний карман пиджака и достал пухлый бумажник, набитый, казалось, деньгами. Из бумажника он извлек визитную карточку и передал ее Бонду. На ней было выгравировано: «Капитан Норман Нэш», а в нижнем левом углу, мелкими буквами — «Королевский автомобильный клуб».

— Спасибо, — сказал Бонд и положил карточку в карман. — А сейчас, Нэш, я представляю вас миссис Сомерсет. Нам все равно придется ехать вместе.

В глазах Нэша снова мелькнул красный отблеск огня, губы исказились в подобии улыбки.

— Очень любезно с вашей стороны, старина.

Бонд повернулся к двери, постучал и назвал себя. Дверь отворилась.

Бонд пригласил Нэша войти и снова запер ее.

Девушка смотрела на Бонда с удивлением.

— Это капитан Нэш, Норман Нэш. Ему поручили присматривать за нами.

— Как поживаете, капитан? — Девушка неуверенно протянула руку. Мужчина на мгновение прикоснулся к ней, молча с бесстрастным лицом. Девушка в замешательстве взглянула на Бонда. — Не хотите присесть? — Она снова повернулась к мужчине.

— Э-э, спасибо. — Нэш неохотно опустился на край дивана. Затем он вспомнил, чем можно воспользоваться, когда не о чем говорить. Он опустил руку в боковой карман пиджака и достал пачку сигарет.

— Не хотите закурить? — Он сравнительно чистым ногтем большого пальца подцепил целлофановую обертку, разорвал ее и открыл пачку. Татьяна взяла сигарету. Другой рукой Нэш выхватил зажигалку и с услужливостью официанта поднес пламя к сигарете, которую держала девушка.

Бонд стоял, опираясь плечом на притолоку двери, и думал о том, как помочь этому неуклюжему, смущенному человеку. Нэш жестом, которым предлагают бисер вождю туземного племени, протянул ему сигареты и зажигалку.

— А как вы, старина?

— Спасибо, — ответил Бонд. Он не выносил виргинский табак, но был готов сделать все, что в его силах, чтобы Нэш перестал так смущаться. Он взял сигарету и закурил.

Как-то раньше ему не приходило в голову, что их служба испытывает такой отчаянный недостаток кадров. Неужели теперь им приходится вербовать таких людей, как Нэш? И как он справляется со своими обязанностями, исполнение которых

требуется, чтобы он был своим человеком в полудипломатическом обществе Триеста?

— У вас очень спортивный вид, Нэш, — заметил Бонд. — Как это вам удается? Игрете в теннис?

— Много плаваю.

— Давно в Триесте?

Снова мгновенный блеск красного пламени.

— Года три.

— Вам нравится работа?

— Иногда. Сами понимаете, старина.

Бонд подумал, как бы ему повежливей попросить Нэша, чтобы тот перестал называть его «старина». Наступило молчание.

Судя по всему, Нэш пришел к выводу, что пришла его очередь попытаться смягчить напряжение. Он достал из кармана вырезку из газеты — первую страницу из «Коррьере делла сера» — и протянул Бонду.

— Вы еще не читали об этом, старина? — Глаза на мгновение вспыхнули яростным пламенем и потухли.

Газета была свежая, типографская краска еще не успела высохнуть. Огромный заголовок гласил:

УЖАСНЫЙ ВЗРЫВ В СОВЕТСКОМ КОНСУЛЬСТВЕ В СТАМБУЛЕ ЗДАНИЕ ПОЛНОСТЬЮ РАЗРУШЕНО МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ЖЕРТВЫ

Бонд свернул газетную страницу и возвратил ее Нэшу. «Что известно ему о моем задании? Пожалуй, почти ничего. Лучше всего рассматривать Нэша как телохранителя, не больше...»

— Какое несчастье! Утечка газа, наверно. — Бонд, вспомнил мрачное полушарие огромной бомбы над головой, провода, ведущие к подрывной машинке в кабинете Керима. Кто нажал на ручку вчера вечером, после того, как Гемпо позвонил по телефону в Стамбул? Старший клерк. Или они бросили жребий, стояли кругом и смотрели, как рука мстителя берется за ручку подрывной машинки, и услышат ли глухой раскат взрыва на Книжной улице? Несомненно, все они, полные ненависти, собрались там, в прохладном кабинете Керима. Слезы придут позже, сначала мщение. А крысы? Сколько тысяч, десятков тысяч крыс погибло от взрыва в туннеле? Взрыв произошел около четырех во время очередного совещания. Погибли трое сотрудников разведывательных служб. Сколько еще было в это время в консульстве? Друзья Татьяны, наверно. Лучше не говорить ей о случившемся. Следил ли Дарко за происходившим из окна в темной Валгалле? Бонду казалось, что он слышит насмешливый хохот Керима. По крайней мере, многие из его врагов последовали за ним.

Нэш равнодушно смотрел на Бонда «Да, наверно, утечка газа», — сказал он, пожав плечами.

В коридоре послышался звон приближающегося колокольчика.

«Приглашаем на обед! Приглашаем на обед!»

Бонд взглянул на Татьяну. Она побледнела, и в глазах девушки Бонд прочитал просьбу спасти ее от общества этого неприятного человека.

— Пойдем на обед? — спросил Бонд, и девушка тут же встала. — А вы, Нэш?

Капитан Нэш уже шел к двери. «Я пообедал, старина. Мне хотелось бы осмотреться вокруг. Пройду вдоль поезда. Вы не знаете, проводник...» — его большой и указательный пальцы потерли друг о друга.

— О да, он окажет вам любую услугу, если ему заплатить, — ответил Бонд. Он протянул руку и снял небольшую тяжелую сумку с багажной полки. — Скоро увидимся.

Капитан Нэш вышел в коридор, обернулся и утвердительно кивнул:

— Обязательно, старина!

Он пошел к выходу, легко сохраняя равновесие в раскачивающемся вагоне.

В ресторане Бонд заказал пару коктейлей и бутылку кьянти. Принесли закуску. Татьяна повеселела.

— Какой-то он странный, — заметил Бонд, глядя, как Татьяна кладет на тарелку еду. — Но я все-таки рад, что его прислали нам на помощь. По крайней мере, этой ночью мне удастся немного поспать. Когда приедем в Лондон, буду отсыпаться целую неделю.

— Мне он не понравился, — покачала головой Татьяна. — Неотесанный мужлан. И у него такой тяжелый взгляд.

— Тебе все кажутся неотесанными, — засмеялся Бонд.

— Ты был с ним раньше знаком?

— Нет. Но я знаю, что он из нашей фирмы.

— Скажи мне еще раз его имя.

— Нэш. Норман Нэш.

Татьяна произнесла по буквам: «Эн-А-Шэ? Произносится — Нэш?»

— Да.

На лице девушки появилось озадаченное выражение.

— Надеюсь, ты знаешь, что «Нэш» пишется «Наш» и означает на жаргоне русской секретной службы, что это советский агент. Говоря о вражеском агенте, мы говорим «свой». Как странно, что фамилия вашего агента — Нэш.

— Брось, Татьяна! — рассмеялся Бонд. — Тебе приходят в голову такие невероятные мысли. Нэш — самая обычная фамилия в Англии. Он совершенно безобидный человек. По крайней мере, нам он может пригодиться.

Девушка сделала гримасу и принялась за еду.

Подали салат, вино и, наконец, восхитительные эскалопы.

— Боже, как вкусно! — произнесла Татьяна, отодвигая пустую тарелку. — После отъезда из России я превратилась в сплошной желудок, — она посмотрела на Бонда вопросительным взглядом. — Но ты ведь не допустишь, чтобы я стала слишком толстой, Джеймс? Тогда я не буду пригодна для любви. Ты уж следи за мной, а то я весь день буду есть, а ночью — спать. Обещай, что, если я буду много есть, ты побьешь меня?

— Конечно. Как только замечу, что увлекаешься едой, сразу начну бить.

Татьяна смешно поморщилась. Бонд почувствовал, как ее ноги сжали его колено. Большие синие глаза под длинными ресницами невинно смотрели вниз.

— Мне что-то захотелось спать, — сказала она. — Расплачивайся и пойдем.

Поезд подъезжал к Местре. По обеим сторонам появились каналы с плавающими по ним гондолами.

— Но ведь сейчас будет Венеция! — запротестовал Бона. — Неужели тебе не хочется посмотреть на нее?

— Это всего лишь еще одна станция. А Венецию я посмотрю в другой раз. Сейчас мне хочется любви. Пожалуйста, Джеймс, — Татьяна умоляюще посмотрела на него. — У нас так мало времени...

И снова маленькая комната на колесах, свежий морской воздух из полуоткрытого окна. Две кучки одежды на полу и двое обнявшихся на диване. Ласковые руки, тела, сплетающиеся в любовный узел, — и последний стон, когда поезд простучал по стыкам рельсов при въезде в Венецию...

Осталась позади Венеция, затем Падуя и Виченца, и сказочный закат над Вероной осветил крошечную комнатку золотыми и красными лучами через неплотно задернутую штору. Снова в коридоре прозвенел колокольчик. Мужчина и женщина проснулись. Бонд оделся и вышел в коридор. Он стоял у окна, смотрел на розовые сумерки над равниной Ломбардии, думал о Татьяне и их совместном будущем, которое скоро наступит.

В темном зеркале оконного стекла отразилось лицо Нэша. Он встал так близко к Бонду, что их локти касались. «Мне кажется, я заметил одного из вражеских агентов», — произнес он тихим голосом.

Это ничуть не удивило Бонда. Он ожидал, что такое случится. Если противник собирается предпринять решительные действия, то это должно произойти сегодня.

— Кто это? — спросил он почти равнодушно.

— Не знаю его настоящего имени, но он проезжал пару раз через Триест. Имеет какое-то отношение к Албании. Думаю, он тамошний резидент. Сейчас у него американский паспорт на имя Вильбура Фрэнка, банкира. Едет в купе номер 9, рядом с вашим. Не думаю, что я ошибаюсь, старина.

Бонд взглянул на широкое загорелое лицо. В глазах его собеседника снова вспыхнул и тут же потух красный огонь.

— Хорошо, что вам удалось заметить его. Судя по всему, нам предстоит нелегкая ночь. Думаю, вам лучше всего сопровождать нас повсюду.

— И у меня такое же мнение, старина.

В ресторане за столом царило молчание. Нэш сидел рядом с девушкой, уткнувшись в тарелку. Свой нож он держал, как авторучку, и часто вытирал его об вилку. Его движения были неуклюжи. Доставая солонку, Нэш опрокинул бокал кьянти, стоящий возле прибора Татьяны, начал извиняться, поздравлял официанта, потребовал новый бокал и сам наполнил его.

Принесли кофе. На этот раз Татьяна неверным движением опрокинула свою чашку. Она вдруг тяжело и часто задышала, и ее лицо побледнело. Бонд встал, но его опередил капитан Нэш.

— Даме нехорошо, — коротко произнес он. — Разрешите.

Он обнял девушку за талию и помог ей подняться со стула.

— Я провожу ее в купе, а вы присмотрите за сумкой. И заплатите за ужин.

— Все в порядке, — запротестовала Татьяна, едва выговаривая слова. — Не беспокойся, Джеймс. Я немного полежу.

Ее голова упала на плечо Нэша, который легко, без усилий, повел девушку к выходу из вагона-ресторана.

Бонд нетерпеливо щелкнул пальцами, подзывая официанта. Бедняжка! Конечно, она невероятно устала. Почему он не подумал об этом раньше? А вот Нэш молодец: несмотря на всю свою неотесанность, умело справился с происшедшим.

Оплатив счет, Бонд взял из-под стола тяжелую сумку и быстро, насколько это позволял переполненный поезд, направился в спальный вагон.

У двери купе он остановился и тихонько постучал. Нэш открыл дверь и прижал палец к губам.

— Как только мы вошли сюда, она потеряла сознание, — прошептал он, запирая дверь. — Но сейчас все в порядке. Я уложил ее на верхней полке. Наверно, старина, она слишком перевознолась.

Бонд молча кивнул и посмотрел на верхнюю полку. Рука Татьяны свисала из-под соболяго манти, укрывавшего ее. Бонд встал на нижнюю полку, поднял руку и бережно уложил ее на полку. Рука показалась ему очень холодной.

«Пусть спит. Это лучшее лекарство». Он повернулся и вышел в коридор вместе с Нэшем.

Нэш посмотрел на него пустыми невыразительными глазами.

— Ну что ж, давайте готовиться к ночи. Я приготовил книгу, — он поднял толстый том, который казался маленьким в его огромной ладони. — «Война и мир». Пытаюсь справиться с ней вот уже несколько месяцев. Ложитесь спать, старина. Я подежурю. Вы тоже выглядите усталым. Когда у меня начнут закрываться глаза, я разбужу вас.

Нэш показал в сторону купе номер 9.

— Еще не выходил. Между прочим, старина, у вас есть оружие?
— Да. А вы что, безоружны?
Нэш виновато посмотрел на Бонда.
— К сожалению. У меня «Люгер». Пришлось оставить дома. Для такой работы он слишком тяжел.
— Ладно, — неохотно кивнул Бонд. — Я дам вам свой пистолет.
Они вернулись в купе. Бонд запер дверь, затем достал «Беретту» и протянул пистолет Нэшу: «Восемь патронов. Сейчас на предохранителе».
Нэш взял пистолет, окинул его взглядом профессионала и подбросил на ладони.
Бонд не любил передавать кому-нибудь свое оружие. Без него он чувствовал себя голым и незащищенным.
— У него малая убойная сила, — заметил он. — Поэтому нужно тщательно выбирать цель.
Нэш кивнул и сел за столик у окна.
— Здесь — лучшее место, — прошептал он. — Все видно, и открытое поле для огня.
Он положил книгу на колени и повернулся спиной к стенке.
Бонд снял пиджак, развязал галстук и положил их рядом с собой на полку. Затем он откинулся на подушку, уперся ногами в сумку со «Спектром», которую он поставил на пол рядом с атташе-кейсом, взял своего Эмблера и попытался читать. Он быстро понял, что слишком устал и не может сконцентрировать внимание на чтении. Что-то беспокоило его. Принял ли он все необходимые меры предосторожности?
Ах да, клинышки! Бонд встал с дивана, наклонился и подсунул их под обе двери. Затем снова улегся и выключил лампочку над головой.
Единственным освещением в купе остался фиолетовый глаз ночника.
— Спасибо, старина, — услышал Бонд тихий голос Нэша.
Раздался паровозный гудок, и поезд нырнул в туннель.

26. В руках палача

Легкое прикосновение к лодыжке разбудило Бонда. Он мгновенно проснулся, но не двинулся с места. Все его органы чувств ожили и напряглись, как у дикого зверя.
В купе все было по-прежнему. Поезд, оставляя позади километры пути, все так же мчался через ночь с железным стуком колес, потрескиванием деревянной обшивки купе, звоном стаканов над умывальником.
Что разбудило его? Призрачный свет ночника едва освещал купе. С верхней полки не доносилось ни единого звука. У окна сидел капитан Нэш с толстой книгой на коленях.
Его глаза смотрели прямо в лицо Бонда «Почему он так пристально глядит на меня?» — подумал Бонд. Черные губы Нэша шевельнулись, в темноте отчетливо сверкнули зубы.
— Извините, что разбудил вас, старина, но мне захотелось поговорить.
В его голосе звучали какие-то новые интонации, от чего у Бонда побежали по спине мурашки. Бонд медленно опустил ноги на пол. Его в который раз за эти дни охватило чувство смертельной опасности. словно в купе кроме них присутствовал кто-то еще, невидимый, но грозный. Нет, никого... Но чувство не уходило и все более властно охватывало Бонда, вытесняя остатки сна и усталости...
— Ну что ж, говорите, — ответил небрежно Бонд. Почему все же от слов Нэша по спине Бонда пробежали мурашки? Бонд вдруг подумал: может, Нэш сошел с ума и купе наполняет не ощущение опасности, а безумие? Неужели его предчувствие относительно этого человека оправдалось? Тогда надо как можно быстрее избавиться от него, к примеру заставить Нэша сойти на следующей станции. Где они

сейчас? Когда будет граница?

Бонд поднял левую руку, решив взглянуть на часы. Фиолетовый свет ночника был слишком слаб, чтобы разглядеть цифры. Бонд наклонил циферблат в сторону окна, откуда шел яркий поток лунного света. И тотчас со стороны окна, оттуда, где сидел Нэш, донесся резкий щелчок. Бонд почувствовал сильный удар по кисти. Осколки стекла, закрывавшего циферблат, разлетелись в разные стороны слегка поранив ему лицо. Руку отбросило от удара. «Неужели пробита кость?» — подумал Бонд и пошевелил пальцами. Нет, рука просто онемела.

Открытая книга по-прежнему лежала у Нэша на коленях, из отверстия в переплете поднималась тонкая струйка дыма, и в купе пахло порохом.

Значит, это все-таки ловушка. Капитан Нэш послан Москвой, а не М. И нет никакого агента МГБ в купе номер 9, человека с американским паспортом. И Бонд сам вручил Нэшу свой пистолет. Он даже сунул клинья под обе двери, чтобы Нэш чувствовал себя в безопасности.

Бонда передернуло от презрения к себе.

Нэш снова заговорил. Его голос больше не был тихим и неуверенным, напротив, он звучал громко и насмешливо.

— Мне сразу хотелось избавить вас от иллюзий, старина. Это маленькая демонстрация. Я научился здорово обращаться с этой хитрой штукой. В ней десять патронов калибра 6,35 мм с разрывными пулями и электрическим спусковым механизмом. Полагаю, вы согласитесь, что русские просто волшебники, когда нужно придумать что-то вроде этого. Жаль, что ваша книга годится только для чтения, старина.

— Ради бога, перестаньте называть меня «старина»!

«Глупо», — подумал Бонд: над ним нависла смертельная опасность, нужно искать выход из отчаянного положения, а ему пришлось в голову требовать, чтобы Нэш перестал произносить это дурацкое слово. Впрочем, типичная первоначальная реакция на неожиданную катастрофу: люди всегда выносят из горящего дома самые ненужные вещи.

— Извините, старина. Вошло в привычку. Меня научили этому, чтобы я мог сыграть роль джентльмена, как научили носить и эту одежду. Они сказали, что я справлюсь с этой ролью. И ведь действительно справился, верно, старина? Но ближе к делу. Наверно, вам хочется узнать подробности. Я с радостью посвящу вас в них. До вашей смерти еще полчаса, и я не откажу себе в удовольствии объяснить знаменитому мистеру Бонду из секретной службы, что он всего лишь неуклюжий дурак и не более. Видите ли, старина, вы совсем не такой уж ловкий и умный, как думаете о себе. Вы всего лишь чучело, набитое опилками, и мне поручили выпотрошить вас. — Голос звучал холодно, предложения заканчивались на одной и той же бесстрастной ноте. Казалось, будто Нэшу надоело говорить.

— Да, — сказал Бонд, — мне хотелось бы услышать подробности. Могу уделить вам полчаса.

В голове у него лихорадочно метались мысли — как нарушить спокойствие этого человека? Как заставить его нервничать?

— Не пытайтесь обмануть себя, старина, — в голосе Нэша, словно прочитавшего мысли Бонда, не было совершенно никакого интереса к противнику. В этой предельно ясной ситуации Нэш был хозяином положения, а Бонд — всего лишь его безоружной жертвой. — Через полчаса вы умрете, так что не надо строить иллюзий. Я не допускаю ошибок. Иначе меня не назначили бы на эту должность.

— И какая же это должность?

— Я — главный палач СМЕРШа. — Впервые в его голосе прозвучало что-то живое, нотка гордости. В следующее мгновение голос Нэша снова стал бесстрастным и равнодушным, как у робота. — Полагаю, это название вам знакомо, старина.

...Вот где таится разгадка! Значит, СМЕРШ. И перед ним — главный убийца. Теперь Бонд понял: вот в чем разгадка того красного пламени, иногда вспыхивающего в глазах Нэша — убийцы-психопата, страдающего, скорее всего, маниакально-депрессивным психозом. Смерть для него — источник наслаждения. Идеальный человек для СМЕРШа! Бонд неожиданно вспомнил предсказание Вавры и спросил с наигранной небрежностью: «Какое влияние оказывает на вас Луна, Нэш?»

Черные губы исказились в злобной гримасе.

— Вы ищете выход, думаете, что вам удастся спастись, мистер Бонд из секретной службы? Рассчитываете, что я чокнутый? Ошибаетесь. Если бы я был чокнутым, мне не поручили бы такое задание.

Нескрываемая злоба в голосе показала, что Бонд попал в цель. Но чего ему удалось добиться этим? Необходимо тянуть время. Может быть, спросить про Татьяну...

— А какую роль в этом деле играет девушка?

— Одна из приманок, — голос снова стал равнодушным. — Не беспокойтесь, она не помешает нашей беседе. Наливая новый бокал вина, я подсыпал ей хлоргидрата. Теперь она до утра не проснется, если проснется вообще. Она составит вам компанию.

— Вот как? — Бонд медленно поднял онемевшую руку, положил ее на колено и медленно пошевелил пальцами. — Ну что ж, продолжайте рассказ.

— Осторожно, старина, без фокусов. Если хотя бы одно ваше движение покажется мне подозрительным, я тут же пушу вам пулю в сердце. Только одну. В конце концов, этого вполне достаточно. Именно это ждет вас — пуля в сердце. Если будете дергаться, получите ее быстрее. Я не промахиваюсь никогда. Доказательство — ваши ручные часы...

— Молодец, — небрежно заметил Бонд. — Только не пугайтесь. Вам нечего бояться — ведь мой пистолет у вас. Продолжайте.

— Хорошо, старина. Только не вздумайте чесать ухо, пока я говорю, — иначе у вас будет одним ухом меньше. Так вот, СМЕРШ решил убрать вас и как можно быстрее. Это решение было принято на высшем уровне. По-видимому, настало время прищемить хвост вашей секретной службе.

— Но почему для этого выбрали меня?

— Не знаю, старина. Я слышал, что у вас там отличная репутация. Секретная служба не скоро оправится от вашей смерти. СМЕРШ разрабатывал этот план целых три месяца, и там обдумали каждую деталь. Откровенно говоря, в течение последнего времени СМЕРШу не слишком везло. Взять хотя бы дело Хохлова. Помните, взрывное устройство в портсигаре и все такое? А все потому, что поручили работу ненадежному человеку. Дали бы ее мне. Уж я-то не перебежал бы к янки. Ладно, ближе к делу. Видите ли, старина, у нас в СМЕРШе есть просто гений по планированию таких конспираций. Кронштейн, чемпион по шахматам. Он сказал, что вас привлечет в этом заговоре жадность, тщеславие и любовь к эксцентричности. По его мнению, эксцентричность — одно из главных качеств англичан, и вы поддадитесь на такую уловку. Так и произошло, верно, старина?

Неужели это так? Бонд вспомнил, как заинтересовали их странные аспекты всей этой истории. Тщеславие? Да, следует признаться: когда ему сообщили, что в него влюбилась русская девушка, он заинтересовался этим. Но именно «Спектр» был, пожалуй, решающим фактором — обыкновенная жадность.

— Это действительно возбудило наш интерес, — произнес он небрежно.

— И вот настало время осуществить операцию. Во глав отдела операций у нас в СМЕРШе стоит в высшей степени необычный человек. Женщина. Ее зовут Клебб — Роз Клебб. Вообще-то, она отвратительная свинья. Но дело свое знает.

Роза Клебб! Значит, одним из руководителей СМЕРШа является женщина! Если бы ему удалось спастись и сообщить об этом, а потом отправиться за ней! Пальцы правой руки Бонда инстинктивно сжались подобно когтям.

— Итак, это она нашла Романову и подготовила ее к выполнению задания, — продолжал бесстрастный голос. — Между прочим, как она в постели? Вы довольны?

Нет! Этого не может быть! Бонд не верил, что Татьяна могла так притворяться. Допустим, первая ночь была подготовлена. Но потом? Потом была настоящая любовь. Он воспользовался возможностью и пожал плечами. Надо, чтобы Нэш привык к его движениям.

— Впрочем, неважно. Самого меня это мало интересует. Но у нас целый ролик ваших фотографий — там, где вы вдвоем в постели. Я положу его к ней в сумку. Газетам такие снимки очень понравятся. — В полутьме купе прозвучал металлический смех. — Жаль, что самые интересные кадры им придется вырезать.

...Смена комнат в гостинице. Номер для новобрачных. Огромное зеркало над кроватью. Как тщательно все обдумано! Бонд вытер потные ладони о брюки.

— Аккуратнее, старина! Сейчас я чуть было не нажал на кнопку. Ведь я предупреждал, чтобы вы не двигались.

— Продолжайте. — Бонд положил руки на колени. — А девушка знала об этих фотографиях? О том, что операцию проводит СМЕРШ?

Нэш презрительно хмыкнул.

— Разумеется, нет. Роза не доверяла ей. Слишком много эмоций, говорила она. Впрочем, я мало что знаю об этом. До сегодняшнего дня я даже не видел ее. Конечно, девушка знала, что выполняет, задание СМЕРШа. Ей сказали, что ее задача — попасть в Лондон и выяснить кое-что.

Какая дура, подумал Бонд. Ну что ей стоило намекнуть, что в это дело замешан СМЕРШ? Наверно, ее так напугали, что она боялась даже произнести это слово. Думала, что Бонд сразу посадит ее в тюрьму. Она все время говорила, что все расскажет ему сразу после приезда в Лондон и что он должен доверять ей. Доверять! Да она не имела ни малейшего представления, в какую паутину попала. Ничего не поделаешь. Бедная девочка. Ее обманули, как и его. Но ведь даже простого намека было достаточно — хотя бы для спасения жизни Керима. А что теперь будет с ним? Да и с самой Татьяной?

— Затем пришлось изрядно потрудиться, чтобы избавиться от вашего турка. Я слышал, что это было нелегко. Наверно, наш центр в Стамбуле был взорван его людьми. Уничтожена почти вся наша организация в Турции.

— Очень жаль, — саркастически заметил Бонд.

— А мне наплевать, старина. Мне нужно выполнить поставленную передо мной задачу. Вряд ли при этом возникнут трудности. — Нэш быстро взглянул на часы. — Через двадцать минут начинается Симплонский туннель. Я должен разделаться с вами именно там. Они считают, что это сделает происшествие еще более драматичным. Как только въедем в туннель, одна пуля для вас. Прямо в сердце. Грохот поезда в туннеле заглушит шум от предсмертных судорог, стука ваших ног и тому подобное. Затем пуля в затылок девушке — из вашего пистолета, и я выбрасываю ее из окна. Наконец, еще одна пуля вам в сердце из вашего же пистолета, вложенного вам в руку. Пороховой ожог на коже. Самоубийство. Разумеется, то, что в сердце две пули, скоро раскроют. Но это будет позже. Тогда снова начнутся поиски в Симплонском туннеле! А кто этот светловолосый мужчина? Новая тайна. У нее в сумке найдут ролик с фотографиями, а у вас в кармане — длинное любовное письмо от нее к вам в угрожающем тоне. Это письмо написано ее почерком — эксперты СМЕРШа постарались. Там говорится, что она опубликует фотографии в газетах, если вы откажетесь жениться на ней. Дескать, вы дали обещание взять ее в жены, если она украдет «Спектр»... — Нэш помолчал и добавил,

как бы между прочим: — Кстати, старина, «Спектр» заминирован. Когда ваши шифровальщики начнут копаться с ним, заложенное в него взрывное устройство всех их отправит на небеса. Дополнительный выигрыш, так сказать.

Нэш хихикнул: «Письмо гласит, что она отдает шифровальную машину и свое тело в обмен на вашу любовь — и подробно описывает, что вы делали с этим прекрасным телом. Газетам только это и надо. Им намекнут, что неплохо бы встретить „Восточный экспресс“ в Париже на вокзале. Поверьте мне, старина, вот это будет сенсация! Роскошный вагон. Прелестная русская шпионка убита в Симплонском туннеле. Порнографические фотографии. Секретная шифровальная машина. Известный английский разведчик, карьера которого на грани краха, убивает русскую девушку и кончает жизнь самоубийством. Секс, шпионы, мистер и миссис Сомерсет... Эта история несколько месяцев будет на первых страницах газет! О деле Хохлова тем временем совершенно забудут. А какой удар для английской секретной службы! Их знаменитый разведчик, агент 007, сам Джеймс Бонд! И тут взрыв шифровальной машины. Что подумает о вас глава секретной службы? Читатели? А каково будет мнение американцев? Начнутся сомнения в надежности ваших спецслужб. Янки перестанут делиться с англичанами своими тайнами. Да, это будет сенсация века!»

«Он прав, — подумал Бонд. — Французские газеты поднимут такой шум, что их не остановишь. Им только подавай сенсации. Их не остановит ни откровенность любовного письма, ни обнаженные тела на фотографиях. Да и вся мировая пресса подхватит скандал. А взрывное устройство в „Спектре“? Придет ли в голову людям М. или специалистам Второго отдела — людям Матиса — проверить, не подложена ли бомба в „Спектр“? А сколько лучших криптографов Запада погибнет при взрыве? Боже мой, нужно обязательно выбраться из этой ловушки! Но как?»

Отверстие в корешке «Войны и мира» было направлено прямо на него. Думай, думай, думай... Когда поезд ворвется в туннель, грохот резко усилится. Затем щелчок и пуля в сердце... Глаза Бонда блуждали по фиолетовому полумраку: он соображал, где стоит сейчас атташе-кейс.

— Вы многим рисковали, приехав в Триест на встречу со мной, — заметил он. — А как вам стал известен пароль именно этого месяца?

— Вы все еще не понимаете, старина, — терпеливо, поскольку еще позволяло время, разъяснял Нэш, — что СМЕРШ — по-настоящему эффективная организация. Лучшая в мире. Если бы вы были более наблюдательны, то заметили бы, что ежегодно именно в январе исчезает один из ваших сотрудников. Нет, не из числа тех, кто занимает видный пост, а так — всякая мелочь. Исчезает в Токио, Тимбукту или где-нибудь еще. От них СМЕРШ узнает все, что нужно: коды, пароль на каждый месяц текущего года. Просто и надежно.

Бонд до боли сжал кулаки.

— Что касается встречи в Триесте, старина, то вот уж где я ничем не рисковал. Ехал тем же поездом — в первом вагоне. В Триесте вышел и прогулялся по перрону. Видите ли, старина, мы поджидали вас в Белграде, зная, что вы должны будете позвонить либо своему шефу, либо в посольство. Телефон в квартире югослава прослушивали несколько недель. К сожалению, не разобрали кодовое слово, которое он передал в Стамбул. Тогда, по крайней мере, могли бы предупредить наших сотрудников и наверняка спасти их. Но для нас главной целью были вы, старина, и уж за вами следили, как надо. Вы были «под колпаком» с того момента, как сошли с самолета в Стамбуле. — Нэш бросил быстрый взгляд на часы. Черные губы его раздвинулись в улыбке, блеснули зубы, фиолетовые от света ночника. — Уже недолго, старина, каких-то пятнадцать минут...

...Кто не знал, что СМЕРШ — серьезный противник, промелькнуло в голове Бонда, но чтобы он оказался настолько опасен... Он не имеет права умереть! Он

обязан, ОБЯЗАН сообщить об этом. Но как же ничтожны шансы на спасение! И все-таки они есть — план уже начал созревать в голове Бонда.

— Да, СМЕРШ продумал почти все, до мельчайших подробностей. Вот только... — Бонд не договорил, и интригующая фраза повисла в воздухе.

— Что, старина? — Нэш, который уже представлял себе, как он будет докладывать о выполнении задания, казалось, чуточку встревожился.

Поезд начал сбавлять скорость. Домодоссоло. Итальянская граница. Таможенный досмотр? Это было бы очень кстати, но Бонд вспомнил, что пассажиры, следующие транзитом, таможенному досмотру не подвергаются. Они проходят контроль на французской границе. Таможню проходят лишь те, кто сходит в Бриге ли Лозанне.

— Ну-ну, что вы хотели сказать, старина? — В голосе Нэша звучало любопытство.

— Только если разрешите закурить.

— Хорошо. Но без фокусов! Стреляю при первом подозрительном движении.

Бонд сунул правую руку в карман и достал массивный бронзовый портсигар. Открыл его, взял сигарету, затем достал зажигалку. Закурил и положил зажигалку обратно. Портсигар он не убрал, а положил на колени рядом с книгой. Чтобы вещи не соскользнули на пол, Бонд придерживал их рукой. Итак, он добился своей цели и остался пока живым.

— Дело в том, что... — правая рука Бонда, в которой была дымящаяся сигарета, описала круг в воздухе. Пока внимание Нэша было сосредоточено на движении светящейся точки, Бонд левой рукой незаметно задвинул портсигар между страницами книги, — на первый взгляд все выглядит идеально. Но что будет с вами? Куда денетесь вы после того, как поезд покинет Симплонский туннель? Проводник знает, что вы ехали в нашем купе.

— Ах, это... — в голосе Нэша послышались разочарованные нотки. — Еще раз повторяю вам, что русские продумывают операции до малейших деталей. Я схожу с поезда в Дижоне и еду на машине в Париж. А там мои следы исчезают. Таинственный незнакомец лишь сделает сенсацию еще интереснее. К тому же интерес к моей особе возникнет только после того, как из вашего сердца извлекут вторую пулю. Время будет упущено, и они меня не поймут: завтра в полдень в номере 204 отеля «Ритц» я уже буду докладывать Розе о проведенной операции. Она уверена, что эта операция будет высоко оценена Москвой. Затем мы едем в Берлин. Я — под видом ее шофера.

Поезд начал набирать скорость. Бонд напрягся: до смертельного туннеля всего несколько минут. Какая глупая смерть! Его — и Татьяны! Боже мой, было столько благоприятных возможностей ускользнуть из ловушки, и он не воспользовался ни одной из них. Наоборот: самоуверенность, любопытство, четыре дня любви, к тому же внешнее благополучное течение операции ослабило его бдительность, усыпило чувство опасности, и он безвольно поплыл по течению. Ах, как будут торжествовать в СМЕРШе! «Товарищи, вы не сомневайтесь, ничего не стоит обмануть такого самодовольного кретина, как этот Бонд. Вот увидите, с какой готовностью он клюнет на нашу приманку. Уверяю вас, он просто полный дурак, как и все англичане...» А Татьяна, эта прелестная приманка? Бонд вспомнил первую ночь, проведенную с ней. Черные шелковые чулки, бархатная ленточка на шее, и — в это время фотографии СМЕРШа не сводили с них объективов. Какое пятно на репутации секретной службы, на самом М.! Вот если бы... Если бы его план, его такой ненадежный план сработал!

Издали, от первого вагона поезда донесся глухой гудок: начинался туннель. Еще несколько ярдов.

Еще несколько секунд...

Бонду казалось, что отверстие между переплетом и белыми страницами книги

становились все шире. Вот сейчас исчезнет лунный свет, темный туннель поглотит их, и из отверстия вылетит язык голубого пламени.

— Спокойных снов, английская падаль!

Глухой рев гудка превратился в оглушительный грохот: пуля, направленная прямо в сердце Бонда, пролетела положенные два ярда и попала в цель.

Бонд согнулся, рухнул на пол, тело его неподвижно застыло в похоронном свете фиолетовой лампы.

27. Десять пинт крови

Здесь все зависело от точного расчета. Нэш заявил, что пуля попадет Бонду прямо в сердце. Бонд знал, что Нэш будет верен своему слову. И Нэш не обманул его ожидания.

Бонд лежал, как лежат трупы. За полсекунды до того, как Нэш выстрелил, Бонд воскресил в памяти, как выглядят убитые. И он распростерся на полу подобно тряпичной кукле, раскинув руки и ноги.

Замерев, Бонд прислушался к своему телу: в том месте, куда ударила пуля, ребра будто обожгло раскаленным железом. Должно быть, пуля пробила портсигар и наружную часть книги. Ощущение, что ему в грудь влили расплавленный свинец. Но Бонд видел стоящие возле его лица ботинки, видел, как отражается на их коже фиолетовый свет ночника, и сознавал, что остался жив.

Мысленно Бонд тщательно проанализировал положение своего тела: сейчас надо было высчитать каждое движение, которое ему предстоит сделать. Раскинутые ноги. Наполовину согнутое колено, которым он оттолкнется от пола, когда понадобится вскочить на ноги. Правая рука, закрывающая пробитое пулей сердце — она в нескольких дюймах от края атташе-кейса, под косым швом которого — два острых, как бритва, метательных ножа. Стоило ли так издеваться над начальником технического отдела, когда тот демонстрировал, как и где нужно нажимать на шов? Левая рука безвольно отброшена в сторону — нет, она сильна, готова к тому, чтобы...

В купе, прямо над его головой, послышался глубокий длинный зев. Сейчас Нэш должен встать ногами на нижнюю полку... Он раздвинет густые волосы девушки и приложит дуло пистолета к ее затылку. Грохот поезда, мчащегося в туннеле, заглушит выстрел.

Теперь Бонд старался вспомнить анатомию человеческого тела. Где расположены самые незащищенные места в его нижней части? Где проходит главная артерия? Бедренная артерия — по внутренней стороне бедра. А подвздошная артерия, переходящая в бедренную? Через середину паха. Если его удар пройдет мимо цели, ему конец. Бонд не сомневался, что в рукопашной схватке с Нэшем у него нет никаких шансов победить. Первый удар будет решающим. Носки ботинок повернулись в сторону дивана. Что делает сейчас Нэш? Грохот поезда, мчащегося через Симплонский туннель под массивами Васенхорна и Монте-Леоне, заглушал все звуки. Впереди и сзади в других купе спального вагона спали, дремали или просто лежали сотни людей, думали о своей жизни, строили планы, может быть, радовались предстоящей встрече с близкими на перроне Лионского вокзала в Париже. И не знали, что совсем рядом с ними, по тем же самым стальным рельсам кто-то мчался навстречу своей смерти...

Коричневый ботинок отделился от пола. Чтобы встать на нижнюю полку, Нэшу придется одной ногой перешагнуть через тело, и тогда над головой Бонда, между двумя широко расставленными ногами, откроется ничем не защищенный пах.

Мышцы Бонда напряглись, как у змеи, приготовившейся к броску. Правая рука скользнула к углу кейса, нажала на косой шов, и узкая рукоятка ножа оказалась в ладони.

Вверх поднялся второй ботинок. Вот единственно нужное положение! Бонд подтянул левую руку, оперся ею в пол, переместив вес тела на другую сторону, и крепко сжал рукоятку ножа, чтобы он не вырвался из руки, если лезвие заденет кость. Медлить уже нельзя: забыв про боль. Бонд вскочил на ноги. Его рука, с зажатым в ней смертельным стальным жалом, молниеносно устремилась вверх, и нож до самой рукоятки вошел в чужое тело. Бонд старался утопить его в теле противника как можно глубже.

Сверху со стуком упала на пол «Беретта». Затем мужчина резко повернулся, и глубоко вошедший в плоть нож вырвался из руки Бонда. Огромное тело обрушилось вниз.

Бонд рванулся к окну, но рука падающего Нэша задела его по плечу, и удар опрокинул Бонда на диван. С пола медленно поднималось и приближалось к Бонду страшное оскаленное лицо с пылающими фиолетовыми глазами. Огромные руки, подобно клешням, протянулись к Бонду.

Полулежа на спине, Бонд ударил его ногой. Он почувствовал, что удар попал в цель, но тут же могучие руки сжали его колено и потянули вниз. Бонд попробовал схватиться за что-нибудь и удержаться на диване, но руки обхватили его колено железными тисками и упорно тянули вниз. Скоро ему в бедро вопьются и зубы. Бонд бесполезно пытался ударить Нэша свободной ногой. Внезапно его пальцы, цепляющиеся за обшивку дивана, натолкнулись на что-то твердое. Книга! Но в какую сторону она выстрелит, если нажать на корешок? В Нэша или в него, Бонда? В отчаянии он направил книгу в огромное потное лицо и нажал...

Раздался резкий щелчок, корешок засветился с противоположной от него стороны книги, и Бонд стал беспрерывно нажимать на корешок. Щелчки следовали теперь один за другим. Обложка книги стала теплой. Тиски, сжимающие колено Бонда, ослабли. Потное оскаленное лицо медленно поползло вниз. Из горла умирающего вырвался жуткий булькающий звук. Затем тело опрокинулось на пол...

Бонд лежал на диване, стиснув зубы, и тяжело дышал. Над дверью купе неровно, словно вздрагивая, горел ночник: волосок накала внутри лампы то ярко вспыхивал, то снова затухал.

«Наверное, — подумал Бонд, — неисправно динамо под вагоном». Он закрыл глаза, потом снова открыл их, пытаясь сосредоточиться. По его лицу стекали струйки пота.

Грохот поезда начал затихать. «Восточный экспресс» вырвался из туннеля, сбавил скорость и наконец остановился.

Бонд встал с дивана и отодвинул край шторы. Он увидел пакгаузы и запасные пути. Станцию освещали мощные прожектора на мачтах. Швейцария!

В наступившей тишине он расслышал какой-то звук, доносившийся снизу. Бонд наклонился к распростертому на полу телу, проклиная себя за то, что чуть было не повторил ошибку Нэша — не убедился в смерти противника. Книгу с огнестрельным отверстием в корешке он направил на Нэша, но тело было неподвижно. Бонд приложил ладонь к шейной вене. Пульс отсутствовал. Мертв! Это просто оседало вниз безжизненное тело.

Бонд снова сел и стал с нетерпением ждать, когда экспресс снова отправится в путь. Предстоит сделать так много! Разбудить Татьяну... Нет, прежде привести в порядок купе...

Рывок, и длинный поезд тронулся. Скоро он помчится по извилистому пути в предгорьях Альп. Бонду казалось, что в звуке спешащих колес уже слышалось что-то новое — какое-то нетерпеливое ожидание.

Он встал, переступил через тело, распростертое на полу, и включил свет. Купе походило на бойню. Какое страшное зрелище! Повсюду виднелись следы крови. Сколько крови в теле человека? Бонд вспомнил: десять пинт. Скоро вся эта кровь

вытечет на пол. Только бы она не просочилась в коридор! Бонд сорвал с нижней полки постельное белье и принялся за работу.

Наконец уборка подошла к концу — стены купе протерты, мертвое тело завернуто в простыни и одеяло. Бонд поспешно уложил чемоданы, — в Дижоне они должны сойти.

Бонд слегка потряс Татьяну за плечо, покрытое собольим манто.

Девушка не шевельнулась. Неужели Нэш солгал и она мертва?

В панике Бонд раздвинул пышные волосы и коснулся шеи. Кожа была теплой. Он сжал пальцами мочку уха девушки и ущипнул. Татьяна зашевелилась. Раздался едва слышный стон. Бонд снова ущипнул ее за мочку уха. Наконец донесся глухой голос: «Не надо, больно».

Бонд улыбнулся и с новой силой принялся трясти ее за плечо. Татьяна медленно повернулась на спину. Сонные глаза открылись, посмотрели вокруг отсутствующим взглядом и снова закрылись. «Что случилось?» — на этот раз голос звучал уже сердито.

В течение нескольких минут Бонд уговаривал девушку. Ругался и угрожал. Снова начинал трясти ее, все сильнее и сильнее. Наконец ему удалось стащить ее с верхней полки и усадить на диван.

Вид у нее был ужасный: вялые губы, сонные, упорно не открывающиеся глаза, спутанные мокрые волосы. Бонд достал полотенце, гребень и взялся за дело.

Проехали Лозанну, через час миновали французскую границу. Бонд запер Татьяну в купе и на всякий случай вышел в коридор. Французские пограничники и таможенники прошли мимо, не обратив на него никакого внимания, и скрылись в служебном купе. Через пять минут они вышли и отправились в другие вагоны.

Бонд вернулся в купе. Татьяна спала. Бонд взглянул на серебряные часы, которые он снял с запястья мертвого Нэша. 4:30. Еще час до Дижона. Он вздохнул и вновь принялся будить Татьяну.

Наконец глаза девушки открылись, и она посмотрела на Бонда осмысленным взглядом.

— Хватит, Джеймс, — сказала она.

Бонд вытер потное лицо, вынес чемоданы к выходу из вагона, затем подошел к проводнику и предупредил, что его жене нехорошо и они решили сойти с поезда в Дижоне.

— Не провожайте нас, — Бонд вручил проводнику пачку долларов. — Я уже вынес багаж, чтобы не беспокоить мадам Сомерсет. Мой приятель, мужчина со светлыми волосами, всю ночь присматривал за ней. Он врач. Я уложил его спать. Он очень устал. Не будите его, пожалуйста, пусть спит до самого Парижа.

— Ну конечно, мсье. — Проводник не видал таких щедрых чаевых с тех пор, когда кончилась добрая старая эпоха путешествующих миллионеров. Он вручил Бонду его паспорт и билеты. Поезд начал тормозить, приближаясь к станции.

Бонд поднял Татьяну на ноги, вывел в коридор и запер дверь, оставив в купе укутанный в белое кокон смерти.

Наконец они спустились по ступенькам и после многих часов пребывания в раскачивающемся поезде встали на благословенную твердь перрона. Носильщик, одетый в синюю форму, нес за ними багаж.

Рассветало, но было еще очень рано, и почти все пассажиры спали. Только небольшая группа путешественников, которые провели ночь, сидя на жестких скамейках вагона третьего класса, видела, как высокий молодой мужчина вел по перрону девушку, поддерживая за талию.

28. Вязальщица

Такси остановилось на улице Гамбон, у входа в отель «Ритц». Бонд посмотрел на свой трофей — часы Нэша, красовавшиеся на его запястье. 11:45. Необходимо быть совершенно точным. Он знал, что, если русский разведчик приходил на встречу на несколько минут раньше или опаздывал, даже чуть-чуть, встреча автоматически отменялась. Бонд расплатился с таксистом и вошел в дверь, ведущую в бар отеля.

Он подошел к стойке, заказал двойное мартини с водкой вместо джина и выпил половину. Настроение у него было великолепное. Как будто в его жизни не было последних четырех дней, не было и этой ночи с ее ужасами. Теперь он снова действовал один, ни за кого больше не отвечая: девушка спала в английском посольстве; «Спектром» со всеми его взрывными зарядами внутри уже занимались специалисты «Дьюксим Бюро» — Второго отдела французской контрразведки. С утра Бонд переговорил со своим старым другом Рене Матисом, который стоял теперь во главе Второго отдела. Тот позвонил в отель «Ритц» и распорядился, чтобы портье дал Бонду ключ от номера 204, не задавая никаких вопросов.

Рене был счастлив узнать, что Бонду нужна его помощь в каком-то таинственном деле. «Положись на меня, Джеймс, — сказал он. — Когда у тебя будет время, расскажешь мне подробности своих темных махинаций. Итак, рабочие прачечной — два моих переодетых и вооруженных агента — должны войти в дверь комнаты 204 ровно в 12:15 с большой плетеной корзиной для грязного белья. Я буду сопровождать их в качестве шофера машины. Забираем грязное белье и везем в аэропорт Орли. Там ждем прибытия самолета ВВС из Лондона, который должен прилететь в 14:00, и грузим корзину на самолет. В результате грязное белье из Франции попадает в Англию. Так?»

Начальник станции Ф. уже говорил с М. по закрытой линии связи. Он передал главе секретной службы содержание краткого письменного доклада Бонда и попросил, чтобы «Канберра» английских ВВС прибыла в Париж. Нет, объяснил начальник станции Ф., ему неизвестно, зачем потребовался самолет. Бонд появился в посольстве с девушкой и «Спектром», позавтракал и тут же ушел, сказав, что вернется после обеда.

Бонд снова взглянул на часы, допил коктейль, расплатился и вышел из бара. Он поднялся по ступенькам, ведущим в вестибюль гостиницы, и подошел к стойке портье.

Тот посмотрел на Бонда пристальным взглядом и дал ему ключ. Бонд кивнул, повернулся и направился к лифту. Поднявшись на второй этаж, он пошел вдоль коридора, отыскивая нужный ему номер — 204.

Бонд сунул правую руку под пиджак и коснулся рукоятки «Беретты», заткнутой за пояс брюк. Длинный цилиндр глушителя больно врезался ему в живот. Бонд постучал в дверь.

— Войдите, — донесся изнутри дрожащий старческий голос.

Бонд повернул ручку двери. Она была не заперта. Бонд положил ключ в карман, толкнул дверь, вошел и быстро закрыл ее за собой.

Перед ним была типичная гостиная «Ритца», элегантно обставленная. Белые стены, занавески и чехлы на стульях из белого ситца с маленькими красными розами. Огромный ковер темно-красного цвета, покрывающий пол от стены до стены.

В светлой, залитой солнцем комнате, в низком кресле рядом с письменным столом сидела и вязала маленькая старая женщина.

Не переставая вязать, она посмотрела на Бонда с вежливым любопытством.

— Да, мсье? — Ее голос был низким и хриплым. Напудренное одутловатое лицо под шапкой седых волос не выражало ничего, кроме учтивого интереса.

Рука Бонда, сжимающая под пиджаком рукоятку пистолета, напряглась, как стальная пружина. Его взгляд мгновенно obeжал комнату и снова вернулся к маленькой старушке в кресле.

Это очень похоже на ошибку, и он пришел не туда, куда ему нужно. Эта пожилая женщина — скорее всего почтенная богатая вдова, живущая в дорогом отеле и коротающая время за вязанием. У нее есть свое любимое место в ресторане на первом этаже отеля, ее обслуживает официант, к которому она давно привыкла. После обеда старушка поспит, затем в элегантном черном лимузине отправится в чайную на улице Рю де Берри, чтобы встретиться с какой-нибудь старой подругой. Да и одета соответственно: старомодное черное платье с полоской кружев на рукавах и на шее, лорнет с тонкой золотой цепочкой свисал на бесформенную грудь, небольшие ноги обуты в черные аккуратные туфли и едва касались пола. Она — один из руководителей СМЕРШа Роза Клебб? Бонд почувствовал, что под мышками побежали струйки пота. Нужно извиниться и уйти. Однако ничего не поделаешь, подумал он, отчего не повести игру до конца.

— Меня зовут Бонд. Джеймс Бонд.

— А меня, мсье, графиня Меттерстейн. Чем могу быть полезна? — Ее французский звучал как-то невнятно. «Должно быть, старушка родом из немецкой Швейцарии», — решил Бонд. Вязальные спицы мелькали, не переставая.

— Боюсь, что капитан Нэш не сможет придти к вам сегодня. С ним произошел несчастный случай. Я пришел вместо него.

Показалось или нет? Старческие глаза за светло-голубыми стеклами очков на мгновение будто бы сузились...

— Не имею чести быть знакомой с капитаном, мсье. Равно как и с вами. Садитесь и объясните, что вам нужно от меня. — Женщина кивком показала на стул напротив письменного стола.

Да, ее не в чем упрекнуть. Безупречное поведение и вежливость были поразительны. Бонд подошел к стулу и сел. Стол был пуст — за исключением старомодного телефона и кнопки звонка рядом с локтем старушки.

Бонд внимательно посмотрел на ее лицо, стараясь не упустить ни малейшей детали. Это было отвратительное старческое лицо, покрытое густым слоем пудры и румян, под шапкой седых волос. Глаза настолько светло-карие, что казались желтыми. Влажные бледные губы под узкой полоской волос, пожелтевших, видимо, от никотина. Никотина? Но где сигареты? В комнате не было пепельницы, не пахло табачным дымом.

Рука Бонда стиснула рукоятку пистолета. Он взглянул на клубки шерстяных ниток, на стальные спицы. Станные спицы: концы потемнели, будто их прокаливали в пламени. Неужели все вязальные спицы такие?

— Итак, мсье? — в голосе вязальщицы слышалась какая-то напряженность. О чем она думает?

Бонд улыбнулся, мысленно приказав себе быть бдительнее:

— Вы напрасно стараетесь обмануть меня. Я знаю что вы — Роза Клебб, начальник Второго отдела СМЕРШа. Инквизитор и убийца. Ваша задача — убить меня и Татьяну Романову. Наконец-то мы встретились.

Лицо женщины не изменилось, голос оставался таким же хриплым и вежливым. Она тянула левую руку к звонку.

— Вы сошли с ума, мсье. Придется вызвать портье, чтобы он вывел вас из моей комнаты.

Бонд так и не понял, что спасло ему жизнь. Может быть, он вдруг заметил, что не видно проводов, которые должны были идти от кнопки звонка к коврику и стене. А может быть, неожиданно вспомнил, что в ответ на стук в дверь слово «Войдите» было произнесено по-английски. Когда старушка нажала кнопку звонка. Бонда уже не было на стуле — он за секунду до этого вскочил и бросился в сторону.

Он упал на ковер. Послышался резкий треск разрываемой ткани: от спинки стула, на котором он только что сидел, летели щепки, а затем стул опрокинулся на

пол.

Бонд приподнялся и потянул из пиджака пистолет. Краем глаза он увидел, что из отверстия, неожиданно появившегося в телефонном аппарате, поднималась вверх тоненькая струйка голубого дыма. В следующее мгновение женщина вскочила, бросилась к Бонду, не выпуская из рук вязальные спицы и, наклонившись над ним, попыталась уколоть ими противника в ноги. И тут он понял: концы спиц, по всей вероятности, отравлены, скорее всего одним из немецких нервно-паралитических ядов. Стоит ей лишь чуть-чуть оцарапать его, даже сквозь одежду... Вот почему у них такой странный цвет...

Он резко ударил женщину ногой, отбросил ее в сторону, вскочил, прежде чем она снова кинулась на него. Бонд изо всех сил рванул рукоятку пистолета, но глушитель за что-то зацепился. Женщина взмахнула рукой. Бонд увернулся от летящей в него спицы, которая ударилась о стену и упала на ковер. Оскалив желтые зубы, женщина устремилась к нему. Не желая рисковать — как обороняться голыми руками против смертельного оружия? — он оперся на стол и перемахнул на другую его сторону.

Роза Клебб, тяжело дыша и бормоча что-то по-русски, мелкими шажками обежала вокруг стола. Руку с оставшейся спицей она вытянула перед собой наподобие рапиры. Бонд отступил назад, отчаянно дергая за рукоятку пистолета, пока не наткнулся на спасательный стул. Он отпустил рукоятку, протянул руку назад, схватил стул и, держа его за спинку, направил ножки стула в сторону Розы Клебб. Но она уже стояла рядом с телефонным аппаратом, направляя его отверстие на Бонда. Агент 007 быстро присел, и поток пуль врезался в карниз. Куски штукатурки посыпались на ковер.

Бонд выпрямился, вытянул перед собой ножки стула, шагнул вперед. Ножки обхватили женщину по обеим сторонам поясицы и над плечами. Но какой сильной она оказалась! Всею своею тяжестью навалившись на стул, Бонд медленно, шаг за шагом, отодвигал ее к стене, пока, наконец, ей больше некуда стало отступать. Зажатая со всех сторон. Роза Клебб плюнула ему в лицо. На раздувшихся губах ее выступила пена. Рука сжимала отравленную спицу, похожую на жало скорпиона, и Роза не оставляла попыток уколоть Бонда.

Изо всех сил прижимая Розу к стене ножками стула, Бонд точным ударом ноги выбил спицу из кулака обезумевшей женщины. Спица пролетела через комнату и упала на ковер.

Теперь Бонд мог передохнуть и спокойно оценить обстановку. Стул надежно прижимает женщину к стене. Руки и ноги ее свободны. Но тело сковано, и вырваться она не может.

— Представление окончено, Роза, — сказал Бонд. — Сейчас сюда приедут агенты французской контрразведки, и через час ты будешь уже в Лондоне. Никто не увидит, как тебя вынесут из отеля. Честно говоря, тебя вообще теперь мало кто увидит. С этого момента ты всего лишь номер в секретной картотеке. Твоим единственным и последним пристанищем в этой жизни будет психиатрическая лечебница.

Жабье лицо женщины, которое находилось всего в нескольких футах от Бонда, начало меняться: кровь отхлынула от щек, кожа стала совсем желтой. «Нет, это не от страха, — подумал Бонд. — Роза Клебб не собирается сдаваться».

Влажный бесформенный рот женщины искривила злобная усмешка.

— А где будете вы, мистер Бонд, когда меня запрут в лечебнице?

— Наслаждаться жизнью, Роза.

— Ошибаешься, английский шпион.

Но Бонд даже не услышал этих слов. Внезапно сзади него распахнулась дверь, и комнату наполнил взрыв хохота.

— Вот это да! — слышался такой знакомый голос Рене Матиса. — Положение номер семьдесят! Теперь меня уже ничто не удивит. И подумать только, его изобрел англичанин! Джеймс, это оскорбление для моих соотечественников!

— Не рекомендую пользоваться им слишком часто, — бросил Бонд через плечо. — От него очень устаешь. Впрочем, теперь ты будешь заниматься ей. Позволь представить. Это — Роза. Уверен, что вы станете друзьями. Она большая шишка в СМЕРШе — руководит организацией убийств, между прочим.

Матис вошел в комнату. За ним последовали широкоплечие мужчины в форме рабочих прачечной. Все трое остановились, с удивлением и любопытством разглядывая Розу, ее ужасное лицо.

— Роза... — задумчиво произнес Матис. — Роза? Ну конечно. Роза Малые! Так, так. Боюсь, что ей не слишком удобно в таком положении. Эй вы, давайте сюда корзину! В ней даме будет куда спокойнее.

Женщина по-прежнему не сводила глаз с Бонда. Она переступила с ноги на ногу и незаметно для всех носком левой ноги нажала на подъем правой. Из подошвы правой туфли выскользнуло вперед крошечное острие того же грязно-синего цвета, как и кончики вязальных спиц.

Мужчины подошли ближе и опустили на пол большую плетеную корзину.

Бонд «снял осаду», опустив стул.

— Берите ее! — приказал Матис и вежливо наклонил голову. — Был рад знакомству, мадам.

— До свиданья, Роза — сказал Бонд шагнувшей к нему Малые.

Мужчинам показалось, что Роза «лягнула» Бонда ногой в порыве последней, уже бессильной ярости. Они готовы были рассмеяться.

Но желтые глаза пленницы торжествующе сверкнули.

— Нет — не «до свиданья»! Прощайте, мистер Бонд.

Бонд почувствовал острую боль в икре правой ноги. Он поморщился и сделал шаг назад. Сильные руки мужчин схватили Розу Клебб.

Матис рассмеялся:

— Бедный Джеймс, опять последнее слово осталось за СМЕРШем!

Крошечный язык цвета грязно-синей стали, скрытый в обуви женщины, остался ими незамеченным. В длинную бельевую корзину усадили всего лишь беспомощную старуху.

— Ты поработал сегодня на славу, Джеймс, — Матис повернулся к Бонду. — Но выглядишь усталым. Отправляйся в посольство и выпишись как следует. Сегодня вечером в Париже я угощу тебя лучшим ужином. И найду тебе самую красивую девушку.

Бонд почувствовал, что тело его начало неметь. Ему стало очень холодно. Он хотел поднять руку, чтобы отпросить волосы со лба, но не смог даже пошевелить пальцами. Стало трудно дышать. Он до боли сжал челюсти и закрыл глаза, как обычно поступают люди, чтобы не казаться пьяными.

Корзину тем временем подняли и понесли к двери. Бонд отчаянным усилием воли приоткрыл глаза. Ему показалось, что Матис сделал шаг в его сторону.

— Мне не понадобится девушка, Рене, — пробормотал он.

Дыхание становилось все более затрудненным.

Бонд почувствовал, что у него подгибаются колени.

Он сказал... или подумал, что сказал: «У меня уже есть самая прелестная...»

Потом медленно повернулся и во весь рост упал на темно-красный ковер.